ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ФГБОУ ВО «ВГУ»)

Смирнова Валерия Викторовна

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ ПРОБЛЕМНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ С ИСХОДНОЙ СЕМАНТИКОЙ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Диссертация
на соискание ученого звания кандидата филологических наук
Специальность 10.02.19 – теория языка

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Шилихина Ксения Михайловна

Воронеж – 2018

Содержание

Введение 4

Глава 1. Дискурсивные маркеры как объект лингвистических исследований 14

1.1. Проблема выделения дискурсивных маркеров как класса языковых единиц 17

1.2. Изучение дискурсивных маркеров: подходы, материал и методы исследований 21

1.2.1. Изучение дискурсивных маркеров в лингвистической прагматике 23

1.2.2. Формализованные описания семантики дискурсивных маркеров 26

1.2.3. Исследование дискурсивных маркеров в устной речи: конверсационный анализ и когнитивное моделирование 28

1.3. Роль дискурсивных слов в обеспечении когерентности дискурса и текста. Функции дискурсивных слов 31

1.4. Типы значений, выражаемых дискурсивными маркерами 33

1.5. Эпистемическая модальность. Эпистемическая оценка. Эвиденциальность 38

1.6. Дискурсивные слова как способ выражения эпистемической оценки 46

1.6.1. Прагматические причины использования маркеров эпистемической оценки 49

1.6.2. Изучение маркеров эпистемической оценки в лингвистике 51

1.7. Регулярные семантические переходы как объяснительная модель формирования дискурсивных маркеров 52

1.7.1. Формирование дискурсивных маркеров: грамматикализация или прагматикализация? 54

1.7.2. Грамматикализация и прагматикализация: сходства и различия 58

1.8. Выводы 60

Глава 2. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности в русском языке 63
2.1. Методика исследования 65
2.2. Дискурсивные маркеры проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия 66
2.3. Дискурсивный маркер *очевидно* 68
2.4. Дискурсивный маркер *видимо* 95
2.5. Дискурсивный маркер *по-видимому* 121
2.6. Дискурсивный маркер *видать* 140
2.7. Дискурсивный маркер *видно* 154
2.8. Выводы 173
Глава 3. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности в английском языке 176
3.1. Наречие *apparently* как дискурсивный маркер проблемной достоверности 177
3.2. Наречие *evidently* как дискурсивный маркер проблемной достоверности 198
3.3. Наречие *seemingly* как дискурсивный маркер проблемной достоверности 216
3.4. Конструкция *it seems* как дискурсивный маркер проблемной достоверности 228
3.5. Наречие *obviously* как дискурсивный маркер проблемной достоверности 238
3.6. Выводы 250
Заключение 253
Литература 256
Словари 283

Введение

Изучение дискурсивных маркеров – относительно молодое, но при этом активно развивающееся направление лингвистических исследований, которое сформировалось в рамках функционального подхода к языку. Интенсивность, с которой в последние десятилетия ведется изучение дискурсивных маркеров как особого класса языковых единиц, объясняется в первую очередь вниманием исследователей к проблеме семантической и прагматической организации дискурса и той роли, которую дискурсивные маркеры играют в организации общей смысловой целостности коммуникации.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению *исторического процесса формирования* класса *дискурсивных маркеров проблемной достоверности* – языковых средств, с помощью которых говорящий обозначает сомнение в абсолютной достоверности высказывания.

Значение проблемной (неполной) достоверности является одной из «точек» на шкале значений эпистемической оценки достоверности / неполной (проблемной) достоверности / недостоверности. Данная шкала отражает один из важнейших аспектов процесса передачи информации – степень уверенности говорящего в соответствии сообщаемых фактов реальному положению дел. При том, что поле языковых средств, позволяющих говорящему выразить оценку достоверности сообщаемой информации, весьма обширно, в данной работе нами рассматривается только одно возможное средство выражения эпистемической оценки – дискурсивные маркеры, указывающие на неполную уверенность говорящего в достоверности сообщаемой информации. В наибольшей степени нас интересует процесс формирования дискурсивных маркеров эпистемической оценки в исторической перспективе.

Дискурсивные маркеры эпистемической оценки неоднократно становились объектом лингвистических исследований. Однако, по сравнению с маркерами уверенности в достоверности информации, дискурсивные маркеры проблемной достоверности исследовались реже. В связи с этим **актуальность** исследования определяется необходимостью комплексного описания этой группы дискурсивных маркеров как функциональных языковых единиц, необходимых для оценки связи высказывания с некоторой ситуацией в реальном мире, и – более широко – для обеспечения когерентности дискурса в целом. Кроме того, ***актуальным*** представляется исследование исторического процесса формирования группы дискурсивных маркеров проблемной достоверности: такой анализ позволяет проследить цепь регулярных семантико-прагматических переходов, которые приводят к появлению у языковых единиц нового дискурсивного значения.

Степень разработанности проблемы. Существующий на сегодняшний день объем публикаций, посвященных эпистемической модальности как разновидности модального значения, эпистемической оценке и языковым способам ее выражения в высказывании и тексте, свидетельствует о том, что данная теоретическая проблема остается актуальной для современной лингвистики [Беляева 1985, Виноградов 1975, Глушак 2009, Доронина 2009, Межерицкая 2009, Падучева 2013, Швец 2007]. Дискурсивные маркеры как один из возможных способов выражения эпистемической оценки неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. На материале английского языка детально описаны синтаксические свойства данных единиц [Quirk 1985], предложены классификации маркеров эпистемической оценки [Huddelston 2002, Сарафанникова 2006, Biber 1998, Biber 1999]. Еще один важный аспект изучения маркеров эпистемической оценки – анализ их функционирования в разных типах и жанрах текстов либо в устной речи [Евсюкова 2012, Кожухова 2015, Манаенко 2010, Смурова 2011, Смурова 2012, Соколова 2014]. Как правило, исследователи обращают внимание на функциональные

возможности маркеров уверенности говорящего в достоверности либо недостоверности сообщаемого [Исаченко 2012, Плунгян 2008б]. Вместе с тем необходимо отметить, что дискурсивные маркеры проблемной достоверности реже становятся объектами лингвистических описаний (применительно к русскому языку исключением здесь является работа [Дискурсивные слова 2003], в которой анализируется функционирование дискурсивов с корнем -*вид*-). Во-вторых, изучение дискурсивных маркеров эпистемической модальности ведется преимущественно с точки зрения синхронного состояния данной группы лексики. Нас же в данной работе интересует преимущественно исторический процесс формирования данной группы языковых средств, в частности, те регулярные семантические и прагматические переходы, которые сделали возможным процесс прагматикализации и привели к появлению и закреплению в речи носителей языка маркеров проблемной достоверности.

Цель исследования – ответить на вопрос, каким образом определенная группа лексем развивает новое (дискурсивное) значение; показать, как протекает процесс *прагматикализации* лексических единиц, т.е. развитие дискурсивной функции при одновременной утрате исходной семантики и синтаксических связей внутри предложения. Для достижения данной цели необходимо решить ряд **задач**, а именно:

1) определить круг языковых единиц, выполняющих функцию дискурсивного маркера с семантикой проблемной достоверности, т.е. неполной уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации;

2) для каждого дискурсивного маркера сформировать конкордансы – коллекции контекстов, иллюстрирующих употребление интересующих нас языковых единиц в различные эпохи и в различных сферах коммуникации;

3) описать лексическое и грамматическое окружение интересующих нас словоформ, чтобы установить пути их движения от полнозначного употребления к дискурсивному;

4) провести хронологическое сопоставление контекстов, учитывая при этом синтаксические, семантические и прагматические свойства исследуемых языковых единиц;

5) описать последовательность изменений семантических и прагматических свойств исследуемых словоформ, в результате которых стало возможным их дискурсивное употребление.

Объектом исследования являются русские словоформы *видно, видимо, видать, очевидно, по-видимому* и английские *apparently, evidently, obviously, seemingly,* а также конструкция *it seems*.

Предмет исследования – исторический процесс формирования у названных словоформ функции дискурсивных маркеров проблемной достоверности.

В качестве **материала** исследования были использованы данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и The Corpus of Historical American English (далее – COHA), а также The Corpus of Contemporary American English (далее – COCA) для сбора данных о функционировании интересующих нас слов в американском варианте английского языка с 2000 по 2017 гг. Такой выбор источников объясняется в первую очередь тем, что «… главное достоинство корпусного метода состоит в том, что исследователь получает представление об относительной значимости различных явлений» [Рассказы о сновидениях 2009, с. 27]. Значимость языкового явления можно оценить, исходя из тех качественных и количественных данных, которые предоставляет пользователю корпус [Biber 1998a, McEnery 2001, Simon-Vandenbergen 2007, Плунгян 2008a, Викторова 2013, Ляшевская 2016]. Кроме того, корпус дает информацию о вариативности использования исследуемых языковых единиц в разные хронологические периоды и позволяет избегать субъективности в подборе и оценке примеров [Плунгян 2008a].

Основной подкорпус НКРЯ и COHA являются сопоставимыми источниками также и в хронологическом плане, поскольку они

предоставляют информацию о том, как функционирует русский язык с начала XVIII в. по настоящее время и американский вариант английского языка в период с 1800 г. до начала XXI в., соответственно. Общий объем конкордансов – около 50000 для русского языка и 25000 контекстов для американского варианта английского языка. Анализ и сопоставление корпусных данных по нескольким хронологическим срезам позволяет выявлять общие тенденции в динамике узуса на лексическом и грамматическом уровнях языка [Добровольский 2001].

Исходная **гипотеза** исследования заключается в том, что исторический процесс формирования данной группы дискурсивных маркеров может быть описан как последовательность регулярных семантических переходов, в ходе которых наряду с новыми значениями словоформы приобретают новые прагматические функции. В результате происходит *прагматикализация* этих языковых единиц и формируется особая группа языковых средств, способных указывать на сомнение говорящего в абсолютной достоверности сообщаемой информации.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что полученные результаты способствуют развитию теории дискурса и теории текста, вносят вклад в понимание того, каким образом говорящий указывает на соотношение высказывания с описываемой ситуацией. Исследование показывает, что формирование дискурсивных маркеров эпистемической оценки в целом и проблемной достоверности в частности представляет собой длительный исторический процесс последовательных семантических переходов. Для каждого проанализированного дискурсивного маркера выделены основные типы контекстов их употребления и описаны условия, способствующие возникновению новых значений и прагматической функции дискурсивного маркера для словоформ и конструкций с исходной семантикой зрительного восприятия.

Практическая значимость работы объясняется тем, что комплексное описание дискурсивных маркеров востребовано в преподавании

иностранных языков, так как владение дискурсивными маркерами является важной составляющей коммуникативной компетенции как для носителя языка, так и для тех, кто изучает язык как иностранный. Кроме того, данные о функционировании дискурсивных маркеров в различных сферах коммуникации необходимы для их более точного лексикографического описания. Еще одна сфера практического применения полученных данных – это переводческая деятельность. Известно, что каждый язык обладает своим набором дискурсивных маркеров. Установление особенностей функционирования этих языковых средств необходимо для дальнейшего выбора адекватных переводных эквивалентов и минимизации смысловых потерь при переводе. В силу своей многозначности и зависимости от контекста дискурсивные маркеры также представляют собой проблему для автоматической обработки естественного языка [Stede 1997]. Поэтому описание наиболее типичных контекстов, в которых функционируют маркеры проблемной достоверности, может быть востребовано в системах машинного перевода, информационного поиска, автоматической обработки текстов для решения задачи снятия многозначности. Наконец, результаты исследования могут быть использованы в преподавании теоретических курсов по общему языкознанию, общей семантике и лексикологии, теории воздействия, стилистике, межкультурной коммуникации.

Теоретической базой исследования стали работы по анализу дискурса [А.Н. Баранов, Н.В. Богданова-Бегларян, Е.Г. Борисова, Е.Ю. Викторова, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.И. Подлесская, И.А. Шаронов, К.М. Шилихина, W. Chafe, K. Fischer, K. Hyland, D. Schiffrin], лингвистической прагматике [И.М. Кобозева, B. Fraser, K. Aijmer, D. Blackmore, A. Jucker], исторической лингвистике и типологии [М.В. Копотев, В.А. Плунгян, B. Heine, E. Traugott], лексической и грамматической семантике [Ю.Д. Апресян, Е.И. Беляева, В.В. Виноградов, Д.О. Добровольский, Г.И. Кустова, Е.В. Падучева, В.А. Плунгян, B. Heine,

J. Lyons, E. Traugott], корпусной лингвистике [Д.О. Добровольский, О.Н. Ляшевская, К.М. Шилихина, K. Aijmer, D. Biber, T. McEnery].

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые формирование дискурсивных маркеров эпистемической оценки в русском и английском языках описывается как *прагматикализация,* т.е. как процесс исторических изменений семантических и прагматических свойств языковых единиц. Данный процесс выражается в том, что в определенном окружении словоформы могут утрачивать свое основное лексическое значение и приобретать дискурсивную (прагматическую) функцию показателя степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации. В работе впервые описана цепь семантических переходов, которые привели к появлению у группы словоформ с исходной семантикой зрительного восприятия функции (т.е. дискурсивного значения) указания на неполную достоверность сообщаемой информации. Кроме того, в диссертации впервые проведен количественный анализ различных употреблений изучаемых единиц, что позволило проследить динамику функциональной нагрузки на различные типы контекстов.

Для сбора, количественной обработки и классификации материала в работе были использованы **методы** корпусной лингвистики. Для последующего описания привлекались методы семантического анализа, синтаксического анализа, контекстного анализа. Сопоставление данных по нескольким хронологическим срезам потребовало привлечения количественных методов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Описание функциональных свойств и семантики дискурсивных маркеров возможно только в направлении «от речи (употребления) к языку», поскольку формирование дискурсивного маркера из полнозначной языковой единицы определяется возрастающей частотой и закрепления в узусе ее дискурсивного употребления, которое далее может закрепиться в языковой системе как отдельное значение.

2. Изучение дискурсивных маркеров должно осуществляться на материале языковых корпусов, поскольку именно этот источник эмпирических данных позволяет оптимально сочетать синхронное описание с диахроническим подходом, а также количественно оценивать функциональную нагрузку на различные значения словоформы в разные эпохи.

3. Формирование группы дискурсивных маркеров эпистемической оценки (в частности, маркеров проблемной достоверности) – это результат длительного процесса *прагматикализации,* т.е. функциональной специализации наречий, кратких прилагательных и глагольных форм с исходной семантикой зрительного восприятия, в результате которого сформировалась группа языковых средств, выражающих неполную уверенность говорящего в достоверности сообщаемого.

4. Процесс прагматикализации маркеров проблемной достоверности затрагивает преимущественно адвербиальную лексику, а также некоторые глагольные словоформы, используемые в различных конструкциях и синтаксических позициях. Именно наличие определенных «предпочтений» в лексической и грамматической сочетаемости позволило этим словоформам развить новое прагматическое значение.

5. Развитие дискурсивных маркеров «проблемной достоверности» из лексем, исходная семантика которых связана с ситуацией зрительного восприятия, проходило в четыре этапа: исходное указание на восприятие ситуации собственными глазами (абсолютная достоверность) ⇒ выражение умозаключения, основанного на имеющейся у говорящего информации (высокая степень достоверности) ⇒ выражение эвиденциального значения (высокая степень достоверности) ⇒ лексическое маркирование эпистемической оценки неполной уверенности говорящего в сообщаемой информации (проблемная достоверность). Таким образом, прагматикализация данной группы словоформ включает несколько

связанных между собой звеньев и приводит к утрате исходного значения зрительного восприятия.

6. Границы между этапами семантических переходов являются недискретными. Для многих дискурсивных единиц с семантикой проблемной достоверности прагматикализация не означает полной утраты их исходной семантики. Однако частота употребления данных словоформ в функции дискурсивных маркеров увеличивается, в то время как функциональная нагрузка на полнозначные употребления может снижаться.

7. Количественный анализ контекстов позволяет сделать вывод об активности процесса прагматикализации дискурсивных маркеров эпистемической оценки: в современном русском языке наиболее активно этот процесс протекал в первой и второй половине XIX века, в американском варианте английского языка – в XX веке, когда параллельно с ростом относительной частоты употребления исследуемых единиц наблюдался рост их дискурсивных употреблений.

Апробация. Основные положения диссертации опубликованы в пяти статьях общим объемом 2,5 п.л., из них три – в изданиях, рекомендованных ВАК. Результаты исследования обсуждались на 3-ей Всероссийской научной конференции «Сопоставительные исследования – 2017» (Воронеж 2017), на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Белгород 2017), на Всероссийской конференции с международным участием «Проблемы компьютерной лингвистики и лингвистической типологии» памяти проф. В.Т. Титова (Воронеж 2017), на Международной научно-практической конференции «ConCort – Корпусные технологии, Digital Humanities и современное знание (Москва – Вороново, НИУ ВШЭ, 2017), на IV Международном семинаре «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Кашкинские чтения), а также на ежегодных научных сессиях факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и списка словарей. В главе 1 обсуждаются

основные теоретические подходы и термины, послужившие методологической основой для данного исследования. Глава 2 посвящена анализу процесса прагматикализации дискурсивных маркеров эпистемической оценки в русском языке – исследуются употребления словоформ *видимо, по-видимому, очевидно, видать, видно*. Хронологический анализ проводится по данным Национального корпуса русского языка, особое внимание при этом уделяется контекстам, принадлежащим семи хронологическим срезам: 1700-1749 гг., 1750-1799 гг., 1800-1849 гг., 1850-1899 гг., 1900-1949 гг., 1950-1984 гг., 1985-2017 гг. В главе 3 рассматриваются английские дискурсивные маркеры *apparently, evidently, seemingly, it seems, obviously*, способные служить сигналами оценки говорящим степени достоверности сообщаемой информации. Хронологический анализ здесь охватывает следующие периоды: 1800-1849 гг., 1850-1899 гг., 1900-1949 гг., 1950-1999 гг., 2000-2017 гг. В Заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Глава 1. Дискурсивные маркеры как объект лингвистических исследований

Дискурсивные маркеры как особый класс языковых единиц стали объектом лингвистических исследований относительно недавно, однако их классификации и описанию их функций в устной и письменной коммуникации посвящено уже достаточно большое количество статей и монографий [Schiffrin 1988, Баранов 1993, Дискурсивные слова 1998, Schourup 1999, Fischer 2000, Дискурсивные слова 2003, Кобозева 2004, Подлесская 2009, Lutzky 2012, Борисова 2013, Викторова 2014a, Никитина 2014, Богданова-Бегларян 2015, Шилихина 2015, Pragmatic Markers 2017]. Внимание к дискурсивным маркерам объясняется в первую очередь поворотом лингвистики к *человеку говорящему* [Ажеж 2003] и когнитивным процессам, которые сопровождают речевую деятельность, а также той важной ролью, которую эти языковые единицы играют в обеспечении общей смысловой целостности (когерентности) дискурса [Schiffrin 1988, Lenk 1998b, Fuller 2003, Taboada 2006, Redeker 2014].

На важную роль дискурсивных маркеров в понимании высказывания / текста указывают многие исследователи [Баранов 1993, Stede 2000, Blakemore 2002, Подлесская 2009, Каменский 2014]. Например, по мнению Дианы Блэкмор, дискурсивные маркеры – это метапрагматические сигналы, которые служат своего рода инструкциями по когнитивной обработке высказывания [Blakemore 2002]. Организующей, по сути, метадискурсивной функцией объясняет существование этих единиц израильский исследователь Я. Машлер [Maschler 2009]. В самом общем виде можно говорить о том, что в высказывании дискурсивные маркеры становятся одним из инструментов своеобразной «тонкой настройки» смысла сказанного, позволяя говорящему соотносить высказывание с реальной ситуацией, оценивать его с точки

зрения достоверности / недостоверности, комментировать иллокутивную цель высказывания, выражать собственное эмоциональное отношение к сообщаемой информации, управлять процессом понимания сказанного и т.д.

Появление дискурсивных маркеров в речи или тексте каждый раз указывает на осознанный выбор, сделанный говорящим в соответствии с непосредственным контекстом общения, его представлениями о том, какими знаниями может или должен обладать собеседник, и т.д. Ср. мнение А.А. Кибрика и В.И. Подлесской: «В основе дискурсивного процесса лежит план говорящего – внутреннее ментальное задание, которое говорящий имеет до формирования внешней языковой формы… В процессе реализации этого плана говорящий совершает многочисленные выборы, и языковая форма является уже результатом этих выборов» [Рассказы о сновидениях 2009, с. 31].

В лингвистических работах, посвященных дискурсивным маркерам, наблюдается значительное терминологическое разнообразие: эти единицы называют *маркерами дискурса* [Егорова 2009], *дискурсивными словами* [Дискурсивные слова 1998, Кобозева 2007, Шерстяных 2012, Карасик 2016], *дискурсивами* [Паршина 2012, Шалимова 2016], *логическими частицами* [Го 2017], *дискурсивными частицами* [Fischer 2000, Stede 2000, Aijmer 2002], *модальными частицами* [Шведова 1980, Аверина 2016], *модальными словами* [Виноградов 1975, Разлогова 2005], *модальными операторами* [Радбиль 2014], *прагматемами* [Богданова-Бегларян 2014], *вспомогательными коммуникативным единицами* [Викторова 2010, Викторова 2015] и т.д. Делаются также попытки разграничить смежные явления, например, дискурсивные слова и коммуникативы [Шаронов 2015, 2016, 2018].

Терминологическое многообразие расценивается лингвистами скорее как препятствие, но не стимул для продуктивных исследований [Fedriani 2017]. Как указывают многие исследователи, на выбор термина влияет в первую очередь принадлежность исследователя к той или иной научной парадигме [Дискурсивные слова 1998]. Кроме того, терминологическое

разнообразие отражает различное понимание границ данного класса языковых единиц, поэтому можно говорить о широком и узком понимании. В широком понимании к классу дискурсивов относят языковые единицы самых разных уровней, от фонетического до синтаксического, при этом к дискурсивным маркерам причисляются «слова, фразы, звуки, не имеющие реального лексического значения, но обладающие функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» [Жеребило 2011, с. 72]. В узком понимании исследователи ограничивают данный класс единиц вводными словами и частицами [Schiffrin 1988]. В данной работе мы будем пользоваться наиболее общими терминами *дискурсивные единицы* и *дискурсивные маркеры*, поскольку они не накладывают ограничения на «протяженность» интересующих нас единиц и позволяют описывать многокомпонентные дискурсивные единицы. Кроме того, само существительное *маркер*, образованное от английского глагола *to mark*, указывает на функциональную природу данных языковых единиц: дискурсивные маркеры функционируют в качестве сигналов наличия дополнительных смыслов в высказывании.

По мнению В.А. Плунгяна, исследование дискурсивных единиц – одна из наиболее трудных задач современной лингвистики [Плунгян 2012]. М.А. Егорова отмечает, что «общепринятого взгляда на то, что собой представляет указанный класс, на каких основаниях его следует выделять, равно как и в чем состоит его специфика по отношению к другим классам, пока не существует» [Егорова 2009, с. 18]. В результате даже при совпадении критериев выделения дискурсивных маркеров списки единиц, относимых к этой группе языковых средств, у разных исследователей значительно расходятся [Егорова 2009].

Известно, что дискурсивные маркеры различаются как по своей частеречной принадлежности, так и по выполняемым в высказывании функциям. Кроме того, «протяженность» этих единиц может варьировать от одной словоформы (*оказывается, короче, apparently*) до устойчивого

словосочетания (*по всей видимости, если можно так сказать, you know, if you know what I mean* и др.). Как отмечает О.Б. Сиротинина, «общее между ними только одно – все они участвуют, хотя и с разными функциями, в оформлении передаваемой адресату информации в понятный для него дискурс, облегчают адресату его точное понимание (строение, отношение адресата к информации, к выбранному им слову и т. д.)» [Сиротинина 2008, с. 476].

Ситуацию дополнительно осложняет еще и тот факт, что описание семантики дискурсивных маркеров возможно только с опорой на широкий контекст [Дискурсивные слова 1998, Егорова 2009]. Все эти факторы объясняют отсутствие единства во мнениях исследователей на природу, функции и виды дискурсивных маркеров.

Решение проблемы определения дискурсивных маркеров, которое можно считать определенным компромиссом, было предложено Я. Машлером: можно говорить о *прототипическом* дискурсивном маркере, который реализует в высказывании все прагматические, структурно-синтаксические, а также интонационные свойства (обсуждение данных свойств см. ниже). Все остальные единицы, претендующие на статус дискурсивного маркера, но реализующие только часть свойств, можно классифицировать как «*непрототипические*» [Maschler 2015]. Однако при таком подходе возникает еще одна проблема – установления границ для данного класса единиц. Обсуждению этой проблемы посвящен следующий раздел диссертации.

1.1. Проблема выделения дискурсивных маркеров как класса языковых единиц

Итак, дискурсивные маркеры – одно из трудноопределимых явлений языка и речи. Их выделяют в особый класс не на основании формальных критериев, а на основании общих функциональных характеристик, а именно

– той роли, которую дискурсивные маркеры играют в речи и тексте. Как было упомянуто выше, в самом общем виде эту функцию можно определить как обеспечение связности (когерентности) дискурса [Schiffrin 1988, Баранов 1993, Jucker 1998, Подлесская 2009, Борисова 2014]. При этом частеречная принадлежность дискурсивных маркеров отходит на второй план, хотя исследователи отмечают, что чаще всего дискурсивные единицы относятся к разрядам частиц, вводных слов или модальных слов [Дискурсивные слова 1998]. Многие единицы, сегодня причисляемые к разряду дискурсивных маркеров, подробно описаны в работах, посвященных соответствующим частям речи [Виноградов 1975, Кобозева 1981, Николаева 2005, Урысон 2011]. Помимо отдельных лексических единиц в класс дискурсивов попадают также некоторые конструкции (*честно говоря*) и вводные предложения (*Как было сказано ранее…*). Таким образом, дискурсивные маркеры – это класс языковых единиц, не имеющий четких границ. Применяя положения теории нечетких множеств [Заде 1976], а также полевую модель, мы можем говорить о существовании ядра и периферии внутри этого класса: единицы, относящиеся к ядру, реализуют максимальный набор характеристик дискурсивных маркеров, в то время как периферийные единицы будут демонстрировать лишь некоторую часть этих характеристик.

Критерии выделения дискурсивных маркеров достаточно многочисленны. При этом ряд критериев выделяется большинством исследователей, другие указываются только в некоторых работах. Как правило, критерии соотносятся с традиционно выделяемыми уровнями языка. Например, А. Джукер описывает данную группу языковых средств на основе фонетических, синтаксических и семантических критериев [Jucker 1998, Jucker 2002]. Фонетически дискурсивные маркеры произносятся со значительной редукцией безударных слогов, часто составляя группу с отдельным интонационным контуром (это свойство позволило А.А. Кибрику и В.И. Подлесской описывать дискурсивные маркеры как отдельную регуляторную элементарную дискурсивную единицу, см. [Рассказы о

сновидениях 2009, Подлесская 2009], хотя в ряде работ указывается на вариативность фонетического поведения дискурсивных маркеров, например, в [Francis 1992]). На синтаксическом уровне для дискурсивных маркеров более характерна начальная позиция в высказывании и синтаксическая независимость от остальных членов предложения. С точки зрения семантики основным свойством дискурсивных маркеров является отсутствие у них денотата и невозможность их оценки с точки зрения истинности или ложности.

В работе [Дискурсивные слова 1998] К.Л. Киселева и Д. Пайар выделяют следующие функциональные свойства дискурсивных маркеров (дискурсивных слов):

1) У них отсутствует денотат, т.е. это лексика с непредметным значением. Это свойство определяет возможность изучения и описания данных единиц только на основе их употребления в контексте.

2) Дискурсивные слова необходимы для обеспечения связи между фрагментами дискурса, между его участниками, а также для выражения оценки, мнения и т.д.

3) Дискурсивные единицы могут также употребляться как полнозначная лексика (это так называемые недискурсивные употребления).

4) С многозначностью связано их четвертое свойство: выделение значений дискурсивов очень субъективно, поэтому в словарях может быть представлено разное количество значений.

5) Зависимость дискурсивного слова от контекста проявляется в том, что часто бывает трудно провести границу между собственным значением дискурсива и значением контекста: «Именно в дискурсивной деятельности формируются новые понятийные, оценочные и эмоциональные смысловые конфигурации, не имеющие в языковой системе своего обозначения» [Никитина 2014, с. 209].

6) Данное свойство является логическим продолжением предыдущего: для описания дискурсивных слов исследователям приходится анализировать контексты большого объема [Дискурсивные слова 1998].

На иных основаниях построено описание свойств дискурсивных маркеров в работе [Brinton 1996]. За основу берется уровневая модель языка, которая позволяет описать «поведение» маркеров» в речи. Так, к фонологическим характеристикам Бринтон относит краткость, редуцированность произнесения и наличие единого тонального контура; к лексическим – невозможность соотнесения дискурсивных маркеров с традиционными частеречными классификациями языковых единиц.

В работе [Fischer 2000] выделяются семантические, функциональные и формальные (form-related) свойства дискурсивных единиц. К семантическим характеристикам К. Фишер относит «неучастие» дискурсивных маркеров в пропозиции высказывания, отсутствие собственного лексического значения, индексальную (в семиотическом смысле) связь значения дискурсивных маркеров с контекстом. Однако, по мнению К. Фишер, поскольку данные свойства также присущи и другим языковым единицам, их оказывается недостаточно для выделения дискурсивных маркеров в отдельный класс. Именно поэтому в исследовании предлагаются и другие свойства. К функциональным свойствам относится участие дискурсивных маркеров в структурной и информационной организации дискурса (с одной стороны, это объединение фрагментов дискурса в единое смысловое целое, с другой стороны, – сегментация дискурса), а также метаязыковое функционирование. Наконец, к формальным К. Фишер относит следующий ряд критериев: дискурсивные единицы могут функционировать как отдельные высказывания, поскольку они не имеют грамматической связи с остальными элементами более крупных высказываний; они не могут изменяться морфологически; на них может падать логическое ударение, однако в определенных случаях для них характерна фонетическая редукция [Fischer 2000]. Логическое ударение и начальная позиция, по мнению К. Фишер, – это

критерии, которые позволяют разграничить дискурсивные маркеры и модальные частицы в немецком языке.

Таким образом, на современном этапе изучения дискурсивных маркеров проблема критериев для определения границ данного класса единиц остается нерешенной. Однако исследователи сходятся во мнении относительно некоторых свойств дискурсивных маркеров: их синтаксической независимости, отсутствие связи с пропозициональным содержанием высказывания, их функционального предназначения и отсутствия собственного денотативного значения. Эти свойства определяют прототипические дискурсивные маркеры, но их оказывается недостаточно для установления четких границ данного класса единиц.

В следующем разделе мы более подробно остановимся на существующих в современной лингвистике подходах к изучению дискурсивных маркеров.

1.2. Изучение дискурсивных маркеров: подходы, материал и методы исследований

Анализ работ, посвященных дискурсивным маркерам, позволяет говорить о существовании целого ряда исследовательских подходов к этим единицам. Дискурсивные единицы изучаются с позиций лингвистической прагматики [Redeker 1991, Fraser 1999, Fraser 2009, Jucker 1998], лингвистической семантики [Кобозева 2007], логико-стилистического подхода [Разлогова 2005], анализа дискурса [Шилихина 2013а, Викторова 2014а, 2014б, Борисова 2014, Соколова 2014, Карасик 2016]. Психолингвистические исследования направлены на установление роли дискурсивных маркеров в порождении высказывания [Дараган 2000, Дараган 2002]. Когнитивные исследования этих единиц, представленные в работах [Каменский 2012, Каменский 2014, Fischer 2015, Борисова 2017], предполагают такой анализ, «… суть которого применительно к данному

материалу состоит в стремлении описать и объяснить их функционирование, увязав его с состояниями и процессами, локализованными в сознании говорящего» [Кобозева 2007, с. 466].

Ряд исследований посвящен просодическим свойствам дискурсивных единиц [Кобозева 2004, Подлесская 2009, Колмогорова 2015, Levontina 2016], а также истории их формирования [Jucker 2002, Lutzky 2012, Шилихина 2017]. Прикладные исследования дискурсивных маркеров связаны с проблемами автоматической обработки естественного языка, в частности, машинного перевода [Stede 1997, Stede 2000, Meyer 2013, Lopes 2015].

Что касается эмпирического материала, которым пользуются лингвисты, традиционными источниками данных служат художественные тексты и записи устной речи, однако в последние годы в качестве основного источника данных о функционировании дискурсивных единиц все чаще используются языковые корпуса [Aijmer 2002, Богданова-Бегларян 2014а, Колмогорова 2015, Шмелев 2015, Dobrovol’skij 2015, Шаронов 2015, Шилихина 2015, Апресян 2017].

Следует также отметить, что исследования дискурсивных маркеров, как правило, ограничиваются данными какого-то одного конкретного языка, причем часто исследователи описывают либо отдельный дискурсивный маркер во всем многообразии его контекстуальных значений, либо группу маркеров с общим значением. Такое положение вещей объясняется несколькими причинами: во-первых, дискурсивные маркеры часто бывают многозначными, поэтому описание их функционирования само по себе является достаточно объемной задачей. Во-вторых, исследователям приходится анализировать объемные контексты для описания свойств дискурсивных единиц. Большое количество работ посвящено дискурсивным маркерам английского [Redeker 1990, Schwenter 2000, Егорова 2009, Николаева 2014, Кожухова 2015], русского [Апресян В.Ю. 2017, Арутюнова 2000, Егорова 2018, Кобозева 2004, Кобозева 2007, Шмелев 2007, Копотев 2014, Колмогорова 2015, Разлогова 2005], немецкого [Аверина 2016, Fischer

2000, Stede 2000, Pittner 2007] языков. Реже рассматриваются дискурсивные единицы других языков – иврита [Maschler 2009, Maschler 2017], греческого [Goutsos 2017], итальянского [Squartini 2017], шведского [Alm 2015], водского языка [Агранат 2009].

Можно также привести примеры сопоставительных исследований, которые показывают языковое своеобразие дискурсивных маркеров и трудности, которые возникают у переводчиков при выборе переводного эквивалента [Fischer 2007, Fleischman 2004, Викторова 2010, Добровольский 2015, Dobrovol'skij 2015, Добровольский 2017, Смирнова 2016, Шилихина 2015, Шмелев 2017, Kresić 2017].

Далее мы остановимся более подробно на наиболее популярных подходах к изучению дискурсивных маркеров.

1.2.1. Изучение дискурсивных маркеров в лингвистической прагматике

Работы американского исследователя Б. Фрейзера можно считать ярким примером прагматического подхода к описанию дискурсивных единиц. В основе теории, разрабатываемой исследователем, лежит противопоставление семантики высказывания и его прагматического значения. Семантика связана с референциальным аспектом, т.е. способностью высказывания описывать определенное положение вещей. Прагматическое значение определяется коммуникативной интенцией говорящего. Именно интенция (точнее, разнообразные виды намерений говорящих) лежит в основе предложенной Б. Фрейзером классификации дискурсивных единиц.

Б. Фрейзер выделяет дискурсивные маркеры как подгруппу внутри класса *прагматических маркеров*. В связи с используемой в работах американского лингвиста терминологией необходимо заметить, что предпочтение определения *дискурсивный* или *прагматический* указывает на

область интереса исследователя: сторонники термина *дискурсивный маркер* анализируют преимущественно роль данных единиц в смысловой организации текста и речи. Те, кто пользуется термином *прагматический маркер*, в том числе и Б. Фрейзер, предпочитают изучать их роль в инференции и понимании скрытых смыслов адресатом.

Б. Фрейзер выделяет четыре типа *прагматических маркеров*: базовые маркеры, комментирующие маркеры, собственно дискурсивные маркеры и маркеры структуры дискурса. [Fraser 1996, 1999, 2009]. В основе классификации Б. Фрейзера лежат функции, которые выполняют языковые единицы в высказывании. Так, базовые маркеры указывают на иллокутивную силу высказывания (*I promise, please, my complaint is…*); комментирующие маркеры позволяют говорящему оценить ситуацию, о которой идет речь (*fortunately, sadly*) или собственные речевые действия (*frankly speaking*), оценить достоверность высказывания или подчеркнуть, что информация получена из постороннего источника (*certainly, reportedly*). В класс собственно дискурсивных маркеров попадают те языковые средства, которые указывают, каким образом связаны предыдущие и последующие высказывания: это могут быть отношения противопоставления, инференции и др. (*and, but, on the contrary, so*). К маркерам структуры дискурса Б. Фрейзер относит те единицы высказываний, с помощью которых регулируется тематика коммуникации (*returning to my previous topic*), а также те, которые привлекают внимание слушающего к сообщаемой информации. Очевидно, что при всех достоинствах у предложенной Б. Фрейзером классификации есть и существенный недостаток: она объединяет весьма разнородные языковые единицы (перформативные глаголы, этикетные формулы, вводные предложения, союзы и др.). При таком подходе потенциально в класс прагматических маркеров может быть включен любой элемент высказывания, например, лексика, содержащая в своей семантике оценочный компонент.

Еще одна проблема, которая возникает при попытке приложения классификации Б. Фрейзера к дискурсивам в реальной коммуникации – это недостаточное внимание к социальным функциям дискурсивов, к той роли, которую они играют в обеспечении взаимодействия между говорящим/пишущим и адресатом высказывания/текста.

Еще один пример прагматического подхода к дискурсивным маркерам – работы немецкой исследовательницы Г. Редекер. Г. Редекер называет дискурсивные маркеры *дискурсивными операторами,* что, по ее мнению, подчеркивает функциональную природу данных единиц [Redeker 1991]. В самом общем виде дискурсивный оператор – это слово или фраза, произносимое с целью обратить внимание слушающего на определенный фрагмент дискурса и показать, каким образом новое высказывание соотносится с непосредственным контекстом коммуникации. Дальнейшее описание дискурсивных операторов осуществляется на основе функциональной грамматики М.-А.-К. Хэллидея [Halliday 1970]. Исследовательница полагает, что классификация дискурсивных операторов должна строиться с учетом той роли, которую данный «дискурсивный оператор» играет в семантической интерпретации высказывания. Кроме того, Г. Редекер предлагает три направления в исследовании дискурсивных операторов: первое связано с изучением роли этих единиц в обеспечении общей когерентности дискурса. Второе направление – это описание роли дискурсивных операторов в понимании сказанного. Наконец, третье направление связано с историческим анализом и межъязыковым сопоставлением дискурсивных операторов. Цель таких исследований заключается в объяснении формирования класса дискурсивных единиц и выявлении внутриязыковой специфики их функционирования [Redeker 1991].

Таким образом, прагматические исследования дискурсивных маркеров дают ответ на вопросы, связанные с ролью этих единиц в организации высказывания (какую позицию занимает маркер в высказывании? В каком

значении он употребляется? В какой ситуации употреблен тот или иной маркер и что происходит в этот момент между участниками диалога?);

1.2.2. Формализованные описания семантики дискурсивных маркеров

Публикации под редакцией К.Л. Киселевой и Д. Пайара [Дискурсивные слова 1998, Дискурсивные слова 2003], а также работы [Пайар 1995, Киселева 1996, Urgelles-Coll 2010] являются примерами формализованных описаний дискурсивных маркеров. В фокусе внимания оказывается семантическая вариативность этих языковых единиц в зависимости от контекста их употребления.

Описание значения дискурсивных маркеров базируется на исходном предположении о том, что семантика слова определяет условия его взаимодействия с различными контекстами. Авторы предлагают выделять три типа варьирования семантики дискурсивных слов: *внутреннее варьирование, внешнее варьирование*, а также варьирование, связанное со *сферой действия* дискурсивного слова. Первый тип – внутреннее варьирование – это, по сути, выдвижение на первый план в рамках определенного контекста того или иного семантического компонента дискурсивного слова. Для описания такого варьирования в предлагаемую модель вводится понятие *грани*, которое отражает возможность выдвижения на первый план различных семантических компонентов под влиянием контекста. Внешнее варьирование представляет собой изменение семантики дискурсивной единицу с учетом контекста ее употребления. Для описания такого варьирования вводится понятие *деформации*: «лексическое окружение и параметры высказывания извне воздействую на дискурсивное слово и тем самым влияют на интерпретацию слова. Именно внешний характер этого воздействия на слово… объясняет выбор термина «деформация» для обозначения данного типа варьирования» [Дискурсивные слова 1998, с. 16].

Что касается третьего типа варьирования, его можно описать как определенный способ взаимодействия дискурсивного слова с высказыванием либо его частью.

В результате описания названных типов варьирования создается достаточно абстрактная характеристика – *сценарий-схема* дискурсивного слова, которая «… фиксирует наиболее общие черты взаимодействия слова и контекста» [Дискурсивные слова 1998, с. 13].

Для описания свойств дискурсивных слов в модели К.Л. Киселевой и Д. Пайара важным оказывается различение высказываний-теорий и высказываний-точек зрения [Дискурсивные слова 2003]. Данные типы высказываний отражают две возможные дискурсивные стратегии: «В первом случае существует в той или иной форме *примат высказывания над миром* (точнее, над рассматриваемым положением вещей): высказывание через составляющие его слова осмысляет мир и постулирует определенную форму адекватности между своим содержанием и положением вещей, которое оно стремится словесно оформить. Во втором случае *мир предстает как подлежащий «словесному оформлению»,* а высказывание является лишь одним из способов (причем неполным и пристрастным) говорить о мире; априори существуют разные способы выражения словами некоторого положения вещей, и не одно высказывание не может претендовать на то, что оно является единственным или наилучшим способом. В этом случае высказывание представляет собой всего лишь одну точку зрения из многих» [Дискурсивные слова 2003, с.10]. Иными словами, основная функция высказываний-теорий заключается в категоризации определенного положения вещей, в то время как высказывания-точки зрения позволяют говорящему выражать собственное мнение, которое может быть далеко не единственным.

Различия между двумя типами высказываний позволяют К.Л. Киселевой и Д. Пайару далее выделить два типа дискурсивных слов: *дискурсивные слова с установочной базой* и *дискурсивные слова «с*

гарантом». Дискурсивные слова с установочной базой вводят в высказывания особую точку зрения, относительно которой далее может рассматриваться другая точка зрения. Дискурсивные слова «с гарантом» указывают «на определенную опору адекватности» [Дискурсивные слова 2003, с.13], которая в предлагаемой модели и обозначается термином «гарант». Дискурсивные слова «с гарантом» маркируют «…природу адекватности высказывания тому положению вещей, по отношению к которому это высказывание выступает как теория (положению вещей, которое данное высказывание выражает» [Дискурсивные слова 2003, с.13].

Анализ формальных семантических схем этих дискурсивных слов в работе [Дискурсивные слова 2003] позволяет ее авторам говорить о том, что различия между *видимо, по-видимому* и *видно* могут определяться тем, что *по-видимому* указывает на субъективное восприятие ситуации, *видимо* – на ментальное представление ситуации, *видно* – на сведение положения вещей к той информации, которую воспринимает субъект. Кроме того, в соответствии с данной классификацией дискурсивные слова *видимо* и *по-видимому* относятся к дискурсивным словам с гарантом, в то время как *видно* является дискурсивным словом с установочной базой, поскольку оно вводит в высказывание точку зрения говорящего – его субъективную эпистемическую оценку ситуации.

Таким образом, предложенная модель ориентирована в первую очередь на взаимоотношения слова и контекста и показывает современные функциональные возможности дискурсивных маркеров.

1.2.3. Исследование дискурсивных маркеров в устной речи: конверсационный анализ и когнитивное моделирование

Еще одно активно развивающееся направление исследований дискурсивных маркеров связано с их функционированием в устном диалоге. На сегодняшний день существует целый ряд работ, в которых анализируются функции дискурсивных маркеров в спонтанной коммуникации, предлагаются

классификации этих единиц [Fraser 1990, Jucker 1998b, Lenk 1998a, Lenk 1998b, Louwerse 2003].

Одной из первых изучать роль этих единиц в неподготовленной устной речи начала Дебора Шиффрин [Schiffrin 1987, Maschler 2015]. В своей пионерской работе [Schiffrin 1987] исследовательница предложила рассматривать дискурсивные маркеры как единицы, которые связывают элементы высказываний и отдельные высказывания на различных уровнях: информационном, идеационном (в смысле М.А.К. Хэллидея), уровне взаимодействия участников диалога. Кроме того, анализ записей устной речи позволил сделать вывод о том, что дискурсивные маркеры обеспечиваю как локальную, так и глобальную связь элементов диалога.

Еще одним примером использования корпуса записей устной разговорной речи для изучения дискурсивных маркеров является работа К. Фишер, в которой анализируются английские дискурсивные маркеры *okay* и *yeah* [Fischer 2010]. Цель исследования заключается в описании полисемии *okay* в спонтанном диалогическом общении. Результатом исследования является модель, описывающая функциональные варианты этого маркера в разных типах контекстах. Для описания семантического и прагматического содержания маркера К. Фишер использует метаязык семантических примитивов А. Вежбицкой. В числе преимуществ такого способа моделирования семантики и прагматики дискурсивных маркеров К. Фишер называет возможность показать взаимодействие контекста и некоторого инвариантного значения дискурсивной единицы. Отметим, что использование семантических примитивов в качестве формализма сближает исследование К. Фишер с формализованными описаниями русских дискурсивных слов, кратко обсуждавшимися выше [Дискурсивные слова 1998, Дискурсивные слова 2003]. Однако работа К. Фишер интересна еще и тем, что, помимо семантических примитивов К. Фишер использует идеи грамматики конструкций, что позволяет предложить когнитивное объяснение тому, как используются дискурсивные маркеры, в частности,

показать, как использование дискурсивных средств соотносится с имеющимся у говорящего знанием о мире и пресуппозиции о знаниях, которыми обладает адресат.

Когнитивный подход к описанию дискурсивов опирается на два исходных положения. Во-первых, для анализа используются данные устных спонтанных диалогов, аналогично тому, как это принято в рамках конверсационного анализа. Во-вторых, важной является идея У. Чейфа о том, что речь отражает когнитивные процессы, протекающие в мозге говорящего во время речевой деятельности [Chafe 1987, Chafe 1994]. Поэтому когнитивный анализ функционирования дискурсивных маркеров сосредоточен, как правило, на их роли в структурировании информационного потока. Например, дискурсивные маркеры могут служить сигналами того, что важная информация может вводиться в дискурс в качестве новой либо уже может быть доступной для адресата [Каменский 2016, Ariel 1998, Barbaresi 1987].

Говоря о когнитивном подходе, необходимо заметить, что во многом этот способ описания дискурсивов опирается на данные других подходов: прагматического, дискурсивного, семантического [Беляева 1991, Кобозева 2007]. И в этом нет ничего удивительного: когнитивные объяснения того, каким образом порождается связный (когерентный) дискурс, неизбежно должны учитывать данные о функциональных свойствах языковых единиц (ср. мнение Е.С. Кубряковой об общих интересах когнитивной лингвистики и лингвистической прагматики [Кубрякова 1991]).

Примером использования методов когнитивной семантики является книга К. Фишер *From Cognitive Semantics to Lexical Pragmatics: The Functional Polysemy of Discourse Particles* [Fischer 2000]. В работе исследуются пути развития новых значений частиц в английском и немецком языках. В основе анализа лежат положения когнитивной семантики о метафорических переносах как способе образования новых значений и о той роли, которую играют концептуальные структуры представления ситуации в

выборе языковых средств в дискурсе. К. Фишер исследует те понятийные области, обращение к которым может обеспечить метафорический перенос, в результате которого возникает новое дискурсивное значение частиц.

Подводя итог краткому обзору исследований дискурсивных маркеров на материале устной речи, отметим разнообразие исследовательских позиций в интерпретации данных: с одной стороны, функционирование дискурсивов может объясняться как акт социального взаимодействия, с другой стороны – как сигнал когнитивных процессов, связанных с имеющимися у коммуникантов знаниями о мире.

1.3. Роль дискурсивных слов в обеспечении когерентности дискурса и текста. Функции дискурсивных слов

В самом широком смысле дискурсивные маркеры выполняют метакоммуникативную функцию: их задача заключается в соотнесении высказывания с ситуацией коммуникации, взглядами говорящего и общей смысловой организацией текста [Degand 2015, Maschler 2015]. Как было отмечено ранее, дискурсивные маркеры не являются частью пропозиционального содержания высказывания, но играют ключевую роль в регуляции процесса понимания [Борисова 2014]. Они показывают, каким образом высказывание должно быть интегрировано в общую канву дискурса [Шилихина 2014]. Кроме того, эти единицы «… самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т.п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [Баранов 1993, с.7].

Таким образом, дискурсивные маркеры играют важнейшую роль в коммуникативной организации высказывания и взаимодействии участников дискурса. Именно этой многофункциональностью объясняется внимание лингвистов к тому, какие функции реализуют в дискурсе различные маркеры. Так, в работе [Борисова 2014] рассматривается роль дискурсивных слов в идентификации денотата и установлении референции. Нередко дискурсивные слова, указывая на референциальный статус имени, одновременно усиливают внимание к объекту и передают отношение говорящего к тому, о чем идет речь. Еще один важный аспект функционирования дискурсивных маркеров – установление определенных взаимоотношений между говорящим и адресатом [Hyland 2007, Levontina 2007]. Особенно важной эта функция является в письменном тексте, где нет непосредственного контакта между автором и читателем.

В работах [Stede 1997, Stede 2000] предлагается следующая таксономия функций дискурсивных единиц:

1. Структурирующая функция (structuring function), внутри которой выделяются подфункции введения новой темы или отступления от темы, сигналы смены ролей говорящего и слушающего, подфункция коррекции сказанного и др.

2. Функция обеспечения когерентности (coherence-marking function), внутри которой М. Штеде и Б. Шмитц выделяют указание на информацию, которая известна и говорящему, и слушающему, а также отсылки к тому, что было сказано ранее.

3. Функция выражения точки зрения говорящего (attitudinal function), которая включает в себя выражение положительной или отрицательной оценки, нейтрального отношения к сообщаемой информации, маркирование знакомства с информацией или, наоборот, удивления.

4. Функция смягчения (smoothening function), к которой также авторы относят и функцию заполнения пауз и удержания роли говорящего [Stede 1997].

5. Функция выделения значимого фрагмента дискурса – благодаря ей слушающий может определить, какая часть сообщаемой информации является наиболее важной для говорящего.

Данная классификация охватывает только часть функций, которые способны выполнять дискурсивные маркеры. В частности, она не включает функцию «когнитивного» сигнала, когда дискурсивный маркер может показывать, каким образом говорящий обрабатывает и структурирует информацию.

В целом необходимо отметить, что выделение функций дискурсивных единиц в значительной степени зависит от того, как исследователи определяют границы этой группы языковых и речевых единиц: чем шире понимание дискурсивных маркеров, тем большее количество функций становится возможным выделить.

С функциями тесно связан вопрос о значениях, которые выражают дискурсивные маркеры, и с проблемой описания этих значений в толковых и переводных словарях.

1.4. Типы значений, выражаемых дискурсивными маркерами

Прежде чем мы перейдем непосредственно к обзору исследований, посвященных семантике дискурсивных маркеров проблемной достоверности, отметим, что выделяемые исследователями значения этих единиц чрезвычайно разнородны, однако эта разнородность объясняется в первую очередь функциональной природой дискурсивных маркеров. Иными словами, значения дискурсивов тесно связаны с теми функциями, которые они выполняют. Поскольку, как было показано выше, существует достаточно большое разнообразие точек зрения на набор функций, которые реализуются маркерами в дискурсе, неудивительно, что и относительно семантических свойств этих единиц у исследователей нет единого мнения.

Анализ значений, выражаемых дискурсивными маркерами, ведется в двух направлениях: во-первых, описываются общие типы значений, которые

могут быть выражены как отдельными маркерами, так и целыми группами маркеров [Fischer 2000, Викторова 2014в]. Во-вторых, лингвисты анализируют отдельные маркеры с целью детального лексикографического описания их значений. По мнению исследователей, описание значений дискурсивных маркеров в словарях – одна из наиболее сложных задач современной лексикографии [Баранов 1993]. Эта сложность возникает вследствие особого характера значений, выражаемых дискурсивными словами: «… значения дискурсивных единиц по своей сути **процедурны**: служебная лексика, с одной стороны, регулирует распределение семантической информации внутри плана содержания (пропозиция vs. пресуппозиция vs. следствия vs. установка и проч.), а также определяет последовательность прочтения речевого высказывания адресатом» [Баранов 1993, с. 10].

На сегодняшний день существует несколько точек зрения на то, какие *типы значений* выражаются дискурсивными маркерами. Как и в ситуации с выделением функций, классификация типов значений зависит от нескольких факторов: во-первых, от направления, в рамках которого работает исследователь, во-вторых, от эмпирического материала, на основе которого проводится исследование. Так, Я. Машлер, сторонник когнитивно-дискурсивного подхода, предлагает выделять *текстовые* дискурсивные маркеры (textual discourse markers), которые указывают на связь между предшествующим и последующим фрагментом дискурса, межличностные дискурсивные маркеры (interpersonal discourse markers), с помощью которых обеспечивается взаимодействие между говорящим и адресатом, а также *когнитивные* дискурсивные маркеры (cognitive discourse markers), которые указывают на когнитивные процессы, протекающие в мозгу говорящего [Maschler 2009, Maschler 2015]. Сходные идеи высказывает К. Хайленд, анализируя функционирование дискурсивных маркеров в научных текстах [Hyland 2005a, Hyland 2007]. Рассматривая дискурсивные единицы как метадискурсивные средства, исследователь выделяет *текстовые* маркеры,

интерпретативные маркеры и *межличностные* маркеры. Маркеры, относящиеся к первой группе, отвечают за логическую организацию текста, определение последовательности фрагментов текста. К этой же группе относятся «напоминающие» маркеры, отсылающие к тому, что было сказано ранее, а также маркеры смены темы (topicalizers). Внутри второй группы К. Хайленд выделяет *объясняющие* маркеры, маркеры *иллокутивной силы* высказывания, а также *предваряющие* маркеры, которые предупреждают читателя или слушателя о том, как будет развиваться текст. Наконец, в группе межличностных маркеров выделяются *смягчающие* маркеры (hedges), которые указывают на сомнение говорящего в истинности сообщаемой информации, маркеры *уверенности*, которые являются сигналами истинности пропозиции, маркеры *атрибуции*, с помощью которых говорящий ссылается на чужое мнение, маркеры *точки зрения*, а также маркеры-*комментарии* [Hyland 2005].

По мнению К.М. Шилихиной, дискурсивные маркеры образуют три крупных класса: *семантические* дискурсивные маркеры, *синтаксические* дискурсивные маркеры и *прагматические* дискурсивные маркеры [Шилихина 2017б]. Такое деление совпадает с семиотическими отношениями, в которые вступают языковые знаки (семантика – синтактика – прагматика) и отражает те задачи, которые должен решать говорящий / пишущий: соотносить высказывание с ситуацией, связывать высказывания друг с другом и устанавливать отношения с адресатом высказывания / текста. Такой «семиотический» подход позволяет говорить о трех типах значений: семантические маркеры показывают, каким образом высказывание соотносится с реальным миром, синтаксические маркеры обеспечивают связь между фрагментами дискурса, прагматические маркеры позволяют говорящему устанавливать отношения между собой и адресатом, а также выражать оценочные значения или комментировать собственные высказывания.

Е.Ю. Викторова выделяет два основных класса дискурсивных маркеров – *дискурсивы-регулятивы* и *дискурсивы-организаторы* – в соответствии с двумя основными типами информации, которые передаются дискурсивными маркерами: регулятивной и дискурсивной [Викторова 2014в]. Дискурсивы-регулятивы «… реализуют в дискурсе авторское, индивидуальное начало, отвечают за связь между говорящим и слушающим (автором и читателем), выражают субъективные мнения, оценки, авторские комментарии и отношения» [Викторова 2014в, с. 15]. Внутри этой группы Е.Ю. Викторова предлагает выделять несколько подгрупп: 1) дискурсивы, указывающие на степень достоверности сообщаемой информации; 2) дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы; 3) авторизующие дискурсивы; 4) перформативные дискурсивы; 5) дискурсивы, оценивающие содержание высказывания; 6) дискурсивы-акцентивы; 7) эмотивы; 8) дискурсивы обращения к адресату; 9) фатические коммуникативы, которые позволяют выражать согласие или понимание; 10) этикетные дискурсивы.

Второй класс маркеров – дискурсивы-организаторы – необходим для композиционной и логической организации текста. В рамках этого класса Е.Ю. Викторова предлагает выделять две крупные подгруппы: 1) композиционно-структурные дискурсивы (глобальные организаторы) и логико-связующие дискурсивы (локальные организаторы). Внутри первой подгруппы далее выделяются а) сигналы сегментации дискурса; б) сигналы очередности и последовательности в дискурсе; в) внутритекстовые отсылки; г) внешние ссылки на другие тексты. Локальные дискурсивы описываются в соответствии с выражаемыми ими логическими отношениями (причины и следствия, противопоставления, исключения, добавления информации и т.д.).

Достоинство классификации, предложенной Е.Ю. Викторовой, на наш взгляд, заключается в ее иерархической организации. Однако, как отмечает сама исследовательница, данная таксономия «… во многом является условной, так как многие ее подтипы гибридны по своим функциям или синкретичны» [Викторова 2014в, с. 16]. Таким образом, в тех случаях, когда

дискурсивные маркеры передают информацию нескольких типов, их однозначная классификация становится невозможной.

Что касается изучения отдельных типов значений, выражаемых дискурсивными маркерами, то здесь часто выделяемые значения совпадают с привычными и хорошо изученными грамматическими значениями. Традиционно много внимания уделяется таким значениям, как определенность / неопределенность, объединение или противопоставление сущностей, выражение уверенности / неуверенности и других оценочных значений.

Значительная доля существующих дискурсивных маркеров необходима говорящим для выражения субъективного оценочного отношения к ситуации, объекту, явлению [Доронина 2013, Глухова 2014]. Исследователи говорят о том, что потребность в индивидуализации речи – это одна из причин появления дискурсивных маркеров. Так, в работах Э.К. Трауготт для описания феномена персонализации речи, возможности выражать собственную индивидуальность вводится понятие (интер)субъективации – семантического процесса, в ходе которого языковая единица развивает такие новые значения, которые дают возможность говорящему выражать собственную точку зрения [Traugott 1989, Cuyckens 2010]. Например, существуют маркеры, выражающие так называемую *тимиологическую оценку* (т.е. оценку объекта или фрагмента высказывания с точки зрения его важности для говорящего) [Пеньковский 1995, Добровольский 2014].

Примером описания русских маркеров хезитации, маркеров коммуникативных затруднений, фатических дискурсивов, маркеров точки зрения говорящего, а также маркеров приблизительной номинации является работа [Levontina 2007]. Все представленные маркеры, по сути, являются субъективными сигналами, с помощью которых говорящий регулирует ход коммуникации.

Другой путь изучения семантики дискурсивных маркеров связан с изучением их многозначности. Как правило, анализ употребления

конкретных маркеров показывает, что в различных типах контекстов реализуются их различные значения. Например, в работе [Шилихина 2017б] описана полисемантическая структура дискурсивного маркера *короче* в современном русском языке; в статье [Кожухова 2015] автор приходит к выводу о том, что английский дискурсивный маркер реализует набор значений: он может выступать как средство смягчения тональности высказывания, заполнять паузу либо служить показателем смены темы. Описание исторической динамики и современного функционирования английского маркера *in fact* позволяет С. Швентнеру и Е. Траугот говорить о его многозначности, носящей скалярный характер [Schwentner 2000].

Исследователями отмечается важная роль дискурсивных единиц в передаче модальных значений, в частности, эпистемической оценки, т.е. указания на степень достоверности высказывания. Поскольку данный тип оценочного значения традиционно рассматривается в рамках категории эпистемической модальности, краткому описанию этой категории и характеристике эпистемической оценки будет посвящен следующий раздел главы.

1.5. Эпистемическая модальность. Эпистемическая оценка. Эвиденциальность

Как известно, «языковая передача явления действительности может быть чисто описывающей, рассказывающей о действительности, но может быть и обсуждающей эту действительность…» [Николаева 2005, с. 28]. Именно поэтому «… всякое описание ситуации есть описание с некоторой точки зрения. Эта точка зрения, несомненно, связана с понятием нормы, но и в пределах нормы и, напротив, за пределами нормы все равно существует выбранный угол зрения, и он определяет освещение ситуации. Существенно, что язык умеет показывать специфику этой точки зрения и находит ее» [Николаева 2005, с. 32]. Это «умение» языка отразить точку зрения говорящего проявляется в первую очередь через существование

закрепленных грамматически или выражаемых лексически модальных значений. Как правило, в первую очередь упоминаются модальные значения, связанные с отношением высказывания к действительности (см., например, работу [Попова 2010], посвященную маркерам ирреальности во французском языке). Однако не менее значимыми для процесса коммуникации являются и те модальные значения, которые выражают отношение говорящего к самому высказыванию [Падучева 2010], в том числе это отношение может включать оценку высказывания с точки зрения его достоверности. В.А. Плунгян указывает на важность такого типа значений: «Присутствие «оценочных» значений в модальной зоне отражает тот факт, что модальность является одним из основных «эгоцентрических» механизмов естественных языков: модальные компоненты позволяют не просто описывать мир «как он есть», но представлять «субъективный» образ мира – т.е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего» [Плунгян 2011, с. 244-245]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «Оценка может относиться не только к предметам (точнее, свойствам предметов). Оцениваются также действия, процессы, состояния, ситуации, положения дел, факты и возможности» [Арутюнова 1988, с. 7]. Наличие такой оценки в высказывании отражает тот факт, что «… мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности. Окружающий мир оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы оцениваются, принимаются или отвергаются.., в процессе принятия решения человек анализирует ситуацию, исходя из тех установок, которые составляют ядро его личности…» [Дмитровская 1988, с. 8].

Исследователи причисляют эпистемическую оценку к базовым значениям, которые наиболее часто выражаются в процессе коммуникации [Traugott 2004]. Как справедливо отмечает Н.К. Рябцева, «… субъективно-модальный контекст дополняет истинностные свойства сообщения эпистемическими, эмоционально-оценочными и ценностными характеристиками. В общении эти характеристики часто совмещаются,

взаимодополняя и усиливая друг друга, позволяя в одном высказывании сделать несколько сообщений…» [Рябцева 1995, с.143].

В данной работе мы сосредоточимся только на одном из типов оценочных модальных значений – эпистемической модальности, которая выражает степень полноты знаний говорящего, его уверенность, неполную уверенность либо неуверенность в достоверности высказываемых суждений [Падучева 2016]. Ср. также мнение В.А. Плунгяна: «...главным оценочным значением, имеющим наиболее интенсивные связи с другими значениями как в сфере модальности, так и за ее пределами, является значение так называемой эпистемической оценки (часто говорят просто об эпистемической модальности). Эпистемическая оценка имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [Плунгян 2011, с. 426].

Достоверность – понятие, важное для многих сфер, связанных с познанием и передачей информации в вербальной форме: логики, права, теории познания (эпистемологии), семантики [Панченко 2008а, 2008б]. Особую роль понятие достоверности играет в отдельных сферах коммуникации, например, в научном и юридическом дискурсе, где именно достоверность во многом определяет ценность информации и позволяет манипулировать данными, повышая либо понижая их ценность [Панченко 2010, Басовец 2013]. Очевидно, что, поскольку достоверность информации так важна для людей, языковые сообщества вырабатывают различные способы указания на достоверность / частичную достоверность / недостоверность информации.

Анализируя структуру ситуации достоверности, Е.И. Беляева предлагает выделять два микрополя: микрополе *вероятности* и микрополе *истинности*. «Микрополе вероятности базируется на выводном знании и является результатом логической операции умозаключения, построенного на определенных посылках, доказательная сила которых оценивается по шкале

вероятности» [Беляева 1990, с. 163]. Оценка вероятности может также осуществляться на основе данных, полученных в результате непосредственного наблюдения и являющихся частью личного опыта говорящего. Истинность определяется представлением говорящего о соответствии пропозиции высказывания действительности на основе данных, полученных либо в результате непосредственного восприятия ситуации, либо из авторитетных источников, которые в таком случае для говорящего являются «гарантами» достоверности [Беляева 1990].

Необходимо отметить, что в лингвистических исследованиях существуют различные подходы к описанию значения достоверности. Это связано в первую очередь с тем, что разные языки по-разному кодируют данное значение: в ряде языков эта категория является грамматической и, следовательно, обязательной для выражения. Для других языков выражение значения достоверности является факультативным, поэтому выбор говорящим маркеров достоверности может быть обусловлен целым рядом факторов.

Существует также коммуникативно-дискурсивный подход к проблеме достоверности, в основе которого лежит идея о том, что достоверность представляет собой категорию, в ядро которой входят «… субординатные по отношению к ней оппозитивные коммуникативные категории точности/неточности, информативной избыточности/недостаточности, объективности/субъективности, влияющие на характер и эффективность коммуникативного взаимодействия …» [Панченко 2010, с. 6]

Проблема достоверности может быть также рассмотрена с когнитивных позиций: «Связь языка со структурой мышления ярко проявляет себя в формировании предложения и производных от него значений; связь с жизнью и психологией человека ярко проявляет себя в формировании модальных и оценочных значений [Арутюнова 1988, с. 4].

В грамматических описаниях значение достоверности традиционно рассматривается как вариант модального значения, однако, как справедливо

отмечает Н.Н. Панченко [Панченко 2010], ряд исследователей предлагает рассматривать это значение как разновидность субъективной модальности [Падучева 2016], другие же предлагают считать это отдельным модальным значением [Беляева 1990].

Лингвисты определяют эпистемическую модальность как субъективное значение, определяющее степень достоверности пропозиции в свете имеющихся у говорящего сведений о ситуации [Kroeger 2018]. «Семантическую сущность модальности данного типа составляет тот факт, что он не дает оценку событиям и связям действительности, а является модальностью всего высказывания, оценивая его как возможное, вероятное, сомнительное или обязательное. И оценка эта зависит от степени знания говорящего о действительности» [Беляева 1985, с. 126].

По мнению Е.И. Беляевой, основными характеристиками эпистемической модальности являются, во-первых, субъективность (оценка достоверности всегда является результатом индивидуального умозаключения). Во-вторых, этот тип модального значения всегда выражается «элементами, находящимися в синтаксической изоляции (модальные слова, частицы, модальные фразы). Это – модальность высказывания, а не действия, она характеризует все суждение в целом, а не действия, она характеризует все суждение в целом, а не способ существования между субъектом и признаком» [Беляева 1985, с. 127]. Заметим, что последнее утверждение можно подвергнуть сомнению: проведенный нами анализ синтаксических позиций, которые могут занимать маркеры оценки достоверности сообщаемой информации, показал, что их сферой действия может быть не все высказывание, а только часть пропозиции, как правило – предикат. Тем не менее, для полностью прагматикализованных употреблений дискурсивных маркеров проблемной достоверности эти два свойства являются определяющими.

По мнению многих исследователей, эпистемическая оценка является скалярным значением и представляет собой шкалу, отражающую степень

уверенности говорящего в истинности / достоверности сообщаемой информации [Смурова 2011]. Дискурсивные маркеры эпистемической оценки необходимы для указания на степень уверенности говорящего и образуют континуум, на одном полюсе которого находятся указатели на абсолютную уверенность в достоверности сообщаемой информации, на другом – показатели удивления, вызванного неожиданностью, новизной информации для самого говорящего. Маркеры догадки (presumptive evidence, термин Р.О. Якобсона, см. [Jakobson 1971]) и, следовательно, неуверенности располагаются между этими полюсами. Семантически они также связаны с маркерами понимания (*ясно, it's clear that*), новизны информации (*оказывается, видите ли*). Маркеры эпистемической недостоверности (или эпистемической «дистанции», термин В.А. Плунгяна) характеризуют высказывания, в которых говорящий «… как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может, так сказать, выступить ее гарантом» [Плунгян 2011, с. 467].

Как указывают исследователи, в ряде языков оценка достоверности часто выражается вместе со значением эвиденциальности (или засвидетельствованности) [Chafe 1986, Козинцева 2007, Храковский 2007, Simon-Vandenbergen 2007, Плунгян 2011]. Объединение эвиденциального и эпистемического значений представляется возможным, поскольку показатели эвиденциальности и маркеры эпистемической модальности объединяет потребность обозначить степень достоверности сообщаемой информации.

Наиболее широкая трактовка понятия эвиденциальности представлена в работе У. Чейфа "*Evidentiality in English Conversation and Academic Writing*". Анализируя структуру категории эвиденциальности в английском языке, У. Чейф предлагает следующую схему (Рис. 1), показывающую, каким образом взаимосвязаны знание, которым располагает говорящий, возможные источники этого знания, способы получения знания, а также соотношение знания, вербальных ресурсов (категорий) и ожиданий говорящего [Chafe

1986]. Важно, что вертикальное расположение источников и способов получения знания не коррелирует со степенью достоверности знания: любой источник и способ получения знания может перемещаться по шкале достоверности:

Источник знания		Способ получения знания				Оценка знания относительно…
				Достоверное		
???	➔	Вера	➔			
Очевидные данные	➔	Инференциальный вывод	➔	З Н А Н И Е	➔	Вербальные ресурсы
Вербальные данные (language)	➔	Информация от внешнего источника (hearsay)	➔		➔	Ожидания говорящего
Гипотеза	➔	Дедуктивный вывод	➔			
				Недостоверное		

Рис. 1. Структура категории эвиденциальности по У. Чейфу [Chafe 1986, p. 263]

Предлагая такое широкое понимание эвиденциальности, У. Чейф показывает, что оценка знания может вестись, во-первых, относительно его источника, и во-вторых, с точки зрения способа получения этого знания говорящим. Что касается соотношения эвиденциальности и эпистемической модальности в модели У. Чейфа, то модальное значение оказывается включенным в категорию эвиденциальности.

Однако во многих языках мира эвиденциальность является факультативным компонентом высказывания, включение или невключение указания на источник информации зависит от выбора говорящего и от конкретных условий общения [Söderqvist 2017]. Кроме того, все же указания на достоверность и на источник информации – это разные значения. Именно поэтому ряд исследователей предлагает различать маркеры достоверности и

эпистемической оценки. Так, Е.В. Падучева предлагает рассматривать значение достоверности отдельно от эвиденциальности и относить это значение к другой категории – эпистемической модальности [Падучева 2011].

Существуют языковые единицы, которые в различном окружении могут как служить показателем эвиденциальности, так и выражать эпистемическую оценку. Как показано в работе [Апресян 2017], в современном русском языке примером такого дискурсивного маркера является слово *якобы*: с помощью этого слова говорящие либо маркируют сообщаемую информацию как недостоверную, либо указывают на то, что эта информация получена из вторых рук.

Д.В. Козловский отмечает, что «в зависимости от структурных особенностей языка, категория эвиденциальности может принадлежать к числу скрытых, или явно представленных грамматических, или модусных категорий и, соответственно, обладает неявной или ярко выраженной системой лингвистических и паралингвистических маркеров в языке. Проблема категориального статуса эвиденциальности является одной из актуальных в современной лингвистике. В зависимости от специфики ее представленности в языке, исследователи описывают ее в одних языках как чисто грамматическую категорию, в других – как функционально-семантическую или функционально-семантическую категорию уровня модальности; при изучении определенных языков говорят о преобладании лексических средств ее выражения, в некоторых языках она рассматривается как скрытая категория. Дальнейшее исследование эвиденциальности в языках, где она не является грамматикализованной, приводит к ее рассмотрению как модусной категории, которая, помимо определения источника сведений, включает интерпретацию и коммуникативную оценку информации говорящим» [Козловский 2013, с.7].

Таким образом, значение эвиденциальности может выражаться параллельно с указанием на степень достоверности сообщаемой

информации. В случае с дискурсивными маркерами проблемной достоверности такое «комплексное» значение может реализовываться в высказывании в тех случаях, когда для говорящего оказывается важным источник информации, на основе которой делается умозаключение о достоверности нового знания. В данном исследовании мы не стремимся разграничивать эпистемический и эвиденциальный компоненты, поскольку, по нашему мнению, эпистемическое значение в случае употребления маркеров проблемной достоверности доминирует над эвиденциальным, в то время как указание на источник информации часто является факультативным компонентом высказывания.

1.6. Дискурсивные слова как способ выражения эпистемической оценки

Сложность описания субъективных модальных значений обусловлена двумя причинами: во-первых, у исследователей нет единого мнения относительно структуры категории модальности [Sweetser 1991]. Во-вторых, любая языковая система предоставляет говорящему выбор языковых средств различных уровней для выражения этих значений – ср., например, далеко не полный список маркеров вероятности в работе [Iomdin 2007] или мнение Е.И. Беляевой: «Наряду с системными конвенциональными средствами модальное значение может быть выражено единицами, употребление которых определяется не семантикой самой формы, а речевой функцией, закрепленной за данной единицей конвенцией употребления» [Беляева 1985, с. 3-4].

У говорящего всегда есть возможность выбора языковых средств для отражения степени уверенности в точности и надежности его знания о некотором событии. Так, значения субъективной модальности в русском языке выражаются наклонением, модальными словами, конструкциями, а также дискурсивными маркерами. По мнению Дж. Лайонза, существуют различные способы выражения эпистемической оценки (epistemic

commitment), которые указывают на то, что достоверность может быть неполной, зависящей от ряда условий и т.д. [Lyons 2005]. Поэтому в ряде работ предлагается рассматривать категорию модальности в целом и эпистемическую модальность в частности как поле с ядром и периферией. По мнению некоторых исследователей, ядро составляют модальные слова [Беляева 1985, Ахунзянова 2012]. Соответственно, дискурсивные маркеры могут быть отнесены к периферийным способам выражения модальных значений, поскольку они являются одним из способов актуализации субъективной точки зрения говорящего в высказывании, выражения дополнительных смыслов, связанных с сообщаемой информацией.

Значение достоверности может выражаться целым комплексом языковых средств, «выражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности» [Беляева 1990, с. 157]. Так, для английского языка принято выделять пять разрядов языковых единиц: модальные слова, модальные частицы, модальные глаголы, модальные фразы, а также синтаксические конструкции с модальным значением [Беляева 1985]. По мнению О.В. Смуровой, лексические средства, т.е. первые две группы языковых единиц, эксплицитно указывают на степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемого [Смурова 2011]. Что касается русского языка, традиционно выделяются модальные слова (*вероятно, возможно*), модальные частицы (*разве, неужели, ведь* и др.), предикаты мнения (*думать, полагать*) и модальные глаголы и предикативы (*мочь, можно, должен*) [Беляева 1990].

Интересующие нас маркеры эпистемической оценки – это языковые единицы, которые традиционно относят к вводно-модальным словам или модальным фразам [Беляева 1990]. «Вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе

характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому» [Русская грамматика 1980, с.229-230].

Дискурсивные маркеры оценки достоверности высказывания традиционно описываются как элементы шкалы, внутри которой выделяются группы маркеров полной достоверности, почти полной достоверности, неуверенности и сомнения [Huddleston 2002]. Проблематичными для классификации остаются случаи, когда один дискурсивный маркер в различных контекстах может выражать разную степень достоверности высказывания.

В данной работе рассматриваются маркеры, входящие в группу языковых единиц, указывающих на почти полную либо неполную достоверность сообщаемого. Так как провести границу между этими степенями достоверности практически невозможно, как невозможно оценить, какой из маркеров указывает на большую или меньшую степень достоверности, было принято решение объединить их в группу дискурсивных маркеров проблемной достоверности. Данные маркеры часто указывают на то, что знание говорящего является результатом непрямого доступа к информации: «Непрямой доступ описывает очень широкий круг способов доступа к информации – собственно, всё то, что исключает прямое синхронное восприятие ситуации или участие в ней. Это может быть логический вывод на основе наблюдаемого результата, рассуждение, основанное на общих свойствах мира, а также пересказ свидетельств других лиц» [Плунгян 2011, с. 465-466].

В данном исследовании обсуждаются только некоторые дискурсивные маркеры проблемной достоверности. Сложность описания их свойств проявляется в том, что в различных контекстах один и тот же дискурсивный маркер проблемной достоверности может выражать как уверенность говорящего в истинности сообщаемой информации, так и предположение о том, что эта информация может быть достоверна (а может и не быть).

Критерием отбора маркеров для данного исследования является их происхождение: отобранные единицы, как в русском, так и в английском языке, так или иначе исторически связаны с идеей зрительного восприятия. Большинство дискурсивных единиц исторически возникло из словоформ с исходной семантикой зрительного восприятия. Некоторые современные дискурсивы связаны с ситуацией зрительного восприятия косвенно: например, английское наречие *evidently* исторически восходит к латинской словоформе *evidentem* (от *evidens*) – воспринимаемый зрением, явный, очевидный [Online Etymology Dictionary].

Далее мы более подробно остановимся на причинах, которые могут побуждать говорящего использовать дискурсивные маркеры эпистемической оценки в целом, а также представим обзор работ, посвященных функционированию данной группы языковых средств в дискурсе.

1.6.1. Прагматические причины использования маркеров эпистемической оценки

Итак, в дискурсе существует потребность выражать значение достоверности, и одним из активно используемых средств выражения являются маркеры, указывающие на степень уверенности говорящего в достоверности / недостоверности высказывания. Так, в русском языке спектр дискурсивных средств для выражения этого типа значений достаточно широк: *видимо, по-видимому, видать, очевидно, оказывается, кажется, кажись, наверное, может быть, похоже.* Вводя в высказывание один из этих маркеров, говорящий указывает на то, что ни он сам, ни адресат не обязан считать, что выражаемое суждение соответствует действительности, т.е. является истинным.

Каковы ситуативные причины введения в высказывание дискурсивных маркеров эпистемической оценки? В соответствии с Принципом кооперации Грайса [Grice 1975], высказывание, в котором сомнение говорящего относительно его достоверности не выражается эксплицитно, по умолчанию

оценивается как истинное. Соответственно, маркеры уверенности в достоверности, как и маркеры проблемной достоверности, являются сигналами дополнительных, важных для говорящего значений. Поэтому можно говорить о том, что маркеры проблемной достоверности, даже те из них, которые выражают высокую степень уверенности говорящего в истинности сообщаемого, отражают наличие у говорящего доли сомнения в этой самой истинности.

По мнению Дж. Лайонза, экспликация эпистемической оценки связана в первую очередь с тем, что «… свидетельства, которыми он (говорящий) располагает, – его *эпистемические гарантии* или *эпистемические основания* его утверждения – не так хороши, как могли бы быть, и что его обязательство имеет не абсолютный, а предварительный, пробный или условный характер» [Лайонз 2003, с. 347]. Касаясь вопроса о причинах введения в высказывание маркера эпистемической оценки, Е.С. Яковлева пишет: «Наличие/отсутствие у говорящего знаний об описываемой ситуации существенно определяет его языковую стратегию, ведь важным ее элементом является согласование различных компонентов высказывания по тем или другим эпистемическим характеристикам» [Яковлева 1994, с. 196]. Следовательно, если говорящему необходимо указать на степень достоверности информации, а специальных грамматических средств для этого в языке нет, наиболее экономным способом будет введение лексического маркера.

Обобщая мнения исследователей, назовем две основных причины появления дискурсивных маркеров проблемной достоверности в высказывании: во-первых, говорящий может не иметь достаточно данных для полной уверенности в том, что сообщаемая информация соответствует реальному положению дел. Во-вторых, у описываемой ситуации может отсутствовать однозначная трактовка. В таком случае маркер указывает не только на степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, но и имплицирует возможность другого способа понимания / описания ситуации.

1.6.2. Изучение маркеров эпистемической оценки в лингвистике

Дискурсивные маркеры эпистемической оценки уже становились объектом внимания лингвистов [Доронина 2009, Доронина 2011, Исаченко 2012]. Однако, как правило, учеными исследуются различные способы выражения уверенности говорящего в том, что сообщаемая информация соответствует либо не соответствует действительности, без указания на скалярный характер эпистемической оценки. Так, в работах С.В. Дорониной рассматриваются русские дискурсивные маркеры *действительно, фактически, на самом деле, разумеется* и др. Автор отмечает, что детальное описание этой группы языковых средств оказывается востребованным в практике лингвистической экспертизы для разграничения знания и мнения [Доронина 2009]. В статье [Исаченко 2012] проводится анализ дискурсивных слов с семантикой достоверности (*действительно / в действительности / на самом деле / реально / в реале / в натуре и др.*). Данный набор дискурсивных единиц является проявлением «рефлексии субъекта по параметрам достоверности / недостоверности содержащейся в высказывании информации (о событии, ситуации, происшествии и т.п.), ее истинности, соответствия / несоответствия действительности» [Исаченко 2012, с. 25]. На шкале достоверности они маркируют смыслы «достоверность» и «уверенность».

В работе Е.С. Яковлевой описываются экспрессивные синонимы наречия *действительно* – слова *поистине, воистину, истинно, подлинно*, которые позволяют говорящему не только подчеркивать истинность высказывания, но и выражать оценочное отношение к фактам, которые имеют место [Яковлева 1995].

С.А. Манаенко анализирует дискурсивные маркеры в аналитических публицистических текстах, показывая их роль в регулировании и комментирования содержания, а также их участие в построении сложных синтаксических целых [Манаенко 2010]. Достаточно хорошо изучены

английские маркеры достоверности *in fact* и *actually* [Aijmer 1986, Oh 2000, Taglicht 2001, Schwentner 2000, Кожухова 2015]: описания демонстрируют многозначность данных маркеров, при этом значение достоверности обычно связано с необходимостью противопоставления реального положения дел и ожиданий говорящего или адресата.

М. Саймон-Ванденберген и К. Аймер описывают группу английских наречий с семантикой достоверности [Simon-Vandenbergen 2007]. Основная цель их исследования – показать спектр наречий, выражающих данное модальное значение в различных контекстах. В книге наречия не классифицируются как дискурсивные маркеры, однако в фокусе внимания оказываются именно их дискурсивные функции.

Еще один дискуссионный вопрос, связанный с дискурсивными маркерами эпистемической оценки – это вопрос их происхождения. Значительная доля этих единиц изначально функционировала (а зачастую и продолжает функционировать) как полнозначные слова. Поэтому процесс формирования новых функций и значений у таких слов, переходящих в категорию дискурсивов в современной лингвистике принято описывать как регулярный семантический переход, терминологически обозначая его как *грамматикализация*, либо как *прагматикализация*. В следующем разделе главы мы остановимся на этих явлениях более подробно.

1.7. Регулярные семантические переходы как объяснительная модель формирования дискурсивных маркеров

В последнее время изменения в семантической структуре и прагматических функциях языковых единиц, приводящие к изменению их значения и функций в высказывании, все чаще описывают в терминах регулярных семантических переходов или семантической деривации [Зализняк Анна А. 2001, 2006, 2009, Карпова 2011, Кустова 2004, 2015, Падучева 2004, Traugott 2004]. Анализируя суть данного явления, Анна А. Зализняк пишет: «Термин «семантический переход» («semantic

shift») пришел из исторической лингвистики, где он понимается диахронически, т.е. как свидетельство семантической эволюции. Однако, как известно, семантическая эволюция и синхронная полисемия – это две стороны одного и того же явления. Более того, семантическая эволюция обычно происходит таким образом, что у некоторого слова, имеющего значение А, появляется контекстно обусловленное значение В, затем значение А исчезает, а В освобождается от контекстной зависимости; ретроспективно эта ситуация может быть обозначена как «переход» значения А в значение В…» [Зализняк 2013, с. 35].

При этом грамматикализация, как и прагматикализация, рассматриваются как частные случаи семантических переходов. Такой взгляд на развитие новых значений и функций стал возможен благодаря развитию корпусных методов исследования поведения языковых единиц в различных контекстах в различные эпохи. Благодаря доступу к текстовым массивам становится возможным, во-первых, описание паттернов изменений в семантике и употреблении словоформ и конструкций. В частности, исследователи отмечают, что семантические переходы – это результат появления словоформы в новом окружении [Лингвистика конструкций 2010]. Во-вторых, у лингвистов появилась возможность сопоставлять данные разных языков и проводить типологические параллели в механизмах семантического развития языковых единиц [Зализняк 2013].

В данном исследовании нас интересует «диахроническая семантическая эволюция» [Зализняк 2013, с. 33] определенной группы словоформ русского и английского языков. Необходимо отметить, что на возможность использования наречий в качестве дискурсивных слов, утративших исходную семантику, исследователи уже обращали внимание. В частности, на это указывает Х. Томмола [Томмола 2008]. Важно, что прагматикализация наречий проходит один и тот же путь, т.е. осуществляется по правилам регулярной многозначности [Апресян 1995].

Результатом этой эволюции стало появление у этих словоформ функции дискурсивных маркеров проблемной достоверности.

1.7.1. Формирование дискурсивных маркеров: грамматикализация или прагматикализация?

Вопрос возникновения дискурсивных маркеров как особого функционального класса единиц стал обсуждаться в литературе относительно недавно. Интерес к историческому прошлому дискурсивов связан с активно развивающейся в современной когнитивной лингвистике теорией грамматикализации языковых единиц. Сегодня исследователи говорят и пишут о том, что формирование дискурсивных маркеров – это результат длительных изменений в способе использования полнозначных языковых единиц (слов, словосочетаний, клауз). Иными словами, переход словоформ в статус дискурсивных маркеров – это результат приобретения языковыми единицами новых семантических, грамматических и коммуникативных свойств.

Изменение семантического и грамматического статуса полнозначных языковых единиц в современной лингвистике получает, как правило, когнитивное объяснение: «Для когнитивного подхода существование единых механизмов функционирования и преобразования языковых единиц разных типов и разных уровней (лексического и грамматического) – один из основных постулатов» [Кустова 2004, с. 25].

В современных лингвистических исследованиях для описания процесса формирования новых функциональных свойств языковых единиц в высказывании активно используется термин *грамматикализация* [Naya 2006, Langacker 2009, Kiparsky 2014, Кустова 2015]. Теория грамматикализации изучает возможные пути появления грамматических значений и формирования грамматических показателей из полнозначной лексики. Под грамматикализацией принято понимать «процесс, в ходе которого

лексическая единица в жестко заданном прагматическом и морфосинтаксическом контексте приобретает грамматическую функцию» [Traugott 2003, p. 645]. Результатом грамматикализации является возникновение в языковой системе новых грамматических категорий [Kiparsky 2014]. Можно говорить о том, что грамматикализация влияет на свойства языковой единицы на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом и синтаксическом, а также затрагивает прагматические и семантические свойства лексемы.

По мнению Г.И. Кустовой, процесс грамматикализации может определяться следующим набором факторов:

- особенностями конкретной грамматической формы;
- синтагматическими связями словоформы в тексте;
- синтаксической позицией, которую словоформа занимает в высказывании;
- коммуникативными намерениями говорящего [Кустова 2015].

Примерами грамматикализации является формирование показателя будущего времени из глаголов желания/хотения во многих языках мира.

Грамматикализация может идти двумя путями: первый путь – выделение нового содержания, которое начинает систематически выражаться в речи, второй путь – возникновение новых форм для выражения уже имеющегося содержания. П. Кипарский предлагает называть первый вариант грамматикализации функциональным обогащением (functional enrichment), второй вариант – формальным обновлением (formal renewal). Примером функционального обогащения является формирование нового наклонения, примером формального обновления – переход послелогов в статус падежных окончаний [Kiparsky 2014]. Исследователи также отмечают, что часто функциональное обогащение и формальное обновление протекают параллельно: носители языка создают новые формы для выражения нового содержания.

С точки зрения функционального подхода причина, по которой отдельные языковые единицы подвергаются грамматикализации, заключается в потребности в успешной коммуникации: грамматикализованные единицы являются компактным и легко доступным способом кодирования информации, не являющейся компактной и удобной для выражения [Heine 2003]. Типологические исторические исследования языков показывают, что процесс грамматикализации является универсальным и однонаправленным: универсальность проявляется в том, что данный процесс наблюдается во всех исследованных языках. Однонаправленность грамматикализации заключается в том, что лексические единицы переходят в разряд грамматических, но не наоборот [Hopper 2003].

Понятие прагматического контекста становится ключевым для описания грамматикализации [Heine 2003]: именно контекст (т.е. ближайшее окружение лексической единицы) определяет возможность ее использования в качестве грамматического показателя.

Б. Хайне выделяет четыре признака грамматикализации:

1) десемантизацию (утрату исходного конкретного смыслового содержания и приобретение нового, более абстрактного значения);

2) появление языковой единицы в новом окружении;

3) декатегоризацию (утрату ряда важных морфосинтаксических свойств, прекращение функционирования в качестве самостоятельной единицы). Декатегоризация приводит к более частому использованию данной единицы, причем в более предсказуемых контекстах. Это влечет за собой четвертый признак –

4) фонетическую редукцию [Heine 2003].

Изучение грамматикализации тесно связано с интересом лингвистов к функционированию конструкций и грамматико-конструкционным подходом. Эта связь отражает тот факт, что грамматикализации часто подвергаются не отдельные словоформы, а целые конструкции (словосочетания различной

протяженности), поэтому описание процесса перехода лексической единицы в статус грамматического показателя – это зачастую описание эволюции целой конструкции [Langacker 2009]. По мнению Г.И. Кустовой, «Грамматикализация и фразеологизация относятся к числу основных языковых процессов, порождающих неполнозначные, несвободные единицы» [Кустова 2012, с. 350].

На сегодняшний день в лингвистических исследованиях нет единой теории грамматикализации. Это связано в первую очередь с разнообразием процессов формирования новых грамматических единиц и с разнообразием результатов процесса формирования новых формальных показателей и функциональных свойств у уже имеющихся единиц в языках мира. Поэтому для описания отдельных способов изменения формально-функциональных свойств языковых единиц предлагаются различные подходы и термины. Одним из таких терминов является *прагматикализация.* Этот термин появился несколько позже по сравнению с термином *грамматикализация*. Прагматикализация – это процесс исторического изменения функционального статуса языковых единиц, выражающийся в том, что изначально полнозначная единица высказывания утрачивает свою семантику и синтаксические связи и начинает использоваться для выражения дополнительного субъективного прагматического значения, как правило, экспрессивного [Богданова-Бегларян 2014, Пальшина 2015, Харитонова 2015]. О.К. Ирисханова отмечает, что в процессе прагматикализации «… синтагма или словоформа меняет свое лексическое значение в пользу дискурсивно-интерактивного значения» [Ирисханова 2014, с. 225]. Понятие прагматикализации было введено в лингвистику по аналогии с термином «грамматикализация», под которым понимается такое историческое изменение языковой единицы, когда ее основной функцией становится выражение грамматического значения [Hopper 2003].

1.7.2. Грамматикализация и прагматикализация: сходства и различия

Существующее терминологическое разнообразие требует пояснения, чем похожи и чем различаются процессы грамматикализации и прагматикализации.

Сходства касаются в первую очередь изменения статуса языковой единицы и появления у нее новых функций, связанных с частым функционированием в определенном лексическом или грамматическом окружении. Кроме того, оба процесса имеют градуальный характер (на градуальность грамматикализации указывает в своей работе К. Леманн [Lehmann 2015]).

В результате грамматикализации и прагматикализации появляются либо новые языковые средства, либо новые функции у уже имеющихся единиц языка, которые позволяют говорящим выразить субъективные оценочные значения наиболее экономным способом.

И грамматикализация, и прагматикализация вызваны одной причиной – потребностью в выражении оценки, индивидуального мнения [Traugott 1989, Traugott 2010]. По мнению исследователей, именно персонализацией дискурса объясняется развитие новых коммуникативных функций у языковых единиц. [Traugott 1982, Zavala 2001].

Различий между двумя процессами несколько. Во-первых, различны результаты данных процессов. Если грамматикализация ведет к формированию новой грамматической категории, обязательной для выражения, то прагматикализованные единицы не формируют отдельной категории и не являются обязательными для использования. Напротив, они необходимы для выражения субъективных эмоционально-оценочных смыслов.

Еще одно различие касается этапов изменения грамматических, семантических и прагматических свойств языковой единицы.

Б. Хайне выделяет три этапа, через которые должна пройти языковая единица в процессе грамматикализации:

1 этап: некоторая языковая единица начинает использоваться для выражения грамматического значения;

2 этап: данная единица начинает использоваться в новом окружении, в результате развивая многозначность;

3 этап: первоначальное значение единицы оказывается окончательно утраченным, грамматикализованное значение становится единственным. Переход на третий этап означает формирование новой грамматической категории в языковой системе [Heine 2003].

Прагматикализация не обязательно предполагает третий этап: для единиц, подвергшихся прагматикализации, характерна также параллельно существующая возможность их использования в качестве полнозначных лексических единиц, но уже в другом лексическом окружении.

Еще одно важное отличие касается обязательности выражения значения: если грамматикализация, приводя к формированию новой грамматической категории, «вынуждает» говорящего обязательно выражать новое значение, то прагматикализованные единицы позволяют говорящему делать выбор: значения, которые кодируются такими единицами, являются факультативными.

Таким образом, *прагматикализация* как термин, описывающий исторические изменения в семантической структуре и функционировании языковых единиц оказывается более применимым к дискурсивным маркерам проблемной достоверности: их использование не является обязательным; кроме того, словоформы, функционирующие как дискурсивы, продолжают использоваться как полнозначные элементы высказывания. Поэтому далее в нашей работе мы будем описывать исторические изменения в значении и функционировании этих словоформ именно как прагматикализацию.

1.8. Выводы

В данной главе были проанализированы исследования, в которых обсуждаются дискурсивные маркеры как особый класс языковых единиц, проблемы их классификации и функционального описания – именно эти темы являются основными и наиболее дискуссионными в современных исследованиях. Кроме того, был рассмотрен вопрос о типах значений, которые передаются в дискурсе с помощью данных единиц. По мнению многих исследователей, к основным типам значений, которые дискурсивные маркеры выражают в устной речи и в письменном тексте, относятся:

а) установление смысловых связей между отдельными элементами высказываний или между высказываниями;

б) установление взаимоотношений между говорящим и адресатом;

в) выражение отношения говорящего к тому, о чем идет речь.

Поскольку в данной работе описываются дискурсивные маркеры эпистемической оценки зоны проблемной достоверности, особое внимание было уделено эпистемической модальности и эпистемической оценке как особому типу субъективного значения. Данный вид оценки представляет собой шкалу, на одном полюсе которой расположены значения недостоверности, на другом – значения полной уверенности говорящего в том, что сообщаемая информация соответствует действительному положению вещей (полная достоверность). Между этими полюсами располагаются маркеры проблемной достоверности, которые указывают на то, что говорящий не до конца уверен в соответствии высказывания действительности.

Поскольку ни в русском, ни в английском языке значение достоверности не грамматикализовано, языки предлагают говорящим широкий выбор лексических средств, способных выражать это значение. В

группу этих средств входят и дискурсивные маркеры, сформировавшиеся из полнозначных словоформ.

В Главе 1 был также затронут вопрос о путях формирования дискурсивных единиц. В современной лингвистической типологии данный вопрос является открытым: ряд исследователей для описания процесса и его результатов используют термин *грамматикализация*, другие считают, что появление дискурсивных маркеров – это процесс формирования не грамматических, а прагматических единиц, и поэтому используют для его описания термин *прагматикализация*. Данные процессы имеют ряд сходств, но отличаются результатом: если при грамматикализации возникает новая грамматическая категория, кодирующая значения, обязательные для выражения, то при прагматикализации образуется класс единиц, часто неоднородных с точки зрения грамматических свойств, кодирующих субъективные, и потому факультативные для выражения значения.

Дискурсивные слова, выражающие эпистемическую оценку, часто функционируют в высказываниях как вводные слова, имеющие независимую синтаксическую позицию в высказывании. По мнению Е.В. Падучевой, вводные слова позволяют неэксплицитно указать на говорящего как субъекта сознания [Падучева 2010]). Для нашего исследования важно, что появление словоформы в независимой синтаксической позиции можно считать формальным показателем того, что словоформа участвует в процессе прагматикализации.

Процесс прагматикализации может быть объяснен с позиций когнитивной семантики: «когнитивная семантика берется отвечать на до сих пор запретный вопрос о том, почему, или каким образом возникает то или иное значение» [Рахилина 1998, с.296].

Во второй главе будет представлен анализ русских дискурсивных маркеров эпистемической оценки с целью показать пути формирования дискурсивной функции у полнозначных словоформ и объяснить процесс прагматикализации с точки зрения коммуникативных потребностей, которые

могут вызывать к жизни данный процесс.

Глава 2. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности в русском языке

В данной главе мы постараемся показать, что формирование группы дискурсивных маркеров проблемной достоверности – это длительный исторический процесс, который включает в себя изменение семантической структуры, «предпочтений» в лексической сочетаемости и синтаксического поведения словоформ. Чтобы объяснить данный процесс, мы будем использовать теоретические положения когнитивной семантики. Одним из таких положения является мысль о том, что «…все значения и употребления не случайны и не произвольны – они семантически связаны между собой, так что каждое значение может «породить» одно или несколько новых, и в конечном счете они образуют «цепь» (chain) или «сеть» (network) значений данной языковой единицы» [Рахилина 1998, с. 298]. Данная идея является важной для описания процесса прагматикализации языковых единиц – по сути, речь идет о развитии и закреплении новых значений, только эти значения по ряду характеристик отличаются от полнозначных лексических значений. Кроме того, как будет показано ниже, часто путь к дискурсивным (по сути, прагматическим) значениям лежит через развитие новых лексических значений.

Как было упомянуто ранее, для прагматикализованных единиц наряду с дискурсивным характерно сохранение полнозначного употребления и, следовательно, многозначности, и поэтому анализ дискурсивных маркеров возможен только с опорой на контекст. Именно ближайшее окружение (как лексическое, так и грамматическое) позволяет носителям языка снимать многозначность. Иными словами, именно контекст определяет дискурсивное или полнозначное употребление интересующих нас языковых единиц. Сошлемся на мнение Г.В. Колшанского: «… полисемия и

полифункциональность являются неотъемлемой характеристикой любого конкретного языка, и поэтому именно контекст предназначен для снятия любой полисемии, другими словами, для утверждения того или иного действительного значения или смысла единицы. Контекстуальная реализация того или иного монозначения не может быть поэтому строго названа как уточнение значения, а должна быть квалифицирована как совокупность условий формирования однозначных коммуникативных единиц» [Колшанский 2005, с. 126].

Известно, что именно сочетаемостные свойства многозначных лексических единиц определяют их семантику. При этом данные свойства могут меняться с течением времени. При описании сочетаемостных свойств лексики Д.О. Добровольский предлагает выделять центральные, т.е. нормативные и стилистически корректные сочетания, а также сочетания периферийные, т.е. такие, которые допустимы в той или иной степени [Добровольский 2005]. Поскольку именно периферия наиболее подвержена изменениям, это может приводить «… к модификации семантической структуры слова вплоть до возникновения новых и исчезновения старых значений» [Добровольский 2005, с. 44].

Исходя из сказанного выше, при проведении анализа мы классифицировали контексты с учетом частеречной принадлежности словоформ и их синтаксической позиции в высказывании. Обращение к НКРЯ позволяет получить достаточное количество контекстов, на основе анализа которых могут быть описаны условия употребления интересующих нас языковых средств. Поэтому мы не можем согласиться с мнением С.В. Дорониной, которая считает, что описание семантики контекстов не может дать надежных результатов в анализе дискурсивных маркеров [Доронина 2011]. Напротив, представляется, что именно анализ окружения позволяет понять, как возникают новые значения и новые прагматические функции. Ср. мнение Н.Д. Арутюновой: «Поскольку прагматическое значение по определению контекстно обусловлено, его изучение ставит

задачу выявления характерных для него контекстов. Прагматическое значение раскрывается через синтаксис» [Арутюнова 1988, с. 7]. Л. Джонс указывает на обязательность анализа окружения дискурсивных единиц, поскольку синтаксическая позиция и лексическое окружение позволяют определить, какую функцию выполняет дискурсивный маркер в тексте [Jones 1992].

2.1. Методика исследования

Прежде чем перейти к непосредственному описанию словоформ, которые в современном русском языке функционируют как дискурсивные маркеры проблемной достоверности, необходимо остановиться на процедуре анализа.

Для формирования конкордансов в данном исследовании использовался основной подкорпус Национального корпуса русского языка (здесь и далее – НКРЯ). Эмпирический материал был распределен по семи хронологическим срезам. Количество полученных из корпуса контекстов употребления интересующих нас словоформ зависит от количества текстов, относящихся к каждому периоду, а также от их объема. Данные о распределении текстов и общем количестве словоупотреблений в них приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение текстов по хронологическим срезам в основном подкорпусе НКРЯ

Хронологический срез	**Кол-во документов в подкорпусе**	**Количество словоупотреблений**
1700-1749	338	638 377
1750-1799	1445	3 918 838
1800-1849	2109	10 790 144
1850-1899	3155	40 575 326
1900-1949	50 551	68 131 359
1950-1985	10 102	42 065 036
1986-2016	47 200	105 233 166
Всего	115645	283 431 966

Далее количественные данные по каждой словоформе (абсолютная и относительная частоты вхождения) приводятся по каждому хронологическому срезу. Такой анализ представляется необходимым, поскольку он позволяет проследить динамику употребления интересующих нас единиц. В частности, появляется возможность увидеть, в какой момент слово появляется в новом окружении или начинает использоваться в определенном контексте чаще. Ср. мнение В.А. Плунгяна: «… постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические процессы» [Плунгян 1998, с. 325].

Полученные контексты анализировались с точки зрения их синтаксической структуры и лексического наполнения. Это позволило выделить основные типы контекстов, в которых функционируют интересующие нас словоформы, определить их грамматические характеристики и типы значений, которые связаны с этими контекстами.

2.2. Дискурсивные маркеры проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия

К группе дискурсивных маркеров эпистемической оценки в первую очередь относятся слова, исходная семантика которых связана с обозначением процесса зрительного восприятия: *очевидно, по-видимому, видимо, видать, видно* и др. Исследователи неоднократно указывали на «эпистемическую активность» (термин Н.Д. Арутюновой) глагола *видеть.* Именно от корня *-вид-* образовано значительное число дискурсивных маркеров, указывающих на предположительный характер сообщаемой информации. Заметим, что дискурсивные маркеры с корнем *-вид-* уже становились предметом лингвистического анализа [Дискурсивные слова 2003, Шмелев 2017]. По мнению К.Л. Киселевой, семантика этой группы лексем «… строится вокруг сопоставления двух способов представления некоторого положения вещей. С одной стороны, это положение вещей

представлено как данность, будь то наблюдаемое, факт, событие, чужая речь и др. С другой стороны, это же положение вещей в силу недостаточности его объективного представления требует выдвижения субъективной гипотезы, которая выходит за рамки данного и охватывает также и сферу невидимого» [Дискурсивные слова 2003, с. 54]. В свою очередь А.Д. Шмелев, обращаясь к проблеме перевода дискурсивных маркеров *видимо, по-видимому* и *видно*, отмечает, что «все три слова… в современном русском языке выражают установку на объяснение наблюдаемых фактов посредством предположения [Шмелев 2017, с. 399]. Представленный в этих работах анализ дискурсивных маркеров с исходной семантикой зрительного восприятия, однако, не затрагивает вопроса о том, каков был путь формирования этой группы дискурсивных средств.

Н.Д. Арутюнова выделяет четыре ментальные операции, которые сопутствуют зрительному восприятию: «… 1) таксономия (отнесение к классу), 2) идентификация индивида (узнавание), 3) интерпретация, 4) выявление импликаций. Первые два акта основаны на сравнении с образом, то есть определении сходств и различий, третье – на установлении знаковых отношений, «прочтении», четвертый – на знании каузальных, следственных и др. связей» [Арутюнова 1988, с. 114-115]. Для развития значения понимания особенно важными оказываются третья и четвертая операции, так как именно они позволяют воспринимающему субъекту делать умозаключения. Эти же операции объясняют регулярность семантического сдвига в значении глагола *видеть* во многих языках мира от зрения через восприятие к пониманию и далее к оценке увиденного и воспринятого.

Н.Д. Арутюнова также отмечает, что «… зрительное восприятие совместимо не только с достоверным знанием, но также с незнанием или неуверенностью…» [Арутюнова 1988, с.115]. Анализ словоформ с корнем -*вид*- подтверждает эту мысль: как будет продемонстрировано далее, все словоформы, развившие дискурсивную функцию маркера эпистемической оценки, также употребляются (или употреблялись) для описания

умозаключений, часто сделанных говорящим на основе зрительного восприятия некоторой ситуации.

2.3. Дискурсивный маркер *очевидно*

Согласно Малому академическому словарю русского языка, Большому толковому словарю русского языка и Современному толковому словарю русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой, лексема *очевидно* в современном русском языке имеет три значения. Приведем здесь словарную статью из МАС:

ОЧЕВИ́ДНО.

1. *Нареч. к* очевидный. *Был человек, который никакого не знал ни промысла, ни ремесла, Но сундуки его полнели очевидно.* И. Крылов, Скупой и Курица. *Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществлялась так очевидно, который достиг цели в жизни.* Чехов, Крыжовник.

2. *безл. в знач. сказ.* Ясно, понятно. *Для всех было очевидно, что она [Прасковья Ивановна] горячо привязалась к моей матери и ко всем нам.* С. Аксаков, Детские годы Багрова-внука. *С первого же взгляда на его лицо было очевидно, что у него постоянного занятия нет.* Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина.

3. *в знач. вводн. сл.* Вероятно, по-видимому, должно быть. *Те, кто не были знакомы, поспешили познакомиться с Нехлюдовым, очевидно, считая это за особую честь.* Л. Толстой, Воскресение. *Тропа, по которой мы ехали, была каменистая, влажная и, очевидно, представляла собою русло высохшей речушки.* Закруткин, Кавказские записки [Словарь русского языка в 4 т., электронный ресурс].

Данная словарная статья отражает тот факт, что слово *очевидно* используется для описания различных ситуаций: видения, понимания, характеристики всего высказывания с точки зрения его достоверности, но не показывает, каким образом данные значения (два из которых – зрительное

восприятие и маркер неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого – можно даже считать в некоторой степени антонимичными) связаны между собой. Отметим, что все упомянутые выше словари приводят значения слова *очевидно* именно в такой последовательности: наречие – безличная форма – вводное слово. Однако, как будет показано далее, порядок расположения значений не отражает современного реального употребления данного слова, а, скорее, в силу традиции показывает картину, характерную для второй половины XVIII – XIX вв.

Далее будет представлен хронологический анализ употребления слова *очевидно* по данным основного подкорпуса НКРЯ с 1700 г. до наших дней.

Данные об абсолютной и относительной частоте употребления словоформы *очевидно* в разные хронологические периоды приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Употребление словоформы *очевидно* с 1700 по 2017 гг. по данным основного подкорпуса НКРЯ

Период	Кол-во документов в подкорпусе	Кол-во документов, в которых употребляется словоформа	Кол-во контекстов (абсолютная частота)	Относительная частота употребления
1700-1749	338	1	4	6,27
1750-1799	1445	29	46	11,74
1800-1849	2109	102	216	20,02
1850-1899	3155	1028	6229	153,52
1900-1949	50 551	2455	9591	140,77
1950-1985	10 102	1147	4313	102,53
1986-2017	47 200	4700	9900	94,08
Всего	115 645	9629	30299	75,56

Данные таблицы свидетельствуют о том, что средняя относительная частота употребления *очевидно* меняется с течением времени, достигая максимальных значений во второй половине XIX – первой половине XX вв. Более подробная информация об относительной частоте употребления словоформы *очевидно* представлена на рис. 2 ниже.

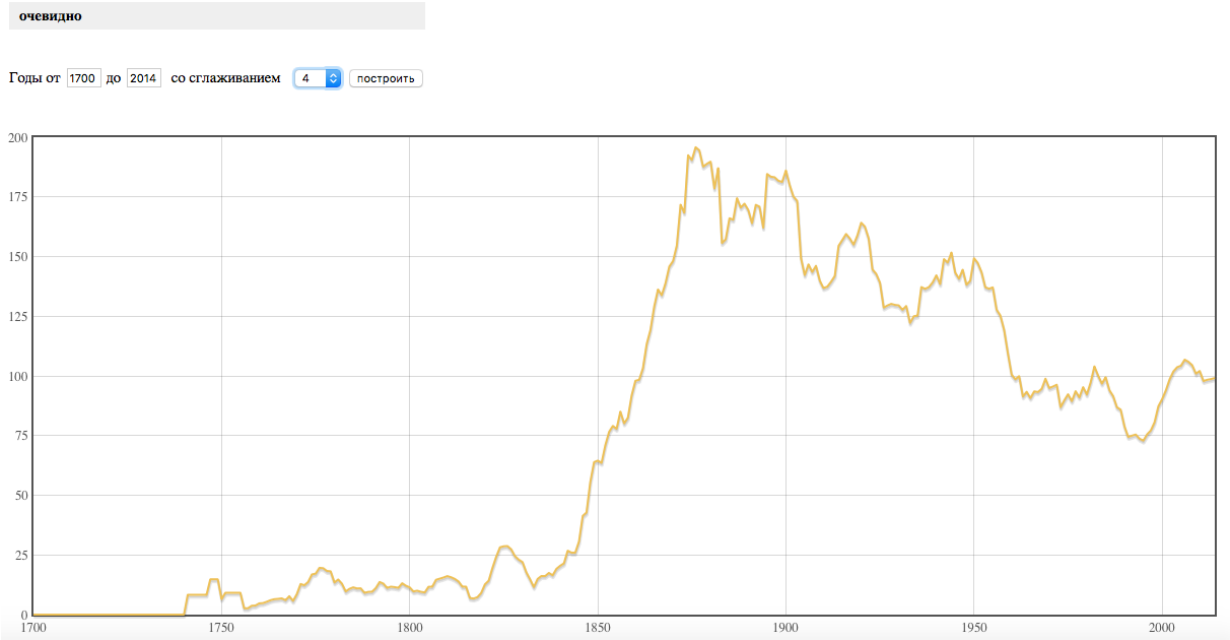


Рис. 2. Распределение словоформы *очевидно* по годам (1700-2016) по данным основного подкорпуса НКРЯ

Согласно графику, резкий рост относительной частоты употребления слова *очевидно* приходится на вторую половину XVIII века. На протяжении XX века происходит постепенное снижение и относительная стабилизация частоты встречаемости *очевидно*. Посмотрим, в каких контекстах встречалось это слово и как часто реализовывались три значения, выделяемых словарями.

ОЧЕВИДНО 1700-1749 гг.

Употребление словоформы *очевидно* в функции дискурсивного маркера абсолютно не характерно для текстов первой половины XVIII века: по данным НКРЯ, словоформа *очевидно* встречается всего 4 раза в единственном тексте – это трактат М.В. Ломоносова «Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная» 1745 г. Все четыре контекста демонстрируют полнозначное (недискурсивное) употребление наречия *очевидно*: во всех контекстах оно синтаксически связана с глаголом и по своим семантическим свойствам сближается со словом *ясно*.

Сей опыт ***очевидно*** *показывает, что от первых движений поршня больше воздуху выходит, нежели от последних [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)].*

Ежели кто сии причины ***очевидно*** *себе представить хочет, тот пусть употребит куклу, у которой вместо полости привязан пустой шаричек стеклянный LM с тоненькою трубочкою [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)].*

Если в приведенных выше примерах словоформа *очевидно* сохраняет семантику зрительного восприятия, то в следующих двух контекстах значение словоформы сдвигается в сторону процессов мышления и понимания:

Для того начинающим учиться физике наперед предлагаются ныне обыкновенно нужнейшие физические опыты, купно с рассуждениями, которые из оных непосредственно и почти ***очевидно*** *следуют [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)].*

Равновесие твердых тел ***очевидно*** *доказать можно на безмене, который ясно показывает, что гиря равновесие содержит, ежели она стоит в обратной пропорции расстояний, то есть тою же тягостию в разных расстояниях хранит с разными тягостьми равновесие [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)].*

Семантический сдвиг от зрительного восприятия к ментальной деятельности обеспечивает лексическое окружение наречия *очевидно*: в первых двух случаях это глаголы *показывать* и *представить себе,* описывающие процесс зрительного восприятия, в третьем и четвертом примерах – глаголы *доказать* и *следовать,* описывающие операцию логического вывода, а также абстрактные существительные *равновесие* и

рассуждения: ясно, что такие объекты нельзя воспринимать с помощью зрения, их можно только помыслить.

Таким образом, первая половина XVIII века – это время, когда наречие *очевидно* в целом употребляется редко, не имеет функции вводного слова и еще не вовлечено в процесс прагматикализации.

ОЧЕВИДНО 1750-1799 гг.

Во второй половине XVIII века частота употребления словоформы *очевидно* по-прежнему остается невысокой: в среднем она встречается 11,74 раз на 1 миллион словоупотреблений.

В этот хронологический период *очевидно* употребляется преимущественно как наречие, указывающее на зрительное восприятие ситуации говорящим и, следовательно, на полную достоверность того, о чем говорится. Часто в ближайшем окружении *очевидно* встречаются слова, непосредственно называющие ситуацию зрительного восприятия:

Любопытные люди многие о Граде сем слухом слышат, а ***очевидно его не видят****, то буди им в представление во утоление желаемой жажды их, представляется им абрис его или прошпект. [А.И. Богданов. Описание Санкт-Петербурга (1751)]*

Я признаюсь и самъ, что объявляемыя мною вещи, невѣроятны, однакожъ они истинные, и ***очевидно мною самимъ засвидѣтельствованные****. [Стефан Савицкий (перевод книги Л. Хольберга). Подземное путешествїе представляющее Исторїю разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ (1762)]*

Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно приехали. Благодарю бога, ***жена очевидно оправляется****. Я имею причины ласкаться, что привезу ее к вам здоровую. [Д.И. Фонвизин. Письма родным (1777-1778)]*

Наряду со значением зрительного восприятия *очевидно* употребляется также для указания на мыслительную деятельность, при этом сообщаемая информация считается говорящим абсолютно достоверной:

Изо всего сего ***очевидно явствует****, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии не из важных резонов, но ради утеснения наук и препятствования Ломоносову в распространении оных, чтобы его фабрика была в лучшем состоянии, нежели науки. [М.В. Ломоносов. Краткая история о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени (1764)]*

Указание на уверенность в собственных умозаключениях реализуется также безличным предикативом *очевидно*:

Одне действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми, ***как то из предыдущих примеров очевидно****. [А.Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии (1792-1796)]*

Само собой очевидно, что *я говорю здесь не о хронических болезнях, однако его наблюдения показывают, что и они в своей значительной части происходят из тех же источников. [А.М. Шумлянский. Письмо И.В. Руцкому (1783)]*

Однако уже в этот период рядом с наречием *очевидно* начинают появляться указатели на неполную уверенность говорящего в сообщаемой информации:

Сие уже очевидно*,* ***если не ошибаюся,*** *чтобы Македония не равнодушно возрила на пришествие своих во Грецию неприятелей; являя в сем случае боязнь или несмысленное равнодушие в рассуждении жребия Пелопониса, побудила бы она чужестранцев к соделанию поселений и к нанесению войны даже в недры Македонии. [А. Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия Греков [перевод книги Г. де Мабли с французского] (1773)]*

Во 2-ой половине XVIII века зафиксирован единственный контекст, в котором употребление слова *очевидно* похоже на современное использование его в качестве дискурсивного маркера проблемной достоверности: *очевидно*

занимает синтаксическую позицию между подлежащим и сказуемым и выделено запятыми.

Сіи качества его, ясно обнаруживаетъ прилагаемое письмо, ***которое очевидно, есть изліяніе чувствительнаго сердца****, тронутаго оными, и которое потому прошу издать въ самомъ подлинникѣ не перемѣняя ни въ слогѣ, ни въ смыслѣ. [N.N. Письмо къ издателямъ // Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ. Часть первая. съ Генваря до Іюня, 1795]*

Данные об употреблении слова *очевидно* в различных типах контекстов во 2-ой половине XVIII века представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Употребление словоформы *очевидно* с 1750 по 1799 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *очевидно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	11	23,4
Наречие	35	74,5
Дискурсивный маркер	1	2,1

Употребление в текстах слова *очевидно* во второй половине XVII века отличается от предыдущего хронологического среза использованием в новой синтаксической функции – предикативной. Можно высказать предположение, что такое употребление – это шаг на пути к прагматикализации, однако при этом отметим, что семантического сдвига в сторону значения проблемной достоверности на этом этапе еще не происходит. *Очевидно* в предикативной функции сохраняет семантику эвиденциальности (умозаключение делается говорящим на основе имеющегося знания) и по-прежнему указывает на полную уверенность говорящего в излагаемой информации.

ОЧЕВИДНО 1800-1849 гг.

В первой половине XIX века относительная частота вхождения словоформы *очевидно* составляет чуть более 20 раз на 1 млн. словоупотреблений. В контекстах этого периода впервые устойчиво встречаются дискурсивные употребления *очевидно*: оно занимает синтаксически независимую позицию и во многих случаях выделяется запятыми как вводное слово.

Данные об употреблении *очевидно* в трех типах контекстов представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Употребление словоформы *очевидно* с 1800 по 1849 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *очевидно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	92	43%
Наречие	60	28%
Дискурсивный маркер	62	29%

Первая половина XIX века интересна, прежде всего, тем, что именно в этот период меняется соотношение частот употребления словоформы *очевидно* в выделенных типах контекстов: наиболее часто *очевидно* функционирует как предикатив, в то время как наречное и дискурсивное употребление встречаются с приблизительно одинаковой частотой. Можно говорить о том, что наречное употребление по-прежнему сохраняет семантику зрительного восприятия либо указывает на полную уверенность говорящего в правильности понимания ситуации:

– Эй, господа, берегитесь романтизма, – прервал Николай Иваныч, ***очевидно*** *уклоняясь от прямого пути, – это такая заразительная болезнь, которая стоит иной проказы… [М.Е. Салтыков-Щедрин. Брусин (1847-1848)]*

*Они **очевидно** любили друг друга, и я должен был играть при них печальную роль свидетеля чужих нежностей. [О.И. Сенковский. Записки домового (1835)]*

*К вечеру стали **очевидно** уменьшаться войска наши и заметны были многие в линиях интервалы. [А.П. Ермолов. Записки 1798-1826 гг. (1825-1830)]*

Использование словоформы *очевидно* в составе сказуемого часто отражает либо зрительное восприятие ситуации, либо умозаключение. В последнем случае *очевидно* указывает на то, что говорящий считает свое понимание ситуации правильным. В таких контекстах *очевидно* легко заменяется на *ясно, понятно*, а в ряде случаев оно употребляется вместе с этими словами:

***Очевидно**, что на столь великих расстояниях, какие представляются в Сибири, невозможно было вдруг устроить удобных и верных сообщений. [Г.С. Батеньков. Общий взгляд на Сибирь (1822-1823)]*

*Вот видишь ли: **это так ясно, так очевидно**, что само собою, против меня, приходит мне на мысль… [М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]*

Наконец, дискурсивное употребление – это выражение говорящим эпистемической оценки проблемной достоверности высказывания, указание на субъективность выражаемого мнения, на неполную уверенность в правильном понимании происходящего. Как дискурсивный маркер *очевидно* чаще всего занимает позицию между подлежащим и сказуемым и выделяется запятыми:

*Это, **очевидно**, пародия на известные слова, данные в девиз графу Клейнмихелю за постройку Зимнего дворца: «Усердие все превозмогает». [А.В. Никитенко. Дневник (1846)]*

*Итак, иероглифы суть, **очевидно**, письмена предпотопные, literae antediluvianae, первобытная грамота рода человеческого, и были в общем употреблении у народов, обитавших в теплой и прекрасной стране, теперь*

частию превращенной в Северную Сибирь, частию поглощенной Ледовитым морем, как это достаточно доказывается и самым устройством устья Лены. [О.И. Сенковский. Ученое путешествие на Медвежий Остров (1833)]

*Андрони, **очевидно**, смешался при этих словах. Он побледнел, губы у него задрожали, и огненные глаза его засверкали от ярости… [А. Погорельский. Двойник или мои вечера в Малороссии (1828)]*

Примеры из текстов А.В. Никитенко, О.И. Сенковского и А. Погорельского иллюстрируют такое употребление, когда сфера действия словоформы *очевидно* распространяется не на всю пропозицию, а только на предикат: автор дает эпистемическую оценку свойству объекта или его состоянию. Степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации в данных контекстах близка к полной, поскольку умозаключение основано на имеющемся знании либо на непосредственном участии в ситуации.

В следующем примере *очевидно* выражает неполную уверенность в достоверности информации: это не утверждение, которое представляется повествователю истинным, а догадка:

*Ливрея, **очевидно** была взята напрокат для какого-то торжественного случая. [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]*

В данном контексте на неуверенность говорящего указывает не только синтаксическая позиция словоформы *очевидно*, но и неопределенное местоимение *какой-то*, которое подчеркивает факт неполного владения информацией.

Данный период можно считать временем начальной прагматикализации словоформы *очевидно*: контекстов, в которых описывается зрительное восприятие ситуации, становится значительно меньше по сравнению с контекстами, в которых говорящий описывает собственное понимание ситуации. Кроме того, по сравнению с предыдущим периодом резко возрастает количество употреблений *очевидно* в роли

дискурсивного маркера, указывающего на субъективность мнения, неполную уверенность говорящего в сообщаемой информации.

ОЧЕВИДНО 1850-1899 гг.

Во 2-ой половине XIX века наблюдается резкий рост частоты использования слова *очевидно*: она составляет 153,52 употребления на 1 млн. словоупотреблений. Дальнейшее ее функционирование в текстах различных жанров можно охарактеризовать как достаточно стабильное. Это связано с тем, что данная словоформа начинает активно использоваться именно как дискурсивный маркер проблемной достоверности. Употребление *очевидно* в двух других типах контекстов – наречном и предикативном – заметно снижается. Данные об употреблении *очевидно* в трех типах контекстов во второй половине XIX века представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Употребление словоформы *очевидно* с 1850 по 1899 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *очевидно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	737	19,5%
Наречие	473	12,5%
Дискурсивный маркер	2555	68%

Расширяется сфера действия[1] дискурсивного маркера *очевидно*: он все чаще занимает начальную позицию вводного слова в высказывании, распространяясь не только на предикат, но и на субъект высказывания:

***Очевидно**, этот храп не давал спать моему товарищу и, кажется, разбудил и меня. [В.Г. Короленко. Марусина заимка (1899)]*

[1] О понятии *сфера действия* см. [Богуславский 1996], применительно к анализу дискурсивных маркеров – [Шилихина 2017].

***Очевидно**, этот смысл заключался в старинной сказке финских племен в Сибири, где говорится: «когда появятся «белые деревья» и вытеснят лесные дерева, тогда придут и люди белого Царя и возьмут землю». [К.С. Веселовский. Отчет по физико-математическому и историко-филологическому отделениям Императорской Академии наук (1862)]*

***Очевидно**, это и есть новейшая Керха. [М.А. Гамазов. Путевой журнал Е. И. Чирикова (1875)]*

В этом хронологическом срезе мы наблюдаем резкое снижение доли наречного употребления словоформы *очевидно*.

*– Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро, – говорил за окном, заикаясь и щелкая зубами, **очевидно** совсем перезябший человек. [Н.С. Лесков. Запечатленный ангел (1873)]*

*Ни в одной клетке, какого бы то ни было слоя, я не мог найти ядра, окрашенного в красный цвет, между тем как в каждой клетке находилось по меньшей мере одно сферическое тело, еще густо окрашенное синью, но в то же время показывавшее легкий оттенок красноты, так **что общий характер окраски представлял очевидно смесь двух цветов** – синего и красного. [А.Я. Данилевский. Несколько биохимических наблюдений на берегу моря (1888)]*

Использование *очевидно*-наречия по-прежнему чаще связано с ситуациями прямого зрительного восприятия, реже – с указанием на полное понимание некоторого факта или явления и полной уверенности говорящего в собственных выводах и умозаключениях:

*Из всего сказанного, да и кроме сказанного, **из множества ежедневных примеров очевидно следует**, что для сохранения русского земледельческого типа, русских земледельческих порядков и стройности, основанной на условиях земледельческого труда, всех народных частных и общественных отношений необходимо всячески противодействовать разрушающим эту стройность влияниям… [Г.И. Успенский. Крестьянин и крестьянский труд (1880)]*

В некоторых контекстах *очевидно* по-прежнему сближается со словами *явно, заметно*, т.е. выражает уверенность говорящего в достоверности информации, однако общее количество таких употреблений уже невелико:

После двухнедельной безмолвной печали бабка, до того времени высокая и здоровая старуха, ***очевидно*** *сгорбилась и ослабела. [А.И. Левитов. Моя фамилия (1863)]*

Не все контексты данного периода могут быть однозначно отнесены к наречному либо дискурсивному употреблению словоформы *очевидно*: в ряде случаев она занимает позицию перед существительным, но не отделяется от него запятыми:

В комнате, куда он вбежал вслед за девушкой, на старомодном диване из конского волоса лежал, весь белый – белый с желтоватыми отливами, как воск или как древний мрамор, – мальчик лет четырнадцати, поразительно похожий на девушку, ***очевидно ее брат****. [И.С. Тургенев. Вешние воды (1872)]*

– Дмитриевский il grande, большой талёнто! – произнес другой, старый, ***очевидно иностранец****. – В Париже с Лекёном, в Лондоне с Гарриком на одной сцене играл. [Г.П. Данилевский. Потемкин на Дунае (1876)]*

Примеры выше объединяет появление словоформы *очевидно* перед существительным – такое употребление можно назвать «категоризующим». У говорящего есть потребность отнести описываемый объект к определенной категории, однако по каким-то причинам он не может быть полностью уверен в правильности отнесения объекта к этой категории. С одной стороны, в контекстах описываются ситуации, в которой умозаключение делается на основе информации, воспринимаемой повествователем зрительно (так, в первом случае прямо указывается на внешнее сходство мальчика с девушкой, во втором контексте речь персонажа позволяет высказать предположение о его иностранном происхождении). С другой стороны, данные контексты могут быть интерпретированы как примеры

перехода от наречного употребления *очевидно* для указания на зрительное восприятие к употреблению дискурсивному, когда говорящий сообщает о своих умозаключениях, не будучи полностью уверенным в их правильности и, следовательно, достоверности. В пользу этого варианта интерпретации и говорит синтаксическая позиция *очевидно* перед существительным.

В период с 1850 по 1899 гг. по сравнению с предыдущими хронологическими срезами также резко снижается количество контекстов, в которых *очевидно* используется в роли предикатива. Такое употребление характерно для нехудожественных текстов (мемуаров, научных трактатов), где авторы представляют результаты собственных размышлений и логических выводов. Для художественных текстов, относящихся к этому периоду, предикативное употребление нехарактерно:

Но к началу Крымской войны и к торжественной прогулке Наполеона с королевой Викторией по Лондону бессилие эмиграции ***стало очевидно****. [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)]*

Не очевидно ли, однако, что *сама воля Божия исчезла в обоих взглядах, что в первом на ее место поставлен священник, а во втором – самоутверждающееся я? [В.С. Соловьев. Оправдание добра (1894-1899)]*

Очевидно, что *альбумин подвергся некоторой перемене и остановка действия щелочи в момент наибольшего вращения давала нам возможность исследовать происшедшую перемену не только в качественном, но и в количественном отношении, так как в различных случаях мы могли останавливать дальнейшие изменения белкового вещества всегда в один и тот же момент перемен. [А.Я. Данилевский. Исследование состава, физического и химического строения, продуктов распадения белковых веществ и генетических отношений между различными их видами (1871)]*

Именно дискурсивное употребление в этот период становится основным в художественных, публицистических, научных текстах и личных письмах:

***Очевидно**, Арина Петровна намеревалась буквально выполнить свою программу: содержать постылого в такой мере, чтоб он только не умер с голоду. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875-1880)]*

*Отец, **очевидно**, влиял на нее удручающим образом, и в его отсутствие она совсем перерождалась. [А.О. Осипович (Новодворский). Сувенир (1881)]*

*Здесь она, **очевидно**, виделась (и не раз) и беседовала с Александрой Михайловной. [Н.П. Карабчевский. Речь в защиту Ольги Палем (1895)]*

***Очевидно**, весь мой гонорар взяла себе девица за то, что ты воспользовался ее слабостью и наполнил поруганием ее лядвея. [А.П. Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову (1897)]*

*Влияние Кювье, с одной стороны, реакция против дошедшей до смешных абсурдов натурфилософии – с другой, были, **очевидно**, главнейшими мотивами при образовании взглядов и стремлений положительной школы. [И.И. Мечников. Очерк вопроса о происхождении видов (1876)]*

Различие между уверенностью говорящего, которая передается наречием *очевидно* и неуверенностью, передаваемой дискурсивным маркером, уже в этот период последовательно отражается при помощи пунктуации: дискурсивный маркер занимает позицию вводного слова и выделяется запятыми. Сравним два контекста:

*В полдень обыкновенно исправник проезжал на паре по улице; это он ехал из своего подгородного имения в полицейское правление, но Ивану Дмитричу казалось каждый раз, что он едет слишком быстро и с каким-то особенным выражением: **очевидно**, спешит объявить, что в городе проявился очень важный преступник. [А.П. Чехов. Палата № 6 (1892)]*

Сверх моего ожидания, горница, в которую меня ввели, оказалась просторною, тёплою и даже чистою; пол и вделанные по стенам лавки были накануне выскоблены и вымыты; перед образами весело теплилась лампадка; четырехугольный стол, за которым обыкновенно трапезуют

крестьяне, был накрыт чистым белым перебором, а в ближайшем ко входу угле, около огромной русской печи, возилась баба-денщица, ***очевидно*** *спеша окончить свою стряпню к приходу семейных от обедни. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)]*

В контексте из повести А.П. Чехова *очевидно* отделено от предиката запятой, что при произнесении соответствует паузам. В тексте М.Е. Салтыкова-Щедрина *очевидно* используется как наречие, описывающее зрительное восприятие ситуации повествователем и сохраняющее семантику эвиденциальности.

Таким образом, хронологический срез 1850-1899 гг. можно считать периодом активной прагматикализации слова *очевидно*: происходит перераспределение его функциональной нагрузки в сторону выражения эпистемической оценки.

ОЧЕВИДНО 1900-1949 гг.

Хронологический срез 1900-1949 гг. характеризуется чуть меньшей относительной частотой употребления словоформы *очевидно* по сравнению с предыдущим периодом: она составляет 140,77 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Данные о функциональном распределении контекстов приведены в Таблице 6.

Таблица 6. Употребление словоформы *очевидно* с 1900 по 1949 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *очевидно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	452	15%
Наречие	231	7,5%
Дискурсивный маркер	2367	77,5%

В данном хронологическом срезе обращает на себя внимание дальнейшее уменьшение доли наречного употребления слова *очевидно* – из трех типов контекстов, в которых функционирует *очевидно*, это самый редкий тип. Необходимо отметить, что большая часть контекстов с наречием *очевидно* – это уже не ситуации непосредственного зрительного восприятия, а умозаключения, основанные на наблюдениях или логическом выводе. Часто такие употребления встречаются в учебно-научных текстах, где новое знание получается в ходе логических рассуждений или непосредственного наблюдения за объектом изучения:

Вегетативные расстройства при эпидемическом энцефалите наблюдаются и в остром периоде, но сложный вегетативный синдром развивается главным образом параллельно с полной картиной болезни. ***Очевидно*** *болезненным процессом нарушается нормальная деятельность заложенных в межуточном мозгу вегетативных центров. [В.А. Гиляровский. Психиатрия. Гл. 20-29 (1935)]*

В приведенном примере характеристика процесса как *очевидно болезненного* не является знанием, полученным на основе личного опыта. Это субъективное умозаключение автора, основанное на непосредственных наблюдениях за состоянием пациентов.

Имеются также контексты, в которых однозначная интерпретация частеречной принадлежности словоформы *очевидно* затруднительна:

Очевидно *имеется какая-нибудь неисправность в самом приемнике, какая – указать не можем, т.к. вы никаких подробностей не сообщаете. [обобщенный. Вопросы и ответы // «Радио Всем», 1928]*

В данном контексте *очевидно* не выделено как вводное слово и может быть понято как наречие, связанное с глаголом *имеется*. Информация о неисправности носит предположительный характер, на что указывает неопределенное местоимение *какая-нибудь*. Данный пример можно считать «переходным» употреблением, когда словоформа еще не приобрела функции дискурсивного маркера, но уже не воспринимается как полнозначная.

В этот период растет количество контекстов, где *очевидно* используется с неопределенными местоимениями и другими показателями предположительности (*может быть*, сослагательное наклонение). В таких контекстах наречие *очевидно* не может быть заменено на наречие *явно* без изменения эпистемической оценки:

Ритуайз руководил также постановками ***какой-то***, ***очевидно*** *нео-латинской, трагедии «О Дидоне», «сделанной по Вергилию», и одной противо-лютеранской пьесы. [А.К. Дживелегов. Предшественники Шекспира (1943)]*

Старик в пёстрой чалме, с видом заправского маддаха, рассказывает ***какую-то***, ***очевидно*** *забавную, историю. [С.Д. Кржижановский. Салыр-Гюль (1933)]*

– Да, – подтвердила мать, ***очевидно*** *не слышавшая и сочинявшая свою сказку дальше, а* ***может быть****, думавшая совсем о другом, о сыновьях например, – две дочери, старшая и младшая. [М.И. Цветаева. Сказка матери (1934)]*

С этим тождеством надлежит посчитаться в полной мере, ибо Иерониму, как воспитанному в латинской культуре, ***казалось бы*** *вполне естественно отождествить имя Апостола с именем Paulus и объяснить его, как синоним Parvus, малый; а с другой стороны, – свои сведения блаженный Иероним имел непосредственно из живого раввинского предания Палестины и* ***очевидно*** *должен был получить веские указания касательно этимологии разбираемого имени, чтобы поступиться естественным ходом своей мысли. [П. А. Флоренский. Имена (1926)]*

Предикативное употребление в начальной позиции с зависимым придаточным характерно для контекстов, в которых говорящий полностью уверен в достоверности сообщаемого. Примеры предикативного употребления встречаются преимущественно в учебно-научных, публицистических, производственных (научно-технических) текстах, а также в религиозной и мемуарной прозе:

Итак, прежде всего совершенно ***очевидно****, что натурализм, а тем паче материализм совсем не совпадает с наукой, а есть сам некая, хотя и отрицательная по содержанию вера, которая научно не может быть доказана и с наукой не имеет ничего общего. [С.Л. Франк. Религия и наука (1929)]*

Очевидно*, что рост зарплаты сам по себе еще не обуславливает роста самой себестоимости. [Б. Фрумкин. Вопросы зарплаты в производственных программах на 1926/27 хоз. г. (В порядке постановки вопроса) // «Вестник труда», 1926]*

Очевидно*, что несвоевременная выдача заказа на радиодетали привела к тому, что наряд заводу своевременно выдан не был и что эти радиодетали появятся на рынке несколькими месяцами позже, чем они могли бы появиться. [В. Збруев. Крокодиловы слезы (ответ на ст. т. Русина) // «Радио Всем», 1928]*

Было ***очевидно****, что певец, которому сорок лет, имеет больше «права» на ту или другую роль, чем безусый молодой парень. [Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932)]*

Дискурсивное употребление *очевидно* в контекстах данного хронологического среза характерно и для художественной литературы, и для нехудожественных текстов различных жанров:

Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более примитивными, чем флектирующие, то поступали они так, ***очевидно****, только в силу эгоцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков. [Н.С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме (1938)]*

Очевидно*, этому обряду, обряду именования, т.е. открывания дверей, приписывалось особое значение. [В.Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)]*

В художественной литературе дискурсивный маркер *очевидно* появляется преимущественно в комментариях повествователей, которые

описывают мысли персонажей или их психологическое состояние. Поскольку речь идет о том, что думает или чувствует другой человек, повествователь может говорить об этом только с определенной степенью уверенности (ср. пословицу «чужая душа – потемки»):

*«Съедят, – **очевидно, думалось ему**, – завтра непременно съедят…» [А.Н. Толстой. Древний путь (1925-1927)]*

***Очевидно, ему не терпелось,** голод, торопил его. [Г. Адамов. Тайна двух океанов (1939)]*

*Ихтиандр посмотрел на костюм таким взглядом, будто ему принесли змеиную кожу, и со вздохом начал одеваться. **Очевидно**, ему редко приходилось надевать костюм. [А.Р. Беляев. Человек-амфибия (1928)]*

***Очевидно, ему было приятно** махать именно не в такт, хотя это было очень трудно, потому что в поздний час этой душной ночи, казалось, даже дома и деревья размякали от музыки и от сладострастия и, как сплошной разноцветный студень, медленно вибрировали вместе с людьми в такт величественно-пошлой музыке оркестров. [Б. Ю. Поплавский. Аполлон Безобразов (1932)]*

*Еле уловимый треск и легчайшее посвистывание почудилось спешившимся антилоповцам. **Очевидно**, это храпели граждане. [И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок (1931)]*

В таких контекстах *очевидно* указывает на достаточно высокую, но не полную степень уверенности повествователя и по своему значению сближается со словосочетанием *скорее всего, наверно*.

ОЧЕВИДНО 1950-1985

Относительная частота употребления словоформы *очевидно* в данном хронологическом срезе продолжает снижаться и составляет в среднем 102,53 вхождения на 1 млн. словоупотреблений, однако из трех типов контекстов наиболее частотным продолжает оставаться вариант дискурсивного

употребления. Данные о распределении слова *очевидно* по трем типам контекстов приведены в Таблице 7.

Таблица 7. Употребление словоформы *очевидно* с 1950 по 1985 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *очевидно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	473	18,8%
Наречие	80	3,1%
Дискурсивный маркер	1968	78,1%

Предикативное употребление, как и в предыдущих хронологических срезах, – это контексты, в которых *очевидно* указывает на полную уверенность говорящего в достоверности собственных умозаключений:

Влияние чужого слова на речь Голядкина ***совершенно очевидно****. [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]*

Создание новой технологии производства, усовершенствование существующей, создание новых материалов, введение в обиход более быстрых и более удобных путей сообщения, увеличение урожайности почвы, создание новых медикаментов – эти задачи повседневно решаются технической физикой, технической механикой, химической технологией, агрономией, медициной и т.д. Направление развития прикладных наук ***довольно очевидно****. Оно диктуется практическими нуждами человечества, нуждами страны. [А. Китайгородский. Пути и цели // «Химия и жизнь», 1965]*

Интересно распределение контекстов с предикативным употреблением словоформы *очевидно* по типам текстов: 162 контекста (34%) – художественная литература, еще 162 контекста (34%) – публицистические тексты, 109 контекстов (24%) – учебно-научные тексты, 16 контекстов (3,3%) – примеры из производственно-технических и официально-деловых текстов,

15 контекстов (3,1%) – это фрагменты церковно-богословских текстов и 8 (1,6%) контекстов – примеры из текстов, отнесенных в НКРЯ к бытовым. Таким образом, можно говорить о том, что, хотя словоформа *очевидно* и встречается практически во всех типах и жанрах текстов, она «тяготеет» к текстам, содержащим рассуждения (публицистические и учебно-научные тексты).

Употребление наречия *очевидно* – это указание говорящего на уверенность в собственных умозаключениях:

Вот то, что хозяин наш Илья — человек хороший, мне было ***очевидно ясно*** *и без страстных пояснений моего друга. [Андрей Битов. Дом поэта (1975)]*

Он ***очевидно и недвусмысленно восхищен*** *стремлением Вана остаться на столь незавидной должности («Побольше бы нам таких людей, а то все лезут вверх, что твои горные егеря! [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный (1972)]*

Уверенность может быть основана на умозаключении, которое сделано по результатам зрительного восприятия ситуации:

Два огромных кудлатых рыжих пса, у которых шерсть нависла на глаза, и третий, стройный, ***очевидно*** *с кровью борзой, длинномордый, черный, с рыжими пятнышками над глазами, что придавало ему страшный вид. [В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)]*

В приведенном контексте умозаключение о родстве собаки с борзой основано на внешних данных животного (телосложение, окрас), которые повествователь воспринимает зрительно.

Необходимо отметить и в этом хронологическом периоде наличие контекстов, в которых нельзя однозначно определить, является ли говорящий уверенным в правоте своих мыслей или высказывает предположение о возможном положении дел:

Погнал он быстро, ***очевидно*** *решив всю свою обиду выместить на грузовике. [Борис Можаев. Лесная дорога (1964)]*

Сверх ожиданий те оказались словоохотливыми и рассказали поимщикам, что беглецы рано утром прошли на северо-запад, ***очевидно*** *рассчитывая найти убежище в Желтой стране. [А.М. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты (1963)]*

Теперь треска не обращает внимания на неподвижный аппарат, ***очевидно*** *принимая его за подводную скалу, и свободно плавает вокруг. [М. Заферман. Путешествие на дно Баренцева моря // «Спортсмен-подводник», 1966]*

Приведенные контексты могут быть интерпретированы двояко: *очевидно* может быть одинаково успешно заменено и на наречие *явно,* и на наречие *возможно, вероятно*. Такие случаи можно считать примерами «переходного» употребления словоформы *очевидно*: это еще не дискурсивный маркер проблемной достоверности, но наречие, семантика которого оказывается «размытой».

Дискурсивные употребления в большинстве случаев маркируются пунктуационно:

Действительно, Крик обнаружил, что мутация – безразлично (–) или (+), внесенная в цистрон А, полностью инактивирует цистрон В. В отсутствие делеций 1589 мутации в цистроне А никогда не оказывали влияния на активность цистрона В. Но если в цистроне А в присутствии делеций 1589 комбинировали (+) с (–), то активность цистрона В восстанавливалась. ***Очевидно, картина выглядит так****. На молекуле фаговой ДНК с делецией 1589 на двух А и В – цистронах синтезируется одна молекула информационной РНК. [В. Лысцов. Язык наследственности. Как был расшифрован генетический код // «Химия и жизнь», 1965]*

В данном хронологическом срезе есть также ряд примеров, в которых *очевидно* не выделяется запятыми, хотя выражает неуверенность говорящего в собственных умозаключениях или указывает на предположительный характер сообщаемой информации:

Статья о Зощ[енке] ***очевидно*** *так и останется у меня неконченой. [К.И. Чуковский. Письма Л.К. Чуковской (1964-1969) // «Дружба народов», 2001]*

И поздравительные телеграммы Ире Г[линке] и Наташе [Садомской] тоже, ***очевидно*** *затерялись… [Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]*

В ряде контекстов *очевидно* в функции дискурсивного маркера в позиции перед существительным может дополняться неопределенным местоимением, что дополнительно указывает на проблемную достоверность:

Кто-то *гремел ведрами в сенях,* ***очевидно Сабина****, в приоткрытую дверь Борис видел широкую спину, привычно снующие в работе руки, суровое лицо кричаще набожного, добродетельного человека. [Л. Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове (1962)]*

Не договорив, он опустился на стул, но тут же вскочил, стал шарить по карманам, что-то ища, ***очевидно*** *платок, но не нашел и стер пот с лица рукавом. [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975)]*

Усиление значения проблемной достоверности может осуществляться путем эксплицитного указания на предположительный характер информации:

Икрометание тунцов, ***по предположениям, очевидно*** *происходит на глубине от 20 до 50 м. [М. Лавренова. Форум океанологов // «Спортсмен-подводник», 1968]*

Таким образом, данный хронологический срез демонстрирует продолжение процесса прагматикализации словоформы *очевидно* в текстах различных типов и жанров, при этом *очевидно* может выражать как высокую степень уверенности говорящего в достоверности сказанного, так и указывать на проблемную достоверность высказывания.

ОЧЕВИДНО 1986-2017

Употребление *очевидно* с 1986 до 2017 г. в НКРЯ дополняется контекстами записей устной речи и фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации, поэтому данный период предоставляет нам данные обо всех трех модусах использования языка – устном, письменном и компьютерно-опосредованном.

В Таблице 8 представлены данные о распределении контекстов по трем группам в соответствии с синтаксической ролью словоформы *очевидно* и ее частеречной принадлежностью.

Таблица 8. Употребление словоформы *очевидно* с 1986 по 2017 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *очевидно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	771	46,7%
Наречие	59	3,6%
Дискурсивный маркер	820	49,7%

Данные в таблице отражают дальнейшее уменьшение контекстов, в которых *очевидно* используется как наречие. В таких контекстах *очевидно* не выделяется запятыми, а сами высказывания являются умозаключениями, полученными в результате анализа некоторой ситуации:

А на самом деле, она просто сразу потратила залог. Денег у нее ***очевидно*** *не было. Собственно поэтому мы и решили, что надо получить столько, сколько возможно. [коллективный. Хочу сдать хозяйку квартиры налоговой: нужны советы (2009)]*

Тем более что он ***очевидно*** *поставит в привилегированное положение тех, кто способствует умножению населения страны, и ущемляет тех, кто (вольно или невольно – в данном случае это абсолютно неважно) на эту в*

буквальном смысле слова жизненно важную цель не работает. [Виталий Третьяков. Почему у нас ничего не получается (часть 2) // «Эксперт», 2013]

Поскольку наречие *очевидно* отражает уверенность говорящего в достоверности суждений, основанных на имеющемся знании, можно говорить о том, что наречное употребление сохраняет эвиденциальный компонент значения.

Основная масса употреблений приходится на предикативное и дискурсивное употребления. Интересно, что в современном узусе доли этих контекстов приблизительно равны. Рассмотрим их более подробно.

Предикативное употребление *очевидно* характерно для контекстов, в которых говорящие выражают субъективные умозаключения. В таких употреблениях *очевидно* синонимично словам *ясно, понятно*:

***Очевидно** также, что на апелляции, спасая честь мундира, специалист может «переговорить» любого школьника, однако учитель к апелляции не допущен. [Валерий Рыжик. Страсти вокруг ЕГЭ // «Наука и жизнь», 2009]*

*Это стало **очевидно** после подсчета миллисекунд, за которые среднестатистический россиянин успевает прочитать пользовательское (лицензионное) соглашение и нажать *СОГЛАСЕН*. [Программисты шутят // «За науку», 2011]*

Предикативное употребление словоформы *очевидно* отличается от дискурсивного тем, что говорящий полностью уверен в достоверности сообщаемой информации. *Очевидно* как дискурсивный маркер, напротив, указывает на предположительный характер суждений:

***Очевидно**, эту сеть потаенных гротов прорыли потоки жидкой лавы. [Луна, к которой мы придем // «Знание – сила», 2011]*

*Сперва специалисты сказали, что, **очевидно**, я перепутал: с подобной надписью медали давались сразу после победы участникам кампании 1812 года, серебряные и бронзовые. [Д. Гранин. Зубр (1987)]*

Вообще, ***очевидно****, должен быть какой-то баланс между желанием помочь и здоровым инстинктом самосохранения. [коллективный. Форум: Первая помощь при эпилептическом приступе (2008-2012)]*

Таким образом, предикативное и дискурсивное употребления слова *очевидно* могут быть противопоставлены с точки зрения выражаемых значений: предикативные употребления связаны с потребностью выражать эвиденциальное значение, источником которого является знание говорящего, а дискурсивные употребления – это выражение эпистемической оценки проблемной достоверности.

На рис. 3 представлен график, отражающий динамику функциональной нагрузки на три типа контекстов, в которых употребляется слово *очевидно*. Наречное употребление достигает своего пика в конце XVIII – начале XIX вв., а затем постепенно идет на убыль. В современном русском языке *очевидно* как наречие практически не функционирует. Основными типами контекстов для этой словоформы являются ее использование как предикатива и как дискурсивного маркера эпистемической оценки. Интересно, что в первой половине и середине XX века дискурсивное употребление становится основным, но к началу XXI века объем функциональной нагрузки на предикативное употребление возрастает, а на дискурсивное – снижается. В настоящее время, согласно данным корпуса и проведенному нами анализу, *очевидно* употребляется как предикатив и как дискурсивный маркер эпистемической оценки с приблизительно одинаковой частотой.

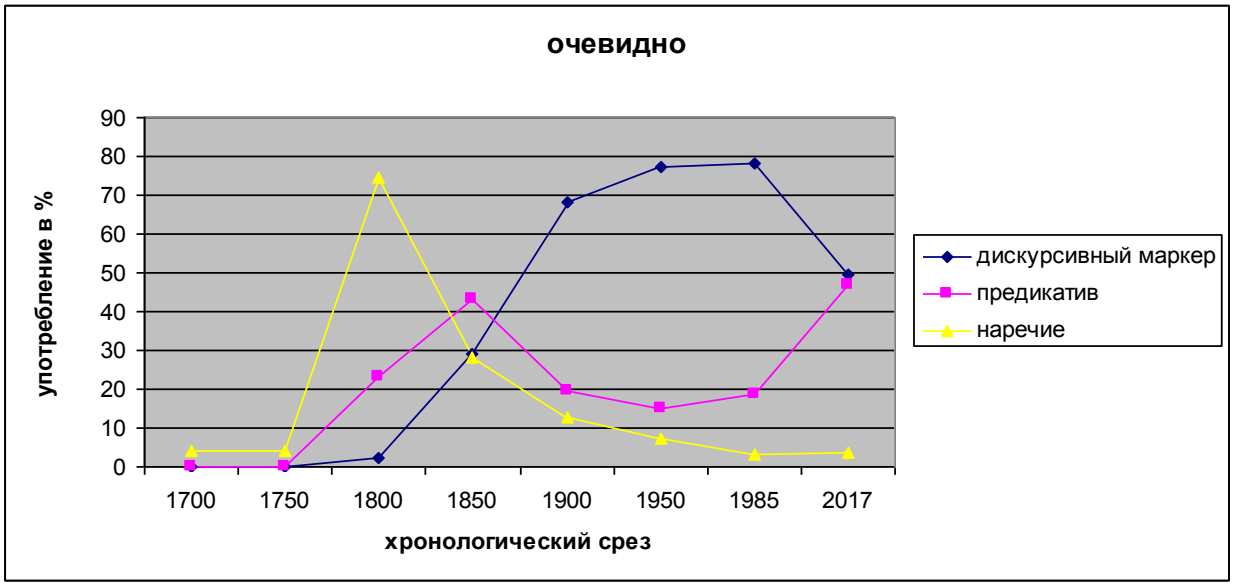


Рис. 3. Употребление словоформы *очевидно* в разных типах контекстов с 1700 по 2017 гг.

Таким образом, с начала XVIII века словоформа *очевидно* сохраняет употребления в трех типах контекстов: как наречие, как предикатив, а также как дискурсивный маркер, грамматически функционирующий как вводное слово. Однако за три столетия изменилась функциональная нагрузка на данные типы контекстов: если в XVIII веке преобладало наречное употребление словоформы *очевидно*, то к началу XXI века количество таких контекстов резко снизилось, и основными типами употреблений стали предикативное и дискурсивное.

2.4. Дискурсивный маркер *видимо*

Видимо – еще одна словоформа, которая в современном русском языке употребляется как дискурсивный маркер проблемной достоверности. Толковые словари современного русского языка описывают слово *видимо* неодинаково. Так, Большой толковый словарь русского языка выделяет единственное значение:

ВИДИМО, вводн. сл. Вероятно, по-видимому. *В., он хотел поговорить со мной. Ты, в., не веришь мне?* [Большой толковый словарь русского языка, 1998].

Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова предлагает более детальное описание:

ВИ́ДИМО, нареч.

1. Явно, заметно для всех (устар.). *Он видимо осунулся*.

2. Внешне, по внешности (книжн.). *В инкубационный период болезни в видимо здоровом организме происходит размножение микроба*.

3. *вводное слово*. По-видимому, видно, вероятно. *Видимо, он чем-то был рассержен*. *«Чувствую себя недурно, пансион прекрасный и лечение, видимо, дельное.» Ленин* (в письме) [Толковый словарь русского языка, электронный ресурс].

Современный толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой выделяет у слова *видимо* единственное значение, которое, по сути, является функциональным:

Ви́димо

нареч. качеств.-обстоят.

1. Употребляется как вводное слово, соответствующее по значению сл.: должно быть, по-видимому очевидно, вероятно [Современный толковый словарь русского языка, 2000. Электронный ресурс].

Малый академический словарь предлагает два значения: наречное с пометой *устар.* и функциональное (*видимо* как вводное слово):

ВИ́ДИМО, *нареч.*

1. *Устар.* Заметно, явно. *Жизнь ее [Александры Михайловны], безотрадная, бесцветная, видимо гасла в глазах моих.* Достоевский, Неточка Незванова. *Казалось, готовилась гроза: черные тучи росли и ползли по небу, видимо меняя свои дымные очертания.* Тургенев, Первая любовь.

2. *в знач. вводн. сл.* Вероятно, по-видимому. *Он взял Подгорина под руку и все уводил его вперед, видимо, собираясь поговорить с ним о чем-то.* Чехов, У знакомых. *Дозорные подозрительно начали вглядываться в Кандыбина, и, видимо, не веря ему, один из них чиркнул спичкой.* Первенцев, Кочубей [Словарь русского языка в 4 т., электронный ресурс].

Основная проблема приведенных лексикографических описаний заключается в том, что, отражая многозначность слова *видимо,* ни один из перечисленных словарей не объясняет, в каких контекстах реализуются различные, фактически, антонимичные значения данного слова. Кроме того, для *видимо* в функции вводного слова толкования содержат только ряды синонимов, при этом описания степени уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации дефиниции не содержат.

Далее будет представлен хронологический анализ употребления словоформы *видимо* в различных типах контекстов.

В Таблице 9 представлены данные об абсолютной и относительной частоте употребления данной словоформы в НКРЯ в каждом из 7-ми хронологических срезов.

Таблица 9. Употребление словоформы «*видимо*» по данным основного подкорпуса НКРЯ

Период	Кол-во документов в подкорпусе	Кол-во документов, в которых употребляется словоформа	Кол-во контекстов (абсолютная частота)	Относительная частота употребления
1700-1749	338	13	47	73,6
1750-1799	1445	43	129	32,9
1800-1849	2109	113	226	20,9
1850-1899	3155	719	3599	88,7
1900-1949	50 551	1387	5697	83,6
1950-1985	10 102	1240	4998	118,8
1986-2016	47 200	5186	14206	135

Приведенные в таблице данные отражают тенденцию к устойчивому росту средней относительной частоты словоформы *видимо,* начиная с середины XIX века. Данные об изменении относительной частоты употребления словоформы *видимо* также представлены в виде графика на рис. 4.

Рис. 4. Распределение словоформы *видимо* по годам (1700-2016) по данным основного подкорпуса НКРЯ

Очевидно, что график относительной частоты употребления словоформы *видимо* нуждается в комментарии. Первая половина XVIII века характеризуется резким ростом частоты употребления этой словоформы. Это связано с особенностями отбора и включения в корпус текстов, относящихся к данному периоду (см. ниже описание функционирования словоформы *видимо* в первой половине XVIII века).

Вторая половина XVIII века также демонстрирует рост и затем такое же резкое падение частоты употребления данной словоформы. Анализ состава текстов, относящихся к данному периоду, показывает, что из 129 контекстов 32 (т.е. 25% от общего количества) принадлежат двум авторам (на долю В.Н. Татищева приходится 11 вхождений, Н.П. Рычкову принадлежит 21 контекст). Это говорит о том, что данную словоформу можно предположительно считать особенностью стиля данных авторов. Именно высокая частота использования словоформы *видимо* в их произведениях обеспечивает резкий рост частоты ее употребления в рамках данного хронологического среза. Далее график демонстрирует снижение частоты употребления *видимо* в начале XIX века и постепенный рост с рядом «всплесков» на рубеже XIX и XX веков и в середине XX века.

Далее покажем, как функционирует словоформа *видимо* в семи хронологических срезах.

ВИДИМО 1700-1749

В текстах, созданных с 1700 по 1749 гг., словоформа *видимо* в НКРЯ встречается только 39 раз, причем из них 30 раз – в текстах В.Н. Татищева. Что касается грамматических свойств и синтаксических связей, можно выделить три типа контекстов: *видимо* функционирует либо как наречие, либо как страдательное причастие в составе сказуемого, либо в составе вводного предложения. Последний тип контекста можно считать первым шагом на пути к прагматикализации данной словоформы. Количественные данные о распределении *видимо* по выделенным типам контекстов приведены в Таблице 10.

Таблица 10. Употребление словоформы *видимо* с 1700 по 1749 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	33	94%
Наречие	1	3%
Дискурсивное употребление	1	3%

Из данных таблицы следует, что *видимо* функционирует преимущественно как страдательное причастие в составе сказуемого:

Тайность не меньше важна при великихъ намѣреніяхъ, какъ и тѣ вещи, о которыхъ я теперь объявилъ. Сіе ***видимо*** *будетъ въ слѣдующемъ правилѣ. [В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского] (1745)]*

Сие в земли обретается двояко, одно ***видимо****, что дерево было, каковых в Англии и Нидерляндии, також и в Вышней Саксонии в глыбине*

немалой под землею довольно обретается, и, как описуют, оные лежат в великом пространстве, якобы великия леса повалены, сучьем и кореньем, некоторые и в листах, в земли изображенных, для различия разных и весьма странных родов деревья показуют, каковых ныне во всей Европе не обретается, но токмо в местах горячих таковые растут около полу зелия. [В.Н. Татищев. Сказание о звере мамонте (1730)]

Единственный пример наречного употребления *видимо* в данном хронологическом срезе также встречается в тексте В.Н. Татищева:

Но понеже мое намерение единственно представить о податях земских, того ради все протчее, оставя без дальшего изъяснения (хотя оные так, яко цепь, с сими связана и един другому ***видимо и невидимо помогает*** *и вредит и во всех многаго исправления требуется), оставляю. [В.Н. Татищев. Разсуждение о ревизии поголовной и касаюсчемся до оной (1733)]*

В данном контексте наречие *видимо* сохраняет семантику зрительного восприятия.

Единственный пример использования *видимо* во вводной конструкции можно считать дискурсивным: автор маркирует неуверенность в достоверности информации, ее предположительный характер:

Зверю под землею жить и ходить не есть противо естества, понеже, ***видимо****, другия с сим сходную или мало разную природу имеют, яко слепощек, которой хотя глаз не имеет, и как скоро на свет выдет, умрет; другия же хотя некогда на верх земли и выходят, обаче живут и от места к месту преходят более под землею, нежели по верху, яко крот, хорь и сурок. [В.Н. Татищев. Сказание о звере мамонте (1730)]*

Таким образом, в 1-ой половине XVIII века словоформа *видимо* не является высокочастотной, встречаясь преимущественно в текстах одного автора. Основная ее функциональная нагрузка связана с ее употреблением в составе сказуемого.

ВИДИМО 1750-1799

Распределение употреблений словоформы *видимо* по трем типам контекстов во второй половине XVIII века представлено в Таблице 11.

Таблица 11. Употребление словоформы *видимо* с 1750 по 1799 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	67	79%
Наречие	11	13%
Дискурсивное употребление	7	8%

Таблица иллюстрирует некоторое перераспределение функциональной нагрузки на разные типы контекстов. Возможно, это объясняется небольшим увеличением количества текстов в НКРЯ, относящихся к этому периоду, а также тем, что теперь эта словоформа встречается в текстах у большего количества авторов. По-прежнему наибольшее количество контекстов приходится на употребление *видимо* как предиката:

***Видимо**, что тетраметр ямбический мужеский есть акаталектик, то есть полный, а женский гиперкаталектик, имеющий лишний слог сверх полного числа стоп. [В.К. Тредиаковский. Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 годе исправленный и дополненный (1751-1752)]*

*Тамъ понынѣ **видимо** великое множество каменныхъ развалинъ и другихъ остатковъ древнихъ зданїй. [Н.П. Рычков. Днѣвныя записки путешествїя въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году (1772)]*

Употребление *видимо* как наречия связано со зрительным восприятием ситуаций, в которых наблюдаемый объект претерпевает изменения в своем состоянии и внешнем облике:

Черезъ нѣсколько секундъ собака стала ***видимо*** *оживать. [Н.М. Карамзин. Смѣсь // Московской Журналъ, 1791]*

Перемена климата чувствительна на каждой миле – и воображение, что я удаляюсь беспрестанно от благословенных стран юга, горестно для души моей. Натура ***видимо*** *беднеет к северу. Теперь сижу один под каштановым деревом, шагах в двадцати от почтового двора, – смотрю через луга и поля на синеющееся вдали море и на город Кале, окруженный болотами и песками. [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]*

Дискурсивное употребление указывает на предположительный характер сообщаемой информации. В большинстве контекстов, относящихся к данному периоду, *видимо* как дискурсивный маркер не всегда обособляется запятыми как вводное слово:

Но ***видимо*** *то опечатка, банкъ оной, или мѣль, находится подлѣ малаго острова, которой тѣмъ же именемъ называется. [Ф.И. Соймонов. Описание Каспийского моря (1763)]*

Радимичи по имени ***видимо*** *славяне. Нестор их перво кладет на реке Соже, меж Смоленска и Киева, а после на Пещане, но обе сии реки в Полесии за Днепром. [В.Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй (1750)]*

Развязка романа P: W неизвестна; но, ***видимо****, после отставки Порошина от великого князя, как некому стало напоминать, что постоянство в числе добродетелей, так развязка тотчас и наступила. [С.А. Порошин. Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича (1764-1765)]*

Данные контексты представляют умозаключения либо факты, в достоверности которых авторы текстов уверены не полностью – *видимо* в данных контекстах синонимично *вероятно, возможно*. Таким образом, в данном хронологическом срезе мы можем наблюдать начало процесса

прагматикализации словоформы *видимо*: несмотря на то, что ее дискурсивное употребление встречается нечасто, она начинает употребляться в контекстах, в которых ситуация не воспринимается зрительно, а осмысляется; в результате у нее появляется значение проблемной достоверности.

ВИДИМО 1800-1849

Употребление словоформы *видимо* в первой половине XIX века значительно отличается от предыдущего столетия: самое главное отличие касается смены функциональных «предпочтений» данной словоформы: если во второй половине XVIII века чаще всего *видимо* используется как страдательное причастие в составе сказуемого, то в первой половине XIX века такое употребление наименее характерно (всего 6% контекстов). Наречное и дискурсивное употребления, напротив, демонстрируют устойчивый рост (см. Таблицу 12).

Таблица 12. Употребление словоформы *видимо* с 1800 по 1849 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	14	6%
Наречие	99	46%
Дискурсивное употребление	103	48%

В первой половине XIX века словоформа *видимо* используется преимущественно в художественных (58% контекстов, относящихся к данному периоду) и публицистических текстах (26% контекстов).

Приведем ряд примеров и проанализируем ближайшее лексическое и грамматическое окружение словоформы *видимо* в выделенных типах контекстов.

Страдательное причастие в составе сказуемого по-прежнему описывает ситуацию зрительного восприятия ситуации, часто речь идет о природном явлении:

Тогда я понял, что ***это странное явление было видимо*** *только для одного меня. [В.Ф. Одоевский. Сильфида (1837)]*

Мы недолго наслаждались ***сиянием солнца, которое в сих местах так редко бывает видимо****: туман и снег, непременные спутники мореплавателя в Южном Ледовитом океане, опять настали. [Ф.Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов… (1831)]*

Видимо в функции краткого причастия в составе сказуемого может также указывать и на понимание/осознание ситуации. В таких контекстах *видимо* может быть заменено на *понятно* или *ясно*:

Значитъ, въ глазахъ Графини, онъ являлся именно ребенкомъ, который сталъ мучить кошку или собачку за то, что ему не купили желанной игрушки: игрушки хотѣлось такъ крѣпко, что необходимо было выместить на чемъ-нибудь неудачу, – и ***это, теперь, сдѣлалось видимо для Графини****. [С. Колошинъ. Вашъ старый знакомый (1849) // «Москвитянинъ», 1850]*

Видимо *было для всех, что партия Бланки всего более рассчитывает на шум, который мог произойти у Ратуши, на смятение и сюрприз, когда из манифестации неожиданно выйдет для самих работников новые правительственные люди и новая форма общества. [П.В. Анненков. Записки о французской революции 1848 года (1848)]*

Наречие *видимо*, как и краткое причастие, часто указывает на ситуацию, воспринимаемую зрительно, и в таких контекстах может быть заменено словом *заметно*:

17-го августа прибыл в Царево-Займище новой главнокомандующий князь Кутузов и приездом своим возвысил дух в армии, ***видимо упадший от беспрерывных и безполезных пожертвований жизни*** *и покоя в течение двухмесячного действия. [Д.В. Давыдов. Три письма на 1812 года кампанию,*

написанные русским офицером, убитым в сражении при Монмартре 1814-го года (1830-1835)]

Уже он начинал достигать поры степенности ума и лет; ***стал толстеть и видимо раздаваться в ширину****. [Н.В. Гоголь. Портрет (1835)]*

Можно выделить несколько наиболее типичных ситуаций, связанных со зрительным восприятием и, следовательно, полной уверенностью говорящего в достоверности сообщаемой информации.

- Зрительное восприятие эмоций по выражению лица:

Однако, это было не надолго; новое облако задумчивости бросило тень на ее прекрасное лицо; ресницы опустились; сомнение ***видимо*** *выразилось в милых чертах, – она позвонила, велела вышедшему слуге принести письменный прибор и на маленьком лоскутке бумаги написала сии слова: «Кто такая вдова Казаль? [Н.А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года (1831-1840)]*

Софья была ***видимо*** *встревожена, слезы показались у нее на глазах. [В. Ф. Одоевский. Косморама (1837)]*

- Изменения во внешнем облике или состоянии объекта, заметные при взгляде на него:

Толпа строений: людских, амбаров, погребов, ***видимо*** *ветшавших, – наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы. [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]*

Так мы и сделали: сперва ванна, потом ложка аппетитной микстуры, потом ложка бульона, и благодаря нашим благоразумным попечениям больной стал ***видимо*** *оправляться; наконец показался и аппетит – он уже начал кушать без нашего пособия… [В.Ф. Одоевский. Сильфида (1837)]*

Анализ сочетаемости позволяет говорить о тенденции употребления наречия *видимо* с глаголами либо деепричастиями, обозначающими процессы или эмоциональные состояния (*видимо стесняться, видимо чахнуть, видимо уменьшиться / увеличиться, видимо терзавшая, видимо*

смутиться) – о таких состояниях, которые проявляются во внешнем облике объекта, говорящий может высказываться с полной уверенностью.

Как уже было отмечено выше, вторая половина XIX века – это время роста доли контекстов, в которых словоформа *видимо* используется как дискурсивный маркер неуверенности говорящего в достоверности информации:

*Они, **видимо**, искали уединения, так что даже когда случалось, что на берегу взморья или вдали, по дороге, показывались гуляющие, одна вставала со скамьи, на которой обыкновенно сиживала, и уходила в лес, увлекая за собой и другую, причем легко можно было заметить, что одна из подруг повиновалась другой, как ребенок. [М.С. Жукова. Дача на Петергофской дороге (1845)]*

*Он, **видимо**, еще не оправился от вчерашнего раута; глаза у него были красны и окружены каким-то пухлым кругом, как бывает луна зимою в морозные дни, на щеках и носу проступали сизые пятна. [А.И. Герцен. Кто виноват? (1841-1846)]*

Интересно, что в данных контекстах авторы приводят объяснения, подтверждающие их предположения, причем информация получена зрительно, т.е. изначально является достоверной. Тем не менее, используют *видимо* уже не как наречие, а как синтаксически независимое вводное слово, которое занимает позицию между субъектом и предикатом высказывания.

Есть в этом хронологическом срезе также и контексты, в которых авторы только высказывают предположения о чувствах персонажей, но не приводят аргументов в пользу своих предположений:

*Саввушка, **видимо**, озабочен чем-то, да и Саша, кажется, тоже не очень спокойна. [И.Т. Кокорев. Саввушка (1847)]*

*Сосед за табельдотом, **видимо**, страдает желанием узнать, кто я; хозяин гостиницы осведомляется о том же с участием; полиция отбирает сведения, едва скрывая любопытство. [П.В. Анненков. Письма из-за границы (1841-1843)]*

Видимо как вводное слово часто появляется в контекстах, содержащих неопределенные местоимения либо другие дискурсивные маркеры, указывающие на проблемную достоверность высказывания. Таким образом, процесс прагматикализации в этом хронологическом срезе уже можно считать достаточно активным.

ВИДИМО 1850-1899

Вторая половина XIX века – это период, когда наблюдается резкий рост относительной частоты употребления словоформы *видимо*. Кроме того, именно в этом хронологическом срезе впервые количество дискурсивных употреблений этой словоформы начинает превышать количество ее употреблений в других типах контекстов. Данные об употреблении словоформы *видимо* во 2-ой половине XIX века представлены в Таблице 13.

Таблица 13. Употребление словоформы *видимо* с 1850 по 1899 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	46	2 %
Наречие	803	36%
Дискурсивное употребление	1405	62%

Интересно распределение полученного конкорданса по разным типам текста: чаще всего *видимо* встречается в художественной литературе – 1518 вхождений, из них 976 – дискурсивных. Далее следуют публицистические тексты – 557 контекстов, из них 320 – дискурсивных, а также учебно-научные тексты – 101 вхождение (53 дискурсивных употребления). В текстах, относящихся к бытовой сфере (преимущественно это личные письма) из 74 контекстов 54 употребления являются дискурсивными. Количественный анализ показывает, что уже в этот период, во-первых,

расширяется набор коммуникативных сфер, в которых функционирует слово *видимо*. Во-вторых, во всех сферах дискурсивное употребление встречается в половине и более случаев. В целом, вторя половина XIX века – это время, когда дискурсивное употребление слова *видимо* преобладает над остальными.

Проиллюстрируем примерами функционирование слова *видимо* как наречия, причастия и дискурсивного слова.

Видимо-предикат, как и в предыдущем хронологическом срезе, встречается в контекстах, описывающих зрительное восприятие природных явлений:

Когда богомольцы, выйдя из леса, взглянули на небо, оно было как пеплом покрыто. ***Солнце едва было видимо****. Запах гарью стоял. [П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874)]*

Зная, что въ 1851 г. ***будетъ видимо полное солнечное затмѣніе*** *во многихъ мѣстахъ земной поверхности, и особенно въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Россіи, но не имѣя досуга заняться подробными вычисленіями, спросилъ о томъ извѣстнаго знатока астрономіи, Ѳ. [Ѳ.А. Семеновъ. Карта полнаго солнечнаго затмѣнія, которое видимо будетъ въ Европѣ 16-28 Іюля 1851 года по полудни // «Москвитянинъ», 1850]*

Кстати: из Кишинева пишут, что там в продолжение целого часа ***было видимо северное сияние****... каков фактец! [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]*

Кроме описаний явлений природы причастие *видимо* в составе сказуемого встречается в контекстах, описывающих душевное состояние или желания персонажей:

Видимо *было, что ей даже обидно такое явление. [Н.А. Добролюбов. Внутреннее обозрение (1861)]*

Видимо *было, что им очень желалось проникнуть в комнату, но из какой-то боязни они не шли внутрь нашего светлого ребячьей радостью*

чертога, а только почтительно улыбались и нерешительно толклись на одном месте. [А.И. Левитов. Бесприютный (1870)]

Однако ж, ***видимо*** *было, что Разуваев, уходя от меня, был значительно ободрен. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878-1879)]*

Видимо-наречие используется для описание процессов, эмоциональных состояний, желаний, сомнений в которых у пишущего нет:

– Когда позволите мне наведаться, батюшка? – выговорил Шумский, ***смущаясь видимо****. [Е. А. Салиас. Аракчеевский сынок (1888)]*

Панталеоне ***видимо бодрился****, по-вчерашнему; но когда он сел в карету с Саниным, когда кучер защелкал бичом и лошади с места пустились вскачь, – с бывшим певцом и приятелем падуйских драгунов произошла внезапная перемена. [И.С. Тургенев. Вешние воды (1872)]*

Государь ***видимо был доволен*** *таким заявлением – и вообще в последнее время был в отношении ко мне любезен и внимателен. [Д.А. Милютин. Дневник (1876)]*

Наречие *видимо* встречается в следующих коллокациях: *видимо был доволен / обижен / потрясен / рад / сконфужен / взволнован, видимо волновался / желал угодить / затруднялся / изменился / наслаждался* и т.д. Такие сочетаемостные «предпочтения» указывают на постепенное ограничение тематической сферы употребления словоформы *видимо*: это описание эмоционального состояния не самого говорящего (повествователя, но другого человека, получить полностью достоверное знание о котором практически невозможно. Именно это можно считать причиной развития у словоформы *видимо* значения маркера проблемной достоверности.

Дискурсивное употребление словоформы *видимо* характерно для контекстов, в которых суждения касаются эмоционального состояния, желаний или чувств персонажа:

И только когда в большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркин и Иван Иваныч, одетые в шёлковые халаты и тёплые туфли, сидели в креслах,

а сам Алехин, умытый, причёсанный, в новом сюртуке, ***ходил по гостиной, видимо, с наслаждением ощущая тепло,*** *чистоту, сухое платье, лёгкую обувь, и когда красивая Пелагея, бесшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносе чай с вареньем, только тогда Иван Иваныч приступил к рассказу, и казалось, что его слушали не один только Буркин и Алехин, но также старые и молодые дамы и военные, спокойно и строго глядевшие из золотых рам [А.П. Чехов. Крыжовник (1898)].*

Так говорит у Достоевского недворянин «Николай Семёнович» о русском дворянстве, и ***автор, видимо, сочувствует*** *ему. [К.Н. Леонтьев. Достоевский о русском дворянстве (1891)]*

Она, видимо, не могла ещё прийти в себя *и плохо меня понимала. [И.С. Тургенев. Ася (1858)]*

Лучкин, уже вернувшийся к Максимке и после большой чарки водки бывший в благодушном настроении, весело трепанул мальчика по спине и, ***видимо, желая поделиться*** *с ним приятными впечатлениями, проговорил: [К.М. Станюкович. Максимка (1896)]*

Употребление *видимо* в контекстах, которые описывают разнообразные внутренние состояния, связано со сдвигом от семантики зрительного восприятия и уверенности к указанию на проблемную достоверность: состояние другого человека можно охарактеризовать только с определенной степенью вероятности, независимо от того, имеет ли это состояние какие-либо внешние проявления (например, выражение лица) или нет.

Таким образом, вторая половина XIX века для словоформы *видимо* – это период увеличения функциональной нагрузки на дискурсивное употребление: *видимо* гораздо чаще используется как маркер проблемной достоверности, чем как указатель на зрительное восприятие ситуации.

ВИДИМО 1900-1949

Первая половина XX века характеризуется резким перераспределением функций данной словоформы: она практически перестает употребляться как

страдательное причастие (вместо *видимо* теперь эту функцию активно выполняет словоформа *видно*). Также снижается нагрузка на его использование в качестве наречия, указывающего на зрительное восприятие ситуации. Количественные данные об употреблении словоформы *видимо* в период с 1900 по 1949 гг. приведены в Таблице 14.

Таблица 14. Употребление словоформы *видимо* с 1900 по 1949 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	21	0,70 %
Наречие	143	4,73 %
Дискурсивное употребление	2858	94,57 %

Согласно данным, приведенным в Таблице 14, употребление *видимо* в составе сказуемого становится наименее востребованным. Такое употребление встречается в художественных и учебно-научных текстах, реже – в публицистических:

Для них все, что появляется на сцене, ***видимо*** *и слышимо. [М.А. Чехов. О технике актера (1945)]*

Сие единое и всякое вместе благо и ***видимо*** *бывает ею, и слышимо, и услаждает вкус и т. д. [С.Н. Булгаков. Свет невечерний (1916)]*

На месте находки ***видимо*** *было небольшое кладбище, так как перстень находился среди остатков истлевшего дерева и человеческих костей. [Поступления в музей древностей (1912.02.25) // «Херсонская мысль», 1912]*

Именно в составе сказуемого *видимо* продолжает сохранять свою исходную семантику – семантику объективного зрительного восприятия физических объектов.

Наречное употребление словоформы *видимо* также связано со зрительным восприятием, однако такие контексты, как правило, – это умозаключения, которые делают говорящие на основе того, что видят вокруг себя. Преимущественно эти умозаключения касаются эмоционального состояния собеседника или персонажа художественного произведения:

Наша знаменитая балерина Павлова достигла ***видимо*** *апогея балетной славы! [Телеграммы (1913.06.06) // «Новое время», 1913]*

Вот, например, Вырубов, тот самый, Контовский поп, – пояснил он ***видимо довольный*** *своим определением. [М.А. Алданов. Истоки. Части 1-8 (1942-1946)]*

Внезапно факел потух, во мраке Джедефра услышал лишь тяжелое дыхание жрецов, ***видимо взволнованных*** *предстоящим страшным обрядом. [И.А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945-1946)]*

Для данного хронологического периода также характерны переходные случаи употребления – это контексты, в которых *видимо* не выделяется как вводное слово, однако употребляется для описания умозаключений, полученных в результате зрительного восприятия ситуации, при этом *видимо* маркирует вероятностный характер суждения:

Молодой, ***видимо*** *очень сильный, человек о чем-то неотступно думал, но лицо его словно навсегда отказалось выражать ход размышлений. [К.А. Федин. Первые радости (1943-1945)].*

Он ***видимо*** *был удовлетворен моим пояснением, так как уже другим тоном промолвил: «да, да, конечно несчастье… [Н.П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Том второй. Революция и Россия (1921)]*

В ряде случаев *видимо* выделяется запятыми как вводное слово, что можно считать указанием на предположительный характер информации, однако более широкий контекст показывает, что умозаключение сделано повествователем исходя из достоверных данных, полученных через зрительное восприятие:

Он, стал держаться поближе к ним: может, что-нибудь и образуется насчет пищи. Мужички эти, ***видимо****, были пытанные, мученные. У одного, рябого, подвязана щека тряпкой – прикрывал клеймо каленым железом. [А.Н. Толстой. Петр Первый. Книга первая (1930)]*

С начала XX века *видимо* используется преимущественно как дискурсивный маркер. Его позиция в предложении может быть любой, в зависимости от того, вся ли ситуация или ее отдельный компонент представляются говорящему недостаточно достоверными:

Видимо*, страстная, трагическая партитура Верди оказалась «не по плечу» дирижеру. [Д.Д. Шостакович. Премьера «Отелло» (1939.01.04) // «Советское искусство». № 2 (582), 1939]*

Видимо*, неудача второго отряда заставила главарей задуматься. [Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Как я была городским головой (1925)]*

Ты этих моих открыток не получил, ***видимо****. [Рудольф Унгерн. Письма Юрию Ракитину (1926-1938)]*

В дальнейшем, точно когда – неизвестно, ***видимо****, в середине XIII в. [Н.К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI-XV вв.) (1938)]*

Сталин, ***видимо****, в Сибири научился петь и очень ладно подтягивал запевавшему Жданову. [Г.Ф. Байдуков. Встречи с товарищем Сталиным (1939)]*

Дискурсивное и наречное употребления в этот период начинают последовательно маркироваться пунктуационно: *видимо* как маркер проблемной достоверности выделяется запятыми. Часто именно пунктуационное оформление позволяет отделить случаи употребления *видимо* как дискурсивного маркера проблемной достоверности от *видимо* в роли наречия в сходном лексическом окружении:

Лама был и смущен, и, ***видимо, огорчен неумением,*** *но жуков и скорпионов он с Ганжчуровым наловил. [П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №5 (1926)]*

Беседа была искренняя и откровенная. Он был ***видимо огорчен****. Любезно проводил до дверей комнаты и скрылся. [В.И. Вернадский. Дневники (1926-1934)]*

В приведенных выше контекстах в первом случае утверждение об эмоциональном состоянии другого человека (Ламы) является умозаключением, в достоверности которого говорящий до конца не уверен. Во втором случае вывод об эмоциях собеседника делается по результатам непосредственного зрительного восприятия, наречие *видимо* в данном контексте может быть заменено на *явно* или *заметно*, поскольку автор высказывания не сомневается в полной достоверности описания ситуации.

Таким образом, данный период – это время закрепления за словоформой *видимо* функции дискурсивного маркера проблемной достоверности при значительном ослаблении функциональной нагрузки на ее употребление в составе сказуемого или в роли наречия.

ВИДИМО 1950-1985

Относительная частота употребления словоформы *видимо* в данном хронологическом срезе продолжает расти – она составляет 118,8 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. При этом доля употреблений *видимо* в составе сказуемого или как наречия продолжает снижаться; в подавляющем большинстве контекстов эта словоформа функционирует как дискурсивный маркер проблемной достоверности. Количественные данные об употреблении словоформы *видимо* с 1950 по 1985 гг. приведены в Таблице 15.

Таблица 15. Употребление словоформы *видимо* с 1950 по 1985 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	5	0,19 %

Наречие	19	0,70 %
Дискурсивное употребление	2681	99,11 %

Предикативное употребление встречается только в церковно-богословских (3 контекста) и учебно-научных текстах (2 контекста):

Это ***тело было видимо*** *лишь несколько секунд, а затем оно вновь скрылось за тучами, оставив вместо себя небольшое количество какого-то вещества, которое упало на землю вертикально, как бы подчиняясь законам тяготения. [В.П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970)]*

В Его теле соединилось с Божеством неразлучно и навсегда все, что ***видимо*** *и невидимо. [митрополит Антоний (Блум). Радость разлуки (1968)]*

Видимо в составе сказуемого, как и раньше, описывает ситуацию непосредственного восприятия ситуации при помощи зрения, поэтому в таких контекстах могут встречаться указания и на другие каналы восприятия информации.

Мы ослеплены тем, что видим, мы не видим невидимого, потому что наше внимание, наш взор приложен только к тому, что ***видимо и осязаемо****. [митрополит Антоний (Блум). Преподобная Мария Египетская (1977)]*

Еще раз подчеркнем, что в период с 1950 по 1985 гг. предикативное употребление словоформы *видимо* становится исключительно редким – на него приходится только 0,18% от общего количества контекстов в конкордансе этого хронологического среза.

Наречные употребления представляют собой контексты, в которых говорящие оценивают физическое состояние объекта, исходя из той информации, которая получена через зрительный канал:

Около Сиднея ***дикие племена видимо убывают****, и такая убыль доведёт их до конечного истребления… [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)]*

Спиридон здесь видимо посправнел *и отмяк от СевУралЛага — от трёх зим лесоповала, да трёх вёсен лесосплава, где много тысяч брёвен он*

перенянчил. [А. Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

Но со временем ***он видимо оправился****, ибо на XX съезде партии Хрущев рассказал, как Лаврентий Берия арестовал, пытал и убил Кедрова, как «низкого изменника Родины». [Р.Б. Гуль. Дзержинский (Начало террора) (1974)]*

Второй тип наречного употребления *видимо* – это описание эмоционального состояния человека. Такие контексты встречаются реже по сравнению с предыдущими периодами:

Старушка посмотрела на него, задвигала своими бескровными губами и, ***видимо*** *недовольная, что ее перебили на самых, -может быть, светлых ее воспоминаниях, проворчала: [С.М. Голицын. Тайна старого Радуля (1972)]*

Он подошел к стоп-крану и внимательно его осмотрел, даже пощупал рукой пломбу. Затем, ***видимо*** *успокоенный, пошел к себе.[Владимир Высоцкий. Где Центр? (1975)]*

Дискурсивное употребление словоформы *видимо* окончательно становится основным. Часто в контекстах присутствуют дополнительные указатели на проблемную достоверность (неопределенные местоимения и наречия):

Он для нее дома оставил здешний телефон. ***Видимо, что-то случилось****. [Михаил Анчаров. Теория невероятности (1965)]*

Видимо*,* ***где-то поблизости*** *автострада ныряла под землю и скрывалась в многоэтажных тоннелях. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Полдень. XXII век (1961-1967)]*

Но ***кто-то наверху, видимо****, обиделся или рассердился. [И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 7 (1960-1965)]*

Как и в предыдущем хронологическом срезе, *видимо* может занимать любую позицию внутри высказывания, указывая на проблемную достоверность либо всей ситуации, либо ее отдельного компонента. Для

видимо-вводного слова в начале высказывания сферой действия становится вся пропозиция:

***Видимо**, от Гошкиного ответа зависело, сбудется ли то, что она загадала. [Михаил Анчаров. Этот синий апрель (1967)]*

***Видимо**, после войны на складах скопилось немало армейского «утильсырья», и люди пытались найти ему хотя бы какое-нибудь рациональное применение. [Фридрих Малкин. «На трех ногах...» // «Техника - молодежи», 1977]*

Интересно, что среди 2681 в данном хронологическом срезе встретился единственный контекст, в котором *видимо* занимает финальную позицию:

*Лето, впрочем, высижу в Тарусе, вплоть до октября, **видимо**. [Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978-1982)]*

В большинстве случаев *видимо* маркирует проблемную достоверность знания об отдельных компонентах ситуации или их свойствах. Так, в примерах ниже сферой действия *видимо* являются умозаключение относительно собаки, предположение о том, что схема была введена в научный оборот впервые, а также происхождение минералов:

*И собака, **видимо**, решив, что её перестали замечать, совсем влезла в кухню. [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)]*

*М. Колмаков ввел, **видимо**, впервые самобалансную схему вибропривода, широко применяемую в современных механизмах. [обобщенный. Поймай свою синюю птицу // «Техника – молодежи», 1974]*

*На кусочках, **видимо**, жильного происхождения, налипли друзы и почки нового золота – россыпь стала в несколько раз богаче. [Т. Моисеева. Забайкальское золото ищут снова // «Химия и жизнь», 1966]*

Еще один тип контекстов, который регулярно встречается в данном хронологическом срезе – это контексты, в которых повествователи классифицируют объекты и при этом выражают предположительный характер отнесения объекта к тому или иному классу:

Какой-то парень, ***видимо сын писателя****, возился с велосипедом, поставив его колесами вверх. [Ю.В. Трифонов. Время и место (1980)]*

Нашлись молодые люди, ***видимо художники****, которые пожалели падчерицу и даже обиделись за нее. [В.А. Солоухин. Письма из Русского музея (1966)]*

Потом откуда-то возник парикмахер вдвое толще ее, довольно молодой, ***видимо, ее брат****. [Ю.М. Нагибин. Дневник (1983)]*

Таким образом, данный хронологический срез демонстрирует устойчивость тенденции к прагматикализации словоформы *видимо*: дискурсивное употребление становится преобладающим во всех типах текстов.

ВИДИМО 1986-2017

В этом хронологическом срезе у словоформы *видимо* зафиксирована самая высокая относительная частота – 135 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Возможно, что рост частотности обусловлен составом корпуса этого периода: к традиционным письменным текстам добавляются фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации, содержащиеся в НКРЯ. Конкорданс данного хронологического среза содержит 354 примера употребления *видимо* в интернет-общении.

Основной функцией окончательно становится функция дискурсивного маркера проблемной достоверности, а наречных употреблений не встретилось ни одного. Количественные данные об употреблении словоформы *видимо* с 1950 по 1985 гг. приведены в Таблице 16.

Таблица 16. Употребление словоформы *видимо* с 1950 по 1985 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видимо* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Страдательное причастие в составе сказуемого	2	0,1 %

Наречие	0	0 %
Дискурсивное употребление	1985	99,9 %

Два контекста, в которых *видимо* используется в составе сказуемого, принадлежат одному автору – Э. Лимонову, и встречаются в одном и том же произведении:

На мгновение порой было ***видимо*** *его лицо, залепленное мокрым тёмным чубом. [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]*

На Востоке, где отсутствовали грандиозные архитектурные памятники, мосты, дамбы и башни, не было ***видимо*** *глазу того, что на Западе понимается под словом "цивилизация", немецкие юноши чувствовали себя воинами Александра, вторгшимися к диким племенам. [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]*

Поскольку практически во всех контекстах *видимо* функционирует как дискурсивный маркер проблемной достоверности, можно говорить о завершении процесс прагматикализации этой словоформы. При этом, как и в предыдущих периодах, *видимо* может занимать практически любую позицию в высказывании, маркируя проблемную достоверность либо всей пропозиции, либо отдельного компонента описываемой ситуации. Приведем несколько примеров:

Новая «Москва», ***видимо****, будет магазином такого же формата, только все-таки в первую очередь книжным, да еще и с гиперкомпетентными продавцами. [К. Мильчин. Бутик и супермаркет // «Русский репортер», 2012]*

Видимо*, плата за обучение в областных центрах не столь велика (по сравнению с Москвой, например), и даже не очень обеспеченные семьи могут себе это позволить. [Ю.Ф. Флоринская, Т.Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005]*

Это способствовало религиозной окраске символизма конца XIX века и, ***видимо****, облегчило его адаптацию к православной мысли XX века. [А.Л. Доброхотов. А. Ф. Лосев – философ культуры (2009)]*

Дежавю, но, ***видимо****, людям нравится наступать на одни и те же грабли… [коллективный. Форум: Древний Рим и общество потребления (2010)]*

В утешение могу лишь сказать, что это не проблема твоего института – это проблема почти любого института, включая топовые (за исключением НМУ или МатФака ВШЭ, ***видимо****). [коллективный. Перестановки (2014)]*

Данные контексты иллюстрируют стилистическую «универсальность» *видимо* как дискурсивного маркера проблемной достоверности: в современной коммуникации он используется во всех типах текстов для обозначения сомнения говорящего относительно достоверности сообщаемой информации.

График на рис. 5 иллюстрирует изменения в функциональной нагрузке на различные типы контекстов, в которых употребляется словоформа *видимо*. С течением времени *видимо* практически перестает употребляться как предикатив и как наречие, в результате единственным типом контекста становится его дискурсивное употребление как маркера проблемной достоверности. Можно говорит о том, что к середине XX века процесс прагматикализации этой словоформы завершился.

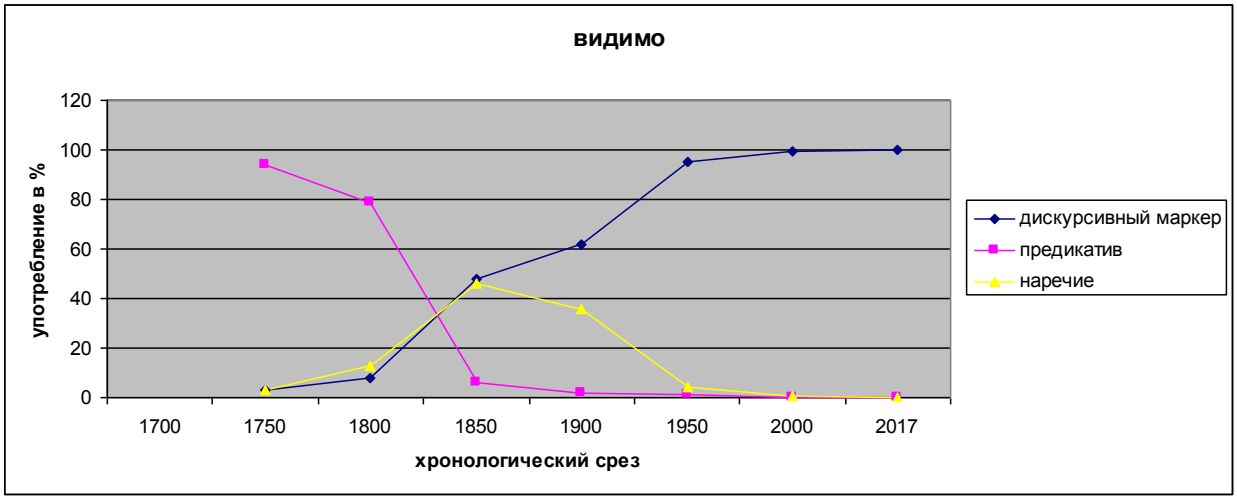


Рис. 5. Употребление словоформы *видимо* в разных типах контекстов с 1700 по 2017 гг.

Возвращаясь к проблеме словарного описания слова *видимо*, отметим, что выделение трех значений отражает историческую динамику семантики данного слова, в то время как описание единственного значения отражает картину, которая сложилась в современном русском языке к концу XX века.

Еще один вывод, который можно сделать на основе корпусного анализа, заключается в том, что словоформа *видимо* в результате прагматикализации практически полностью утрачивает эвиденциальный компонент значения; он заменяется эпистемической оценкой, причем на шкале достоверности данный маркер занимает место, достаточно удаленное от полюса полной достоверности.

2.5. Дискурсивный маркер *по-видимому*

В.В. Виноградов предлагает следующую трактовку этимологии модального слова *по-видимому*: «**ПО-ВИДИМОМУ.** Модальное слово *по-видимому* возникло в конце XVIII – в начале XIX в. из выражения *судя по видимому* (и отдельно: *по видимому*)» [Виноградов 1999, с. 790]. Однако корпусный материал позволяет увидеть, что уже в первой половине XVIII века есть примеры дискурсивного употребления этой словоформы.

Толковые словари современного русского языка предлагают разные варианты толкования данного слова. Так, словарь С.И. Ожегова выделяет два значения слова *по-видимому*:

1. вводн. Вероятно, должно быть. *Весна, по-видимому, будет ранняя.*

2. частица. То же, что вероятно (см. вероятный в 3 знач.). *Ты простудился? По-видимому* [Ожегов 1999].

Современный толковый словарь русского языка под ред. Т.Ф. Ефремовой описывает *по-видимому* как два омонима:

I *нареч. устар.*

По внешности, наружно, с виду.

II *част.*

1. Употребляется при выражении подтверждения чего-либо с определенной долей сомнения.

2. Употребляется как вводное слово, соответствуя по значению словам: *как видно, должно быть, вероятно, возможно* [Современный толковый словарь 2000].

Дефиниция словаря Т.Ф. Ефремовой отражает ситуацию, типичную для семантической структуры дискурсивных маркеров проблемной достоверности с корнем -*вид*-: с одной стороны, исходное значение связано с процессом зрительного восприятия, однако такое значение воспринимается как устаревшее; с другой стороны, современные употребления связаны с выражением эпистемического сомнения.

Наиболее активно *по-видимому* используется во 2-ой половине XIX в. и первой половине XX в. Далее частота употребления этой словоформы снижается. Информация о частоте употребления *по-видимому* с 1700 по 2016 гг. представлена ниже, на рис. 6.

Рис. 6. Распределение словоформы «по-видимому» по годам (1700-2016) по данным основного подкорпуса НКРЯ

Как и в ситуации с другими исследуемыми словоформами, всплески частоты употребления могут объясняться, во-первых, объемом текстов, доступных в НКРЯ для каждого хронологического среза, во-вторых, индивидуальными авторскими предпочтениями. Так, всплеск относительной частоты в 1730-1735 гг., наблюдаемый на графике, объясняется активным употреблением *по-видимому* в текстах В.Н. Татищева.

Данные об абсолютной частоте употребления словоформы *по-видимому*, а также относительная частота употребления в 7-ми хронологических срезах приведены в Таблице 17.

Таблица 17. Употребление словоформы «*по-видимому*» по данным основного подкорпуса НКРЯ

Период	Кол-во документов в подкорпусе	Кол-во документов, в которых употребляется словоформа	Кол-во контекстов (абсолютная частота)	Относительная частота употребления
1700-1749	338	11 (5 раздельно / 6 через дефис)	14 (5 раздельно /9 через дефис)	21,9
1750-1799	1445	42 (33 раздельно / 9 через дефис)	55 (46 раздельно / 9 через дефис)	14,0
1800-1849	2 109	218 (25 раздельно / 193 через дефис	561 (38 раздельно / 523 через дефис)	52,0
1850-1899	3 155	851 (22 раздельно / 829 через дефис	4017 (41 раздельно / 3976 через дефис	99,0
1900-1949	50 551	1889 (36 раздельно / 1853 через дефис	2966 (47 раздельно / 2919 через дефис	83,0
1950-1985	10 102	903 (5 раздельно / 898 через дефис	2260 (7 раздельно / 2153 через дефис	63,9
1986-2017	47 200	1838 (18 раздельно / 1820 через дефис	4015 (23 раздельно / 3988 через дефис	38,1
Поиск по всему основному подкорпусу	115 645	148 раздельно / 5 805 через дефис	13888 (207 раздельно / 13577 через дефис	62,9

Прежде чем мы перейдем к анализу употребления *по-видимому* в семи хронологических срезах, необходимо отметить, что при анализе необходимо было учесть два варианта написания: через дефис и раздельное.

Царское же Величество ***по видимому*** *пожелаетъ, чтобъ сіе премѣнено было, а партіямъ зѣло будетъ трудно и убыточно, ежели онѣ принуждены будутъ въдальномъ мѣстѣ вышшаго суда искать: того ради подданнѣйше предлагается, дабы посреди земли особливый Трибуналъ учрежденъ былъ, отъ котораго бы никакой дальнѣйшей апелляціи, ни разсмотра позволено не было. [М.Д. Чулков. Историческое описаніе россійской коммерціи (1786)]*

В рассуждении вопроса о нечувственности к достоинству благородного звания позвольте мне сказать вам, государь мой, что разум оного совсем другой, нежели в каком, ***по-видимому****, вы его принимаете. [Д.И. Фонвизин. К г. Сочинителю «Былей и небылиц» от сочинителя вопросов (1783)]*

Раздельное написание и написание через дефис встречается во всех хронологических срезах, однако, начиная с XIX века, написание через дефис начинает преобладать:

Опытом дознано, что силы одного человека не довольны доставить покойное состояние, следовательно, он должен быть неминуемою жертвою голода, опасностей и воздушных перемен и верною добычею лютейших зверей. ***По-видимому*** *самая природа возстает против него. Но как необходимо общество для человека, тем более мир необходим для самаго общества. [Алексей Васильев. Слово на заключение мира России с Оттоманской Портою (1774)]*

Можно предположить, что различные варианты написания имеют различные семантические и функциональные свойства: раздельное написание отражает исходную семантику зрительного восприятия и указывает на то, что ситуация воспринимается через канал зрения независимо от воли наблюдателя:

Всем домостроителям истина сия довольно известна; почему оставляя сие, упомяну только, что бывают случаи, что и самые зрелые, домашние, свежие и ***по видимому*** *ни в чем недостатка не имеющие, иногда никак не всходят, и хозяин не может тому довольно надивиться и сам не знает, от чего бы это так делалось. [А.Т. Болотов. О семенах (1780)]*

В приведенном примере качество семян определяется прежде всего зрительно, на что и указывает *по видимому*: именно внешний вид семян позволяет считать их хорошими или плохими. Ср. мнение К.Л. Киселевой и Д. Пайара о внутренней форме дискурсивного маркера *по-видимому*: «Структурный элемент *по* в *по-видимому* можно сопоставить с предлогом *по* в выражениях *по моему мнению / убеждению, судя по всему, вижу по его глазам, что он врет.* Из этого сопоставления можно сделать вывод о том, что *видимое* в *по-видимому* выступает в качестве источника высказывания говорящего: говорящий опирается на видимое, чтобы говорить о некотором положении вещей, подобно тому как в случае выражений с предлогом *по* (*по моему мнению/убеждению, по всему, по его глазам*) он опирается, соответственно, на *мое мнение/убеждение, все, его глаза*» [Дискурсивные слова 2003, с. 53-54].

Однако не все контексты можно однозначно интерпретировать как умозаключение, сделанное на основе зрительного восприятия объекта. Ср. контексты:

...хотя прежде нынѣшняго времени и было во многихъ, незнаю по чему, предпочтеніе Іамбіческому роду Стіха предъ Хореіческимъ: однако и то единственно и всеконечно на основаніи Тоническагожъ моего Количества, а нынѣ и Хореіческій уже родъ, какъ свойственнѣйшій намъ, воспріемлется нашими Стіхотворцами, и тѣмъ бывшій нашъ споръ разрѣшается, ***по видимому****, въ мою пользу. [В.К. Тредиаковский. О Древнемъ, Среднемъ, и Новомъ стіхотвореніи Россійскомъ // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Іюнь, 1755 года, 1755]*

*Гобилъ напротивъ того споритъ, что оное слово не Могольское**, и думаетъ, что Чингисъ есть пустой голосъ нѣкоторой неизвѣстной птицы главной, какою древность Феникса почитала.* ***Однакожъя съ позволенія Абулгасіева и Гобилева о семъ инакъ рассуждаю****. А думаю, что Чингисъ есть самое слово Татарское и Турецкое Денгисъ, которое значитъ морѣ или Окіанъ.* ***По видимому*** *симъ словомъ хотѣли они изобразить неизмѣримую и неограниченную власть сего Государя; какъ и Окіанъ неизмѣрянъ и неограниченъ. [О народѣ и имени Татарскомъ, также о древнихъ Могольцахъ и ихъ языкѣ // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Іюнь, 1755 года, 1755]*

В данных примерах, несмотря на раздельное написание, *по видимому* указывает на то, что умозаключение, выраженное в пропозиции высказывания (*спор разрешается в мою пользу; этим словом хотели изобразить неограниченную власть*), не основано на зрительном восприятии ситуации, поэтому является предположением и может не соответствовать реальному положению вещей. Такие контексты можно считать первыми шагами на пути от полнозначного к дискурсивному употреблению *по-видимому*.

Написание через дефис, встречающееся во всех хронологических срезах, как правило, выделяется также и пунктуационно, что является дополнительным сигналом употребления данной словоформы в функции дискурсивного маркера проблемной достоверности и позволяет предположить, что процесс прагматикализации данного дискурсивного маркера начался раньше, чем у других словоформ с корнем *-вид-*. Далее будет представлен хронологический анализ употреблений словоформы *по-видимому/по видимому* по семи хронологическим срезам.

ПО-ВИДИМОМУ 1700-1749

Данные таблицы показывают низкую частоту употребления обоих вариантов написания, причем для написания через дефис более характерно

его использование в качестве дискурсивного маркера, который указывает на неполную уверенность говорящего в сообщаемой информации.

В Таблице 18 представлены данные о распределении контекстов по двум типам употреблений: дискурсивному и недискурсивному. В первом случае *по-видимому* и *по видимому*, как правило, выделяются запятыми и являются независимыми синтаксическими элементами высказывания. В недискурсивном употреблении *по-видимому* и *по видимому* указывают на зрительное восприятие ситуации и синтаксически зависят от предиката.

Таблица 18. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1700 по 1749 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Недискурсивное употребление	1	11%	3	60%
Дискурсивное употребление	8	89%	2	40%

В данном хронологическом срезе написание через дефис встречается чаще, чем раздельное написание. Интересно, что в ряде контекстов значение предположительности дополнительно усиливается другими модальными средствами:

Правда, ***статься может****, что многие свойства потребуют разного кораблей строения и,* ***по-видимому****,* ***будто бы*** *между собою противиться станут; но, рассмотрев все причины, которые к каждому свойству принадлежат, нетрудно будет на всякий случай согласить между собой различные заключения и, все свойства соединив вместе, столько удовольствовать, сколько состояние самого дела допускает. [М.В. Ломоносов. Письмо Л. Эйлера президенту Академии Наук К.Г. Разумовскому (1749)]*

*Вы, **по-видимому**, истину сказали, и нам так весьма со стороны кажется, что кто в богатстве и славе живет, тот в совершенном благополучии живет, токмо в том весьма ошибаемся. [В.Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах (1733)]*

*Видим же и предивное смотрение вышняго, который во отчаянных, **по видимому**, злоключениях уготовлял вышшую всякого чаяния славу избранному своему. [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире (1722)]*

Полученное количество контекстов (всего 14) не позволяет говорить о прагматикализации данной словоформы. Необходимо посмотреть на ее употребление в других хронологических срезах.

ПО-ВИДИМОМУ 1750-1799

Данный хронологический срез, как и предыдущий, предоставляет нам мало данных о функционировании словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому*. Количественные данные о распределении контекстов между дискурсивным и недискурсивным употреблением приведены в Таблице 19.

Таблица 19. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1750 по 1799 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Недискурсивное употребление	1	11%	20	43,4%
Дискурсивное употребление	8	89%	26	56,6%

Контексты, относящиеся к данному периоду, показывают, что в XVIII веке процесс прагматикализации *по-видимому* продолжается. Количество

случаев раздельного написания пока преобладает над написанием через дефис (см. данные в таблице 18). Контексты с дефисным написанием представляют умозаключения, в которых говорящие уверены не полностью:

В рассуждении вопроса о нечувственности к достоинству благородного звания позвольте мне сказать вам, государь мой, что разум оного совсем другой, нежели в каком, ***по-видимому****, вы его принимаете. [Д.И. Фонвизин. К г. Сочинителю «Былей и небылиц» от сочинителя вопросов (1783)]*

В данном хронологическом срезе зафиксирован единственный контекст, в котором дефисное написание используется для описания зрительно воспринимаемой ситуации:

Если в сих повседневных записках кому что маловажным покажется, тому я отвечаю, что иногда ***по-видимому*** *и неважные бы вещи лучше, нежели прямые дела, изображают нрав и склонности человеческие, особливо в нежной младости. [С.А. Порошин. Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича (1764-1765)]*

Среди контекстов с раздельным написанием также встречаются такие, которые отражают результат осмысления увиденного, либо такие, в которых *по видимому* может быть интерпретировано как маркер эпистемической оценки (ср. примеры ниже):

Они ***по видимому*** *не составляли укрѣпленія какого либо жилища, по тому, что представляютъ видъ продолговатой горы, и то въ одну только восточную сторону; а въ прочихъ частяхъ не видно ни малѣйшихъ знаковъ бывшаго тамъ укрѣпленія. [Н.П. Рычков. Днѣвныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году (1772)]*

Поелику рыба сія не имѣетъ зубовъ, то ***по видимому*** *питается она только сосаніемъ и морскими насѣкомыми, что подтверждаютъ находимыя въ желудкѣ ея такія животныя. [Зрѣлище природы и художествъ (1784)]*

Есть также случаи, которые не могут быть интерпретированы однозначно, т.е. интересующая нас словоформа может быть понята и как маркер неполной уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, либо как наречие, указывающее на зрительное восприятия ситуации:

Но проповѣдникъ прошелъ, ***по видимому*** *ни мало не испугавшись. [Ст. Сила воображенія // Московской Журналъ, 1791]*

Таким образом, данный период иллюстрирует начальный этап прагматикализации *по-видимому*: еще преобладает раздельное написание, что отражает семантику зрительного восприятия; и раздельное, и дефисное написание могут использоваться и для эпистемической оценки пропозиции высказывания, и для указания на то, что ситуация воспринималась говорящим зрительно. Кроме того, ряд контекстов можно считать переходными вариантами, поскольку употребление в них *по-видимому/ по видимому* может быть интерпретировано двояко.

ПО-ВИДИМОМУ 1800-1849

Первая половина XIX века – это время резкого роста относительной частоты употребления словоформы *по-видимому*; меняется также соотношение количества контекстов с раздельным написанием и написанием через дефис – последние начинают преобладать. Данные о соотношении дискурсивных и недискурсивных употреблений словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* приведены в Таблице 20.

Таблица 20. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1800 по 1849 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контекс-тов	% от общего кол-ва контекстов	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Недискурсивное употребление	0	0%	7	18,4%

Дискурсивное употребление	489	100%	31	81,6%

В данном хронологическом срезе словоформа *по-видимому* полностью прагматикализуется, как наречие, зависимое от предиката, она больше не употребляется. Интересно, что во многих контекстах, в которых наречие *по видимому* пишется раздельно, оно выделено запятыми как вводная конструкция. Происходит дальнейшая утрата семантики зрительного восприятия наречной формы:

Кроме греческих, библиотека иверского монастыря заключает еще 66-ть иверских и армянских рукописей, содержание которых никому неизвестно. ***По видимому****, они служили для церковного употребления. [В.И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции (1848)]*

Имя полка, в котором я служил, ***по видимому****, придало мне важность в глазах еврея, и он, быть может, в той надежде, что преданность его к России сделается известной государю, излил передо мною чувства своей приверженности и рассказал о положении края. [Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846-1849)]*

Бей узнал ***по видимому*** *о заговоре, ибо он остался тот день в Бардо. [Политика // «Вестник Европы», 1811]*

Что касается написания через дефис, то все контексты в конкордансе данного периода являются примерами употребления *по-видимому* в качестве дискурсивного маркера проблемной достоверности. Предпочтительной синтаксической позицией является позиция внутри предложения, что указывает на то, что сфера действия *по-видимому* – это не вся пропозиция, а отдельный компонент описываемой ситуации:

Кровавая драма нашествия приближалась, ***по-видимому****, к развязке, и я был в числе действующих лиц, хоть, правда, в числе статистов, но все-таки на сцене. [Р.М. Зотов. Рассказы о походах 1812 года (1836)]*

Ее кокетство, ***по-видимому****, не произвело никакого действия над коварным. [О.И. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах (1833)]*

Обстоятельство это, ***по-видимому*** *пустое, было для меня довольно важно: если показание крестного отца моего справедливо, то я не кантонист, не солдат, а свободный человек. [В.И. Даль. Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей (1843)]*

Употребление *по-видимому* характерно для контекстов, в которых, как и в случае с другими маркерами, говорящие описывают ситуации-состояния:

Эти люди, ***по-видимому****, терпят крайнюю нужду и угнетение: о том свидетельствуют их лица, движения, одежда, или, вернее, рубища, которыми они прикрыты, их жилища. [А.В. Никитенко. Дневник (1839)]*

Это не человек, а воплощенная доброта; ходит себе в своем тулупе с Бибишкой за пазухою, насупившись и отвесив губы, думая и мечтая и, ***по-видимому****, не занимаясь ничем, что вокруг его происходит. [С.П. Жихарев. Записки современника (1806-1809)]*

Универсальность *по-видимому* как дискурсивного маркера проявляется еще и в том, что он используется в различных типах текстов: личных письмах, мемуарах, публицистике, учебно-научных, художественных и учебно-научных текстах.

ПО-ВИДИМОМУ 1850-1899

Вторая половина XIX века – время, когда средняя частота употребления *по-видимому* достигает своего пикового значения. Раздельное написание по-прежнему сохраняется, однако его доля по сравнению с написанием через дефис значительно снижается. Данные о соотношении дискурсивных и недискурсивных употреблений словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1850 по 1899 гг. приведены в Таблице 21.

Таблица 21. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1850 по 1899 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контексто в	% от общего кол-ва контекстов	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Недискурсивное употребление	0	0%	2	5%
Дискурсивное употребление	3055	100%	38	95%

Несмотря на то, что количество контекстов с раздельным написанием уменьшается, в конкордансе есть примеры наречного употребления, связанного с ситуацией зрительного восприятия:

И вот в Москве, около Москвы, во всей Великой России спокойно, несмотря на то что царь редко живет в Москве; царя нет ***по видимому****, но чуется всюду присутствие нравственной силы, нравственного величия. [С.М. Соловьев. Петровские чтения (1871)]*

Конечно, хвастаться тут нечем, но можно ли эту категорию людей назвать пьяницами, не смешивая двух, только ***по видимому*** *однородных явлений? [А.А. Фет. Из деревни. 4 (1871) // Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство, 2001]*

Однако в большей части контекстов с раздельным написанием *по видимому* выделяется запятыми и функционирует как маркер проблемной достоверности:

По видимому*, ничего не можетъ быть лучше и полезнѣе подобнаго рода открытій, помощію которыхъ такъ удобно отъискивать бездѣльниковъ, преграждая имъ путь къ нанесенію обществу дальнѣйшаго вреда. [М. Хотинскій. Волшебство и натуральная магия // «Современникъ», 1850]*

В конкордансе примеров этого хронологического среза, где *по-видимому* пишется через дефис, наблюдается его устойчивое функционирование как маркера проблемной достоверности:

Сам драматург, ***по-видимому****, верно оценивал состояние своего таланта. [И.И. Иванов. Островский (1898)]*

Только в 10% случаев *по-видимому* занимает первую позицию вводного слова, относящегося ко всему высказыванию. В остальных случаях предпочтительной оказывается позиция внутри, максимально близкая к началу высказывания. Такая позиция определяет сферу действия дискурсивного маркера проблемной достоверности – предикат:

А Зуев между тем, ***по-видимому****, был так ошеломлен нападением из засады со стороны Ермила Ивановича, что, казалось, совсем опешил. [П.В. Засодимский. Черные вороны (Из деревенских летописей) (1886)]*

Муравьев, ***по-видимому****, был чрезвычайно доволен моими сообщениями, записал некоторые из них, еще раз благодарил меня за откровенность и тут же отдал приказ об откомандировании меня от казачьего полка и зачислении в штаб капитана 2-го ранга Казакевича, назначенного начальником флотилии готовившейся открытой экспедиции по Амуру, о которой я тогда только впервые узнал. [Г.Д. Скобельцын. Записки // «Исторический вестник», 1894]*

Основной сферой употребления *по-видимому* в данном хронологическом срезе являются публицистические тексты – на них приходится более половины всех контекстов в конкордансе.

ПО-ВИДИМОМУ 1900-1949

В данном хронологическом периоде относительная частота *по-видимому* несколько снижается, составляя 83 вхождения на 1 млн. словоупотреблений. Соотношение контекстов представлено в Таблице 22.

Таблица 22. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1900 по 1949 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва

		контекстов		контекстов
Недискурсивное употребление	0	0%	2	4,2%
Дискурсивное употребление	2148	100%	45	95,8%

В конкордансе контексты с раздельным написанием *по видимому* не связаны с непосредственным зрительным восприятием ситуации и даже в тех случаях, когда пунктуационно не выделяются запятыми, употребляются как маркер сомнения говорящего в абсолютной точности умозаключения. Эти контексты относятся либо к сфере учебно-научного, либо публицистического дискурса:

*Вчера опубликовано сообщение, что 5-го рано утром немцы перешли в свое (**по видимому**, третье – великое) наступление в районе Орел-Брянск-Белгород. [Александр Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941-1948)]*

*Во вторую половину третичного периода на месте южной части озера уже была впадина, заполненная водой, в которой отложились верхнетретичные угленосные отложения; это, **по видимому**, был зародыш современного Байкала. [В.А. Обручев. Мои путешествия по Сибири (1948)]*

*Он **по видимому** не знает, что де-Сосюр отрицал возможность эволюции системы как таковой. [Н.С. Трубецкой. Письма Р.О. Якобсону (1920-1938)]*

Основными сферами употребления *по-видимому* в этом хронологическом срезе становятся публицистика, учебно-научные тексты и художественная литература. *По-видимому* последовательно выделяется запятыми как вводное слово; сохраняется тенденция употребления этого маркера внутри высказывания, однако теперь маркер не только оказывается максимально близко к началу высказывания, между субъектом и предикатом, но и в середине или ближе к концу высказывания. В таких случаях сферой

действия *по-видимому* становится уже не предикат, но только отдельный компонент описываемой ситуации:

Это поднятие продолжалось в позднейшее время и в Северной Европе, и, ***по-видимому****, в Северной Азии. [П.А. Кропоткин. Ледниковый и озерный периоды, их признаки (1919)]*

Абсолютный слух является, ***по-видимому****, в значительной мере прирожденной способностью. [С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Часть 3 (1940)]*

На проселочных дорогах, ведущих к окопам, мы обнаружили несколько обозов, ***по-видимому*** *с продовольствием и фуражом. [А.В. Шиуков. Война в воздухе (1940-1941)]*

Таким образом, в данный период *по-видимому* стабильно функционирует в единственной функции – как дискурсивный маркер неполной уверенности говорящего в достоверности высказываемых умозаключений.

ПО-ВИДИМОМУ 1950-1985

Вторая половина XX века характеризуется, во-первых, очень малым количеством случаев раздельного написания. Во-вторых, все контексты, вошедшие в конкорданс – это примеры дискурсивного употребления *по-видимому/ по видимому*. Количественные данные об употреблении двух вариантов написания в различных типах контекстов приведены в Таблице 23.

Таблица 23. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1950 по 1985 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контексто в	% от общего кол-ва контекстов	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Недискурсивное употребление	0	0%	0	0%

Дискурсивное употребление	2918	100%	8	100%

Данный хронологический срез демонстрирует постепенный спад относительной частоты употребления *по-видимому* – 63,9 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Количество случаев раздельного написания уменьшается, семантика зрительного восприятия ситуации в них полностью утрачена:

Выяснилось также, что местному населению, ***по видимому****, надоело ждать решительных действий отряда самообороны. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный (1972)]*

Основные свойства *по-видимому*, отмеченные в предыдущем хронологическом срезе (относительно свободная позиция в высказываниях, употребление в различных типах текстов, последовательное пунктуационное выделение) реализуются и в текстах, относящихся к периоду 1950-1985 гг.:

Остальную жизнь, включая себя, он знал, кажется, не хуже, чем лес, и презирал, ***по-видимому****, настолько глубоко, что оставался спокоен и снисходителен. [Андрей Битов. Лес (1960-1980)]*

По-видимому*, поезда с зеркалами дальше опытных установок не пойдут. [М. Колтун. Гелиостанции: топливо-солнечные лучи // «Химия и жизнь», 1969]*

Доклад, ***по-видимому****, тот же, что был на Пленуме ЦК, в тексте так и осталось: «На этом Пленуме». [А.Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов (1969) // «Знамя», 2004]*

Таким образом, можно говорить о стабильном функционировании слова *по-видимому* в функции дискурсивного маркера проблемной достоверности.

ПО-ВИДИМОМУ 1986-2017

В современном употреблении все контексты, в которых употребляются *по-видимому / по видимому*, являются примерами дискурсивного употребления, как это показано в Таблице 24.

Таблица 24. Употребление словоформы *по-видимому* и конструкции *по видимому* с 1986 по 2017 гг. по данным НКРЯ

Тип употребления	*По-видимому*		*По видимому*	
	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Недискурсивное употребление	0	0%	0	0%
Дискурсивное употребление	1628	100%	28	100%

Современное употребление *по-видимому* отличается более низкой относительной частотой – 38,1 вхождение на 1 млн. словоупотреблений, что почти в два раза ниже по сравнению со средней частотой употребления (62,9 вхождений) и в три раза ниже по сравнению с пиковой частотой (99 вхождений). Очевидно, это может быть связано с тем, что остальные словоформы с корнем -*вид*-, также активно используясь в функции дискурсивных маркеров проблемной достоверности, вытесняют *по-видимому* из употребления.

Тем не менее, для последнего хронологического среза можно отметить следующее: даже в редких контекстах с раздельным написанием *по видимому* употребляется как маркер неполной уверенности говорящего в достоверности умозаключений:

Жизнь патриарха, ***по видимому****, вне опасности, но состояние очень тяжелое, и он до сих пор без сознания. [Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993)]*

По-видимому начинает активно использоваться в компьютерно-опосредованной коммуникации:

Прошу прощения, но судя по словарю приводимого на данном сайте в зависимости от места применения ***по видимому*** *и зависит род? [Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005)]*

*Девушка позвонила кому-то (****по-видимому****, менеджеру) и сказала, что «клиент хочет закрыть договор обслуживания банковской карты». [коллективный. Форум: Банк Русский Стандарт. Обсуждение банка (2009-2011)]*

В других типах текстов *по-видимому* сохраняет свои свойства дискурсивного маркера: оно выделяется запятыми (т.е. функционирует как синтаксически независимый элемент) и может занимать такую позицию в высказывании, которая будет определять его сферу действия:

По-видимому*, она вообще впервые слышала о том, что у адвокатов есть какой-то там статус, которого еще и лишить можно. [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]*

Такое действие препарата, ***по-видимому****, обусловлено сочетанием иммуномодулирующего и противовирусного эффектов, что хорошо согласуется с результатами клинических исследований препарата «Гепон» при кожном и генитальном герпесе [Противовирусная активность пептидного иммуномодулятора «Гепон»… // «Вопросы вирусологии», 2003.09.01]*

Рис. 7 представляет график, отражающий изменения в употреблении словоформы *по-видимому*. На графике видно, что процесс ее прагматикализации завершился уже в середине XIX века: *по-видимому* утратило свою исходную семантику зрительного восприятия и употребляется исключительно как дискурсивный маркер эпистемической оценки.

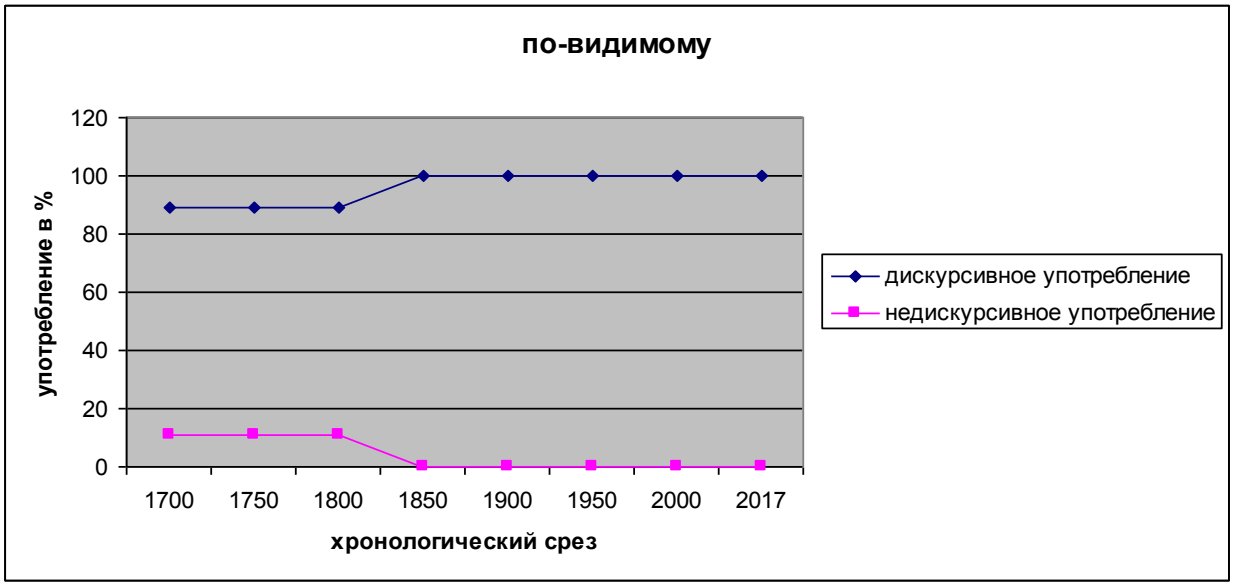


Рис.7. Употребление словоформы *по-видимому* в разных типах контекстов с 1700 по 2017 гг.

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что для словоформы *по-видимому* единственной функцией является функция дискурсивного маркера проблемной достоверности. Словарные же толкования могут либо отражать исторический аспект, указывая на возможность наречного употребления, либо ориентируются на современное функционирование данного слова.

2.6. Дискурсивный маркер *видать*

Дискурсивный маркер *видать* – еще один представитель группы маркеров проблемной достоверности, исторически восходящих к глаголам и наречиям с семантикой зрительного восприятия. Следуя изложенной выше схеме рассуждений, продемонстрируем, как инфинитив *видать* приобрел дискурсивную функцию выражения эпистемической оценки.

Словари предоставляют достаточно скудную информацию о значении глагола *видать*. Так, в словаре под ред. Д.Н. Ушакова выделено два омонима:

ВИДА́ТЬ[1], видаю, видаешь, несовер. (разг.).

1. *кого-что*. Видеть много раз, неоднократно. То же, что видеть в 1 знач. Я не видал его со вчерашнего дня.

2. прош. вр. видал? употр. как возглас, обращающий внимание слушателя на что-нибудь необычайное, странное, удивительное (прост. фам.).

❖ Глаза б мои не видали (разг.) - противно, неприятно, тяжело мне смотреть на кого-что-нибудь.

2.

ВИДА́ТЬ[2] (прост.). То же, что видно. Отсюда хорошо видать пароход. Поезда еще не видать. *«Видать, что измаялся ты.» Д. Бедный*. А она, видать, разбогатела.

Относительная частота употребления словоформы *видать* отличается неустойчивостью: можно говорить о всплесках и спадах ее встречаемости в текстах НКРЯ с 1700 г. до наших дней, что нашло отражение на графике распределения словоформы *видать* по годам (рис. 8).

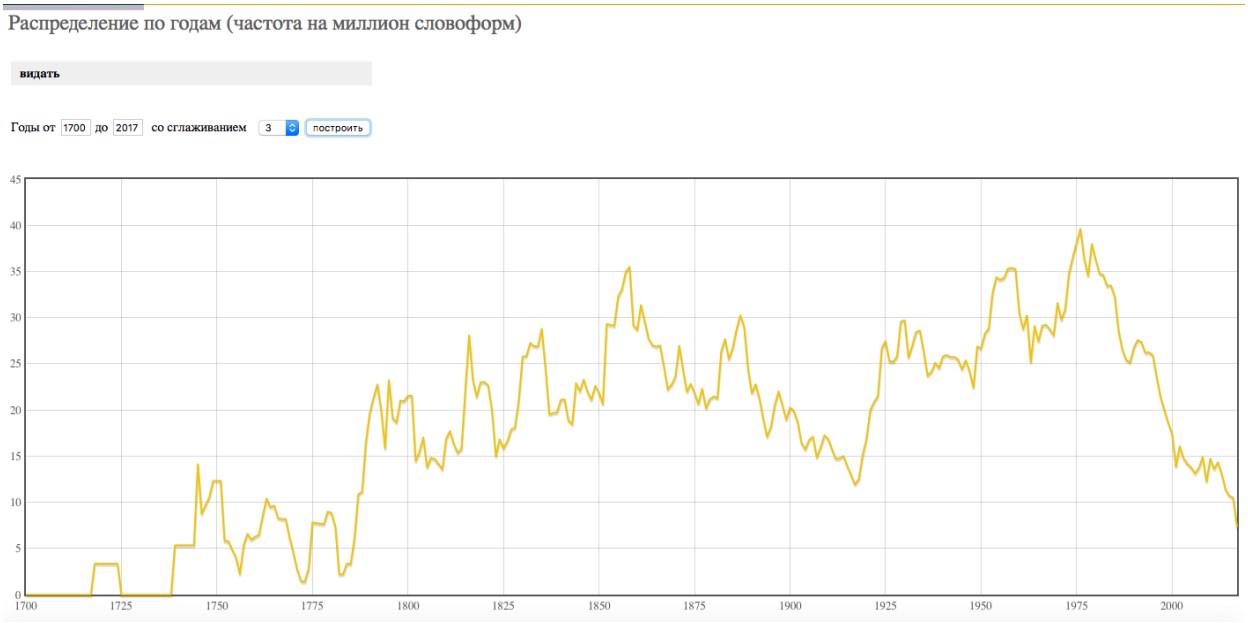


Рис. 8. Распределение словоформы *видать* по годам (1700-2017 гг.) по данным НКРЯ

Распределение контекстов по срезам представлено в Таблице 25.

Таблица 25. Употребление словоформы *видать* по данным основного подкорпуса НКРЯ

Период	Кол-во документов для данного хронологического среза	Кол-во документов, в которых употребляется словоформа	Кол-во контекстов (абсолютная частота)	Относительная частота употребления (на 1 млн. словоформ)
1700-1749	338	3	4	6,3
1750-1799	1445	26	38	9,7
1800-1849	2 109	129	256	23,7
1850-1899	3 155	456	1034	25,5
1900-1949	50 551	623	1473	21,6
1950-1985	10 102	408	1315	31,3
1986-2016	47 200	795	1657	15,7
Поиск по всему основному подкорпусу	115 645	2534	6167	19,1

Далее рассмотрим употребление словоформы *видать* по отдельным хронологическим срезам.

ВИДАТЬ 1700-1799

В данном разделе мы рассмотрим сразу два хронологических периода, поскольку употребление словоформы *видать* в XVIII веке отличается низкой частотой: в первой половине века относительная частота употребления составляет всего 6,3 вхождения на 1 млн. словоформ, во второй половине – 9,7 вхождений на 1 млн. словоформ.

Для обоих срезов XVIII века характерно употребление данной словоформы только как инфинитива для описания ситуации зрительного восприятия:

И потому не дивно, что мне мало таких иллуминаций ***видать*** *случилось, где бы, кроме разноцветных огней, что-нибудь удивления достойное было. [М.В. Ломоносов. Письмо Г.Н. Теплову (1748.04.22)]*

Оно никогда погрѣшностей не смотритъ, и всегда того убѣгаетъ, чтобъ ихъ не ***видать****. [С.С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)]*

Для второй половины XVIII века наиболее частым левым контекстом является отрицательная частица *не* (24 контекста из 36):

Достигнув желанного места, пастушка оглядывалась, не ***видать*** *ли ее любезного, нейдет ли он? [П.Ю. Львов. Роза и Любим (1790)]*

Лоб же свой завязал тряпицею, чтоб не ***видать*** *было печати, и пошел домой, а пришедши, отдал своим невесткам грибы, которые он набрал, а те, посмотря, начали его бранить, что он таких набрал грибов, но дурак, ничего им не говоря, влез на печь. [Сказка шестая о Иванушке-дурачке (1787)]*

Быть три месяца в Париже и не ***видать*** *еще самой любопытнейшей вещи! [Н М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]*

Дискурсивных употреблений *видать* ни в первой, ни во второй половине XVIII века не зафиксировано.

ВИДАТЬ 1800-1849

В первой половине XIX века частота употребления словоформы *видать* увеличивается до 23,7 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Данные о распределении функциональной нагрузки на словоформу *видать* в первой половине XIX века приведены в Таблице 26.

Таблица 26. Употребление словоформы *видать* с 1800 по 1849 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видать* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Инфинитив, часть сказуемого	248	99,2%
Дискурсивное употребление	2	0,8%

Основной синтаксической ролью для данной словоформы по-прежнему является роль сказуемого:

Он спросил переводчика, не ***видать*** *ли где лекаря Антона, успевшего так досадить ему своим непослушанием. [И.И. Лажечников. Басурман (1838)]*

Немного приметно народа на улицах, а военных вовсе не ***видать*** *– они все уехали в Texas, где свирепствует междоусобная война, поддерживаемая соседними гражданами С[еверо]-А[мериканских] Штат[ов], и Gomes Farias – бывший вице-президент – тут возжег и поддерживает войну. [Ф.П. Врангель. Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику (1835-1836)]*

В первой половине XIX века отмечаются употребления *видать* во фразеологизмах. Так, фразеологизированные употребления в конструкциях *не видать как ушей своих / затылка своего* указывают на невозможность обладания объектом:

Не ***видать*** *нам червонцев, как ушей своих! [Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]*

– Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не ***видать*** *тебе её как своего затылка! [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]*

Конструкция *конца не видать* может употребляться как в прямом значении для описания ситуации невозможности зрительного восприятия объекта целиком в связи с его большими размерами / протяженностью, так и как фразеологизм:

Удивиться можно, как огромны обозы в Кавказском корпусе; идет, скрипит, тянется – и конца не ***видать****! [А.А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана (1831)]*

И конца не ***видать*** *моим глубоким мыслям! [О.И. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах (1833)]*

В полученном для данного периода конкордансе зафиксировано два контекста, в которых *видать* обозначает не результат зрительного восприятия, а наличие или отсутствие знания о некотором положении вещей:

Нет, позвольте, я только намекну… извольте ***видать****, и мы посвящены в некоторые таинства… [И. И. Лажечников. Басурман (1838)]*

Видать *ли, чтоб гр. Полье вышла наконец за своего принца? [А.С. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной (1835.09.29)]*

В первой половине XIX века появляются и такие употребления, которые можно считать дискурсивными: словоформа *видать* занимает начальную позицию и обособляется запятой (т.е. функционирует как вводное слово):

Видать*, твоим печенегам не удавалось и во сне, что наяву мы видали! [Н. А. Полевой. Пир Святослава Игоревича, князя киевского (1843)]*

– ***Видать****, господин богатырь, Симовна с печи не встает; коли изволишь, ступай сам к ней, в истьбу. [А.Ф. Вельтман. Кощей бессмертный. Былина старого времени (1833)]*

Таким образом, можно говорить о самом начале процесса прагматикализации, которое фиксируется в результате хронологического анализа корпусных данных.

ВИДАТЬ 1850-1899

Данные о распределении функциональной нагрузки на словоформу *видать* во второй половине XIX века приведены в Таблице 27.

Таблица 27. Употребление словоформы *видать* с 1850 по 1899 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видать* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Инфинитив, часть сказуемого	942	99,5%
Дискурсивное употребление	5	0,5%

Во второй половине XIX века *видать* по-прежнему тяготеет к вопросительным и особенно к отрицательным конструкциям, указывая на результат (или отсутствие результата) зрительного восприятия:

– Кажется, Петр Петрович изволили говорить: до церкви четыре версты – а мы проехали верст шесть, а церкви не ***видать****, – отозвался сидевший рядом с кучером Семка. [А.А. Фет. Дядюшка и двоюродный братец (1855)]*

– А где же барышня-то? Что ее не ***видать****? – спросил старик у кухарки. [В.В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 1-2) (1869)]*

Реки ***больше не видать*** *впереди – сплошь заставлена она несчетными рядами разновидных судов… [П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]*

В небольшом количестве контекстов *видать* обозначает не результат зрительного восприятия, а умозаключение, являющееся результатом осмысления ситуации:

– Вот чисто все, и ***видать****, что напрасно мы ссоримся. [Н.С. Лесков. Заячий ремиз (1894)]*

Видать*, что поссорились: вчера шум-от был… [А.А. Потехин. Выгодное предприятие (1877)]*

Видать часто встречается в различных конструкциях: *не видать ни зги, доводилось / случалось видать, не видать ни Y, видом не видать:*

Кому ***случалось видать*** *действия сильных ливней и града, тот, конечно, видал, как иногда они обивают листву на наших деревьях. [К.А. Тимирязев и др. Жизнь растения (1878)]*

Снасти трещат во всю ивановскую; волны играют судном, как мячиком; сверху льет ливмя, вокруг туман и ***не видать ни зги****. [Н.И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879-1881)]*

Не видать ни тучки *в небе знойном… [Н.А. Добролюбов. Из «Свистка» (1861)]*

Ездят, ездят, ищут, ищут и по горам и по лесам, а ***Казанцева и видом не видать****, и слыхом не слыхать, точно в тартарары запрячется. [А.А. Черкасов. Разбойник (1883-1887)]*

Что касается дискурсивных употреблений, их по-прежнему немного:

Которые заводы, те прямо приканчивать работу стали, – ***видать****, закроются; а у нас прижимка пошла, чуть-что – расчет, из-за пустова – отказывают!.. [Рабочая газета // «Рабочая газета», 1880]*

Ты хоть и простая крестьянка, а все-таки, ***видать****, женщина не совсем глупая. [Е.А. Салиас. Фрейлина императрицы (1887)]*

– Утром тут был, – вздохнув, сказал старик, – ***видать****, логово отпотело, свежо. [Л.Н. Толстой. Казаки (1863)]*

Отметим, что все контексты, в которых *видать* используется как маркер неполной уверенности в умозаключениях, – это прямая речь персонажей художественных произведений. Можно предположить, что в разговорной речи данная словоформа использовалась как дискурсивный маркер, однако для письменной речи того времени она была нехарактерна.

Таким образом, можно говорить об очень слабой активности процесса прагматикализации словоформы *видать* в XIX веке.

ВИДАТЬ 1900-1949

В первой половине XX века относительная частота употребления словоформы *видать* составляет 21.6 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. В конкордансе преобладают примеры из художественной литературы и публицистики:

– Тронемся пахать, и ты будешь ***видать****: ежели быкам будет тяжко, то подкрутишь оборота на полтора вот эту штуку. [М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)]*

Еще один тип контекстов, в котором *видать* употребляется как показатель эвиденциальности – это умозаключения, основанные на зрительном восприятии ситуации или объекта:

Да и видно по всему, что он переодетый барчонок: ишь руки у него какие нежные, без единой мозоли, барчонок и есть, ***видать*** *сразу. [Л.А. Чарская. Игорь и Милица (Соколята) (1915)]*

Девушка стоит крепкая (теперь ***видать****, что девушка – цвет еще набирает), платок съехал, а коса что канат просмоленный. [В. Ветров. Кедровый дух (1920-1929)]*

Обыватель труслив, лукав и увертлив. – ***Видать*** *по всему: приспешники Каледина… [Ф.Д. Крюков. В углу // «Свобода России», 1918]*

Для первой половины XX века характерен рост дискурсивного употребления *видать*: в этих контекстах говорящий выражает предположение о некотором положении вещей:

– Да… вот этот… кумачная рубаха-то… картуз набекрень… ***видать****, выпить не любит… [Ф.Д. Крюков. Без огня // «Русское Богатство», 1912]*

– Тарас Семеныч, ***видать****, притомился с дороги, – сказал Матвей и предложил гостям: – Полезайте в шалаш, на всех места хватит. [Г.М. Марков. Строговы. Кн. 1 (1936-1948)]*

В таком употреблении *видать* выделяется пунктуационно как вводное слово и часто занимает позицию между субъектом и предикатом высказывания. Сферой действия *видать* является предикат, поскольку предположение высказывается именно относительно действия или состояния.

Данные о соотношении различных типов контекстов, в которых употребляется словоформа *видать*, обобщены в Таблице 28.

Таблица 28. Употребление словоформы *видать* с 1900 по 1949 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видать* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Инфинитив	975	76%
Дискурсивное употребление	306	24%

ВИДАТЬ 1950-1985

В данном хронологическом срезе зафиксирована самая высокая относительная частота употребления словоформы *видать* – 31,3 вхождение на 1 млн. словоупотреблений. Отметим, что функциональная нагрузка на полнозначное употребление впервые начинает уступает дискурсивным употреблениям. Распределение употреблений словоформы *видать* по двум типам контекстов представлено в Таблице 29.

Таблица 29. Употребление словоформы *видать* с 1950 по 1985 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видать* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Инфинитив	465	42,6%
Дискурсивное употребление	625	57,4%

Основная сфера функционирования словоформы *видать* в обоих типах контекстов – это прямая речь персонажей художественных произведений.

Необходимо отметить, что инфинитив *видать* используется в составе конструкций. Около 75% процентов контекстов, в которых *видать* является частью сказуемого, в качестве левого контекста имеет частицу *не*:

Когда она осознала, что недотепе-мужу не ***видать*** *отдельной квартиры, то нашла спасительный выход. [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Старики-разбойники (1966-1969)]*

На улице ничего не ***видать****. Только кое-где пробиваются огоньки. [В. Ревунов. Головня // «Крестьянка», 1955]*

Другие типы конструкций, в которых *видать*-инфинитив функционирует в составе сказуемого – *век воли/свободы не видать, по всему видать, сразу видать*:

Подлец буду – не я! ***Свободы не видать****! Это Топорков… [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977)]*

Отметим: что вводные конструкции *по всему видать* и *сразу видать* представляют собой употребление, которое, с одной стороны, еще связано со зрительным восприятием ситуации. С другой стороны, их можно считать переходами к дискурсивному использованию, поскольку они функционируют либо как вводные конструкции, либо маркируют умозаключение, в котором говорящий уверен:

Видать по всему*, городок ученых на берегу Тихого океана будет красив, удобен и уникален по архитектурному воплощению. [Юрий Юша. Академгородок на взморье // «Техника – молодежи», 1974]*

– ***Сразу видать****, что наши кровя… Танка, она, конечно, не трактор, а трактор, конечно, не танка… [Виль Липатов. Еще до войны (1971)]*

Дискурсивные употребления – это контексты, в которых *видать* функционирует как вводное слово. В таких контекстах высказываются предположения, которые могут быть связаны не только с оценкой эмоционального состояния героя, но и с осуществлением действий:

Ларик, а октябрьское письмо тебе, ***видать****, еще не переслали? [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]*

Видать*, колонисты гвоздиком покрутили да и заклинили замок! [Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)]*

Видать*, не зарубцевалась рана, не забылась обида за столько-то лет… [И.Е. Пузанов. «Туман с моря подымается...» // «Огонек». № 9, 1970]*

Наиболее характерной синтаксической позицией в высказывании для дискурсивного маркера *видать* является начальная позиция вводного слова. Таким образом, можно говорить о том, что вторая половина XX века – это время активной прагматикализации словоформы *видать*.

ВИДАТЬ 1986-2017

Данные о современном употреблении словоформы *видать* в двух типах контекстов представлены в Таблице 30.

Таблица 30. Употребление словоформы *видать* с 1986 по 2017 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видать* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Инфинитив	707	45,6%
Дискурсивное употребление	842	54,4%

Как и в предыдущие хронологические периоды, *видать* употребляется в своем исходном значении для описания ситуаций зрительного восприятия:

*Ещё ниже, в конце улицы – **видать** стало сверху, – собрались женщины и дети, все не могли оторвать заворожённых взглядов от склона горы, где совершалось чудо. [Василь Быков. Камень (2002)]*

*Теперь же через голые ветви всё насквозь было **видать**: от далёкого Заольховского кута, который упирался в лесистое займище, до самого озера, с белым песком на берегу, с жёлтымикамышами. [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996]*

Еще один вариант использования инфинитива – в конструкциях *не видать кому-либо чего/кого-либо, свободы/воли не видать*:

*И помощники мои совсем сникли – не **видать** им своих невест. [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]*

*И ещё привиделось: весной того тяжкого на радости и страдания года они с Таисией спустились в подвал за семенной картошкой и там, в темноте, обнялись и вдруг расплакались, они предчувствовали уже, что там, наверху и на свету, не **видать** им счастья. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]*

Про Броштейна сосед Женька сказал, что он талантливее Ботвинника (ботва, ботвинья, вино) и матч выиграет – иначе ему, Женьке, век не ***видать свободы****. [Юрий Архипов. Назову себя шахматистом… (2004) // «64 – Шахматное обозрение», 2004.05.15]*

Через месяц верну штуку. Век ***свободы не видать****. Месячишко перекантуюсь. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]*

А завтра непременно позвоню. Век ***воли не видать****… – Лексика, подходящая к случаю, – ехидно констатировала сестра. [Вера Белоусова. По субботам не стреляю (2000)]*

Можно также выделить конструкцию *по всему видать*, которая функционирует как вводная и является показателем эвиденциальности: она указывает на то, что умозаключение о состоянии / статусе другого человека сделано на основе имеющегося знания о ситуации и/или внешнего вида персонажа:

Не поехала с вами, а вы такой, ***по всему видать****, сильно пьющий. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]*

А они мне не кенты, не подельники, ***по всему видать****, шестерки хозяйские. [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]*

А тут – фу-ты ну-ты – толпа на выходе жужжит и куражится: дамочки в декольте бижутеревых, мужики-пиджачники – ***по всему видать****, композиторы – смолят трубки, подбоченясь, гривы правят пятерней. [Александр Иличевский. Бутылка (2005) // «Зарубежные записки», 2008]*

Конструкцию *по всему видать* можно считать переходным этапом от полнозначного использования *видать* к дискурсивному.

Дискурсивное употребление *видать* связано, как и в предыдущих хронологических срезах, с выражением эпистемической оценки: говорящий маркирует предположительный характер суждения. Как дискурсивный маркер *видать* функционирует как синтаксически независимое вводное слово, которое способно занимать любую позицию в высказывании

(начальную, конечную либо внутри высказывания). Если *видать* используется внутри высказывания, то, как правило, оно употребляется перед предикатом:

Мотивов у этих врунов и здесь никто знать не может. И это, ***видать****, в какой-то степени правильно [коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005-2010)].*

Прочитала все ответы и сама себе удивилась, ведь и правда, что может быть проще, купить соответствующую книгу и дать прочитать. Мозги за лето конкретно отдохнули ***видать****:))) [Наши дети: Подростки (2004)]*

Вот и ростовский мужик лечился согласно этим заветам вдумчиво и напряжённо. Да, ***видать****, перенапрягся, переборщил… Что в общем-то очень неудивительно. [Не стронций, так водка (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.08]*

Видать, *не зря экономист объяснял жильцам, кто такие тунеядцы и почему их следует гнать из Города к чёртовой матери. [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)]*

Данные о функциональной нагрузке на различные типы контекстов, в которых употребляется словоформа *видать*, представлены на рис. 9. На графике видно, что в XIX веке *видать* употребляется преимущественно как инфинитив, а вот в XX веке начинаются первые изменения в функциональной нагрузке: постепенно растет количество дискурсивных употреблений *видать* в художественных текстах. Начиная с конца XX века количество употреблений *видать* как маркера эпистемической оценки превышает количество употреблений *видать* как инфинитива с семантикой зрительного восприятия.

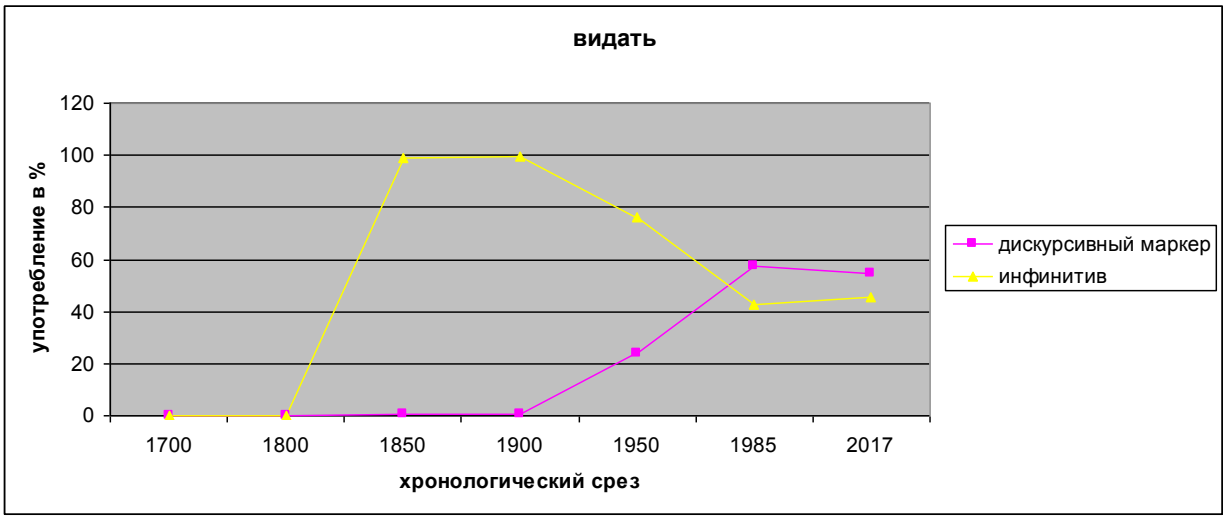


Рис.9. Употребление словоформы *видать* в разных типах контекстов с 1700 по 2017 гг.

Таким образом, можно говорить о том, что в современном русском языке *видать* используется в двух основных значениях: глагола с семантикой зрительного восприятия и дискурсивного маркера проблемной достоверности. Семантический переход от полнозначного к дискурсивному использованию осуществился в два этапа: первым было появление конструкции *по всему видать* как маркера эвиденциальности, вторым – развитие значения эпистемической оценки.

2.7. Дискурсивный маркер *видно*

Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова выделяет следующие значения слова *видно*:

1. безл., в знач. сказуемого, с вин. (при отриц. с род.). Можно видеть, рассмотреть. *Отсюда всю деревню видно. Из-за горы дома не видно*.

|| *с союзом «что»*. Можно видеть, понять. *По всему видно, что он очень нуждается.*

2. в знач. вводного слова (после слова «как» или без него). По-видимому, вероятно, должно быть (разг.). *Он, (как) видно, любит поспать*.

Такое словарное толкование охватывает основные типы контекстов, в которых употребляется словоформа *видно*, причем это значение также может выражаться и конструкцией *как видно*.

Средняя частота употребления словоформы *видно* с 1700 до наших дней составляет 58,3 вхождения на 1 млн. словоформ. Динамика частотности данной словоформы представлена на рис. 10.

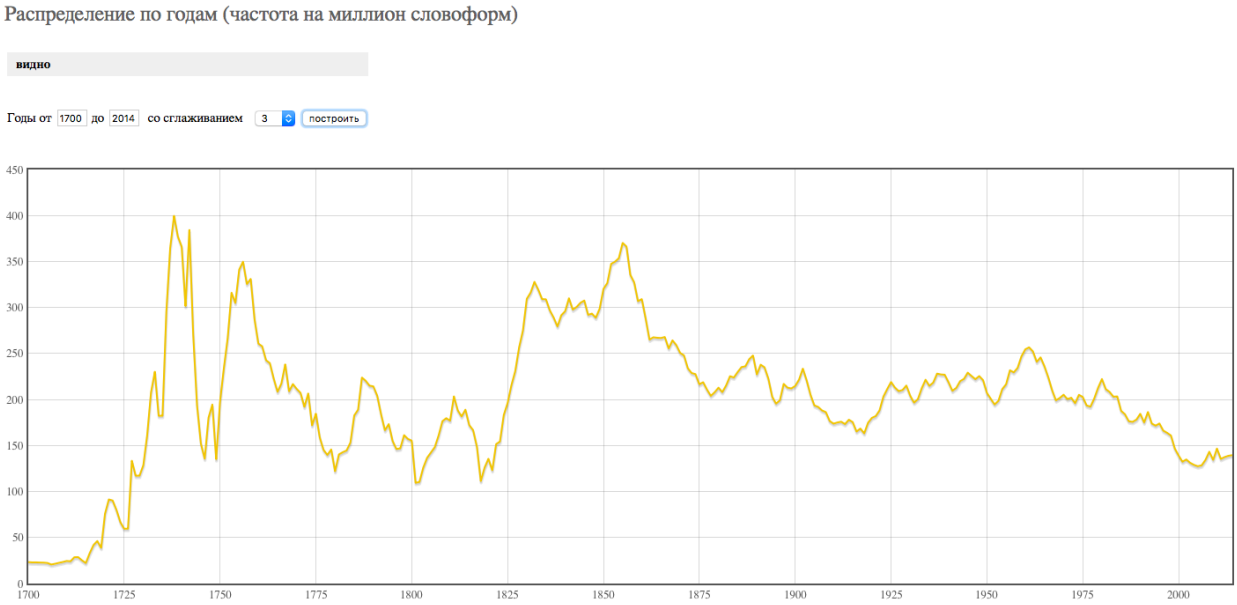


Рис. 10. Распределение словоформы *видно* по годам (1700-2016) по данным основного подкорпуса НКРЯ

График, представленный на рисунке, показывает, что частота употребления слова *видно* на протяжении трех столетий не является стабильной. Так, в середине XVII века происходит резкое увеличение частоты употребления слова *видно*, затем снижение частотности в конце XVII – начале XVIII вв., затем новый этап роста частоты в середине XIX века и, наконец, относительную стабилизацию частотности использования этой словоформы в XX веке. Перепады в частоте употребления *видно* можно объяснить авторскими предпочтениями, а также конкуренцией с однокоренными словоформами *очевидно* и *по-видимому*.

Данные об абсолютной и относительной частоте употребления словоформы *видно* по данным НКРЯ приведены в Таблице 31.

Таблица 31. Употребление словоформы *видно* по данным основного подкорпуса НКРЯ

Период	Кол-во документов в подкорпусе	Кол-во документов, в которых употребляется словоформа	Кол-во контекстов (абсолютная частота)	Относительная частота употребления
1700-1749	338	1	110	172,3
1750-1799	1445	29	653	166,6
1800-1849	2109	102	1819	168,6
1850-1899	3155	1028	4174	102,9
1900-1949	50 551	2455	3570	52,4
1950-1985	10 102	1147	3395	80,7
1986-2016	47 200	4700	2090	19,9
Всего	115 645	9629	15811	58,3

Далее проанализируем употребление слова *видно* в семи хронологических срезах по данным НКРЯ.

ВИДНО 1700-1749

Для данного хронологического среза в НКРЯ содержится 110 контекстов, в которых употребляется словоформа *видно.* Данные об основных типах контекстов и частоте встречаемости в них словоформы *видно* приведены в Таблице 32.

Таблица 32. Употребление словоформы *видно* с 1700 по 1749 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	92	83,7%
Наречие	1	0,9%
Конструкция *как видно*	16	14,5%
Дискурсивный маркер	1	0,9%

Основным употреблением словоформы *видно* в первой половине XVIII века является употребление предикативное. Внутри этого типа можно

выделить два варианта: в первом случае *видно* является предикатом, при котором есть дополнение в винительном падеже либо в случае, когда используется отрицание *не видно* – дополнение в родительном падеже:

Не так морский: не летают пред ним голосныя вести, не слышатся шумы, не ***видно*** *дыма и праха; в который час увидиши его, в тот же и надейся пришествия его. [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими иулиа 27 дня полученной (1720)]*

Во втором случае *видно* используется как предикат главного предложения, подчиняющий придаточное:

Из сего ***видно****, что жидкая материя, которая пропорционально легче, давит и движет другую жидкую материю, которая оной пропорционально тяжеле. [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)]*

Анализируя данные первой половины XVIII века, необходимо принять во внимание, что в данном хронологическом срезе словоформа *видно* употребляется преимущественно в текстах двух авторов: М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева. Чаще всего оба автора используют ее в функции предиката с семантикой зрительного восприятия либо с семантикой понимания:

Что сие действие от воздуха зависит, то из сего ***видно****, что пузырь тем скоряе и сильняе надуется, чем больше в нем воздуху оставлено будет. [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)]*

Видно *нам, что многия драгуны, мастера и работники, изувеченныя в работах и престарелыя, которыя никоим способом, кроме милостивы, пропитаться не могут, а другия ходить и милостины просить не могут, к тому ж мало кто таковаго в доме держать хочет, того ради устроить богадельну – две избы и междо ими сеньми. [В.Н. Татищев. Наказ комиссару Уктусского завода Т. Бурцову (1721)]*

По степи ***видно*** *много старых великих дорог, что колеи свидетельствуют, а на горах съезды глыбокие и широкие, и во многих местах оные дороги шириною сажен на 20 и более, а где строенья были, тут никаких дорог уже не* ***видно****, разве новопроложенные. [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1741)]*

В конкордансе для данного хронологического среза зафиксировано единственное наречное употребление *видно*:

Особливо же междо шляхетством сие терние зело вкоренилося и ***видно*** *день от дне возрастаемо, яко: во наследствии по родителех движимых и недвижимых имений, в продаже, покупании, закладывании деревень, земель и мужиков… [В.Н. Татищев. Представление Петру I о межевании земель и составлении ландкарт (1719)]*

В таком употреблении *видно* синонимично наречию *заметно* и описывает ситуацию, когда умозаключение делается на основе имеющихся объективных данных.

В отдельную группу нами были выделены контексты, в которых *видно* употребляется в конструкции *как видно:*

Куроедов, как ***видно****, человек молодой и в науке геодезии еще не довольно совершен, а к заводскому строению и роспорятку над работами весьма не искусен, и надеяться на него нельзя. [В.Н. Татищев. Ведение в канцелярию главного правления сибирских и казанских заводов о построении и содержании заводов на Кушве и Туре (1735)]*

Оное правило начало свое имеет, как ***видно****, в Польше, откуду пришед в Москву, нарочито вкоренилось. [М.В. Ломоносов. Письмо о правилах российского стихотворства (1739)]*

Конструкция *как видно* выделяется знаками препинания как вводная и указывает на предположительный характер излагаемой информации. Можно предположить, что именно данная конструкция является шагом к дальнейшей прагматикализации словоформы *видно*.

В данном хронологическом срезе зафиксировано единственное дискурсивное употребление *видно*:

Сын его Андрей I Боголюбский по союзу с императором Фридериком Барбароссою, и с болгары волскими многих ремесленников призвал, междо которыми, ***видно****, были искусные архитекты, как строения оставшия во Владимире церкви и ворот градских и в Юрьеве церковь видения достойные свидетельствуют. [В.Н. Татищев. Представление о купечестве и ремеслах (1748)]*

Таким образом, первая половина XVIII века – это время, когда словоформа *видно* употребляется преимущественно для описания ситуаций зрительного восприятия или для умозаключений, сделанных на основе имеющихся данных. Регулярный переход *зрительное восприятие – умозаключение* позволяет словоформе *видно* закрепиться в конструкции *как видно*, которая в данном хронологическом срезе также обозначает умозаключение, в достоверности которого говорящий абсолютно уверен.

ВИДНО 1750-1799

Общее количество контекстов, в которых употребляется словоформа *видно* в конкордансе для данного хронологического среза – 653. В Таблице 33 содержатся данные о распределении употреблений по основным типам контекстов.

Таблица 33. Употребление словоформы *видно* с 1750 по 1799 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	536	82,1%
Конструкция *как видно*	61	9,3%
Дискурсивный маркер	56	8,6%

Данные Таблицы 33 свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века предикативное употребление словоформы *видно* по-прежнему остается основным. Как и в предыдущем хронологическом срезе, *видно* может либо иметь при себе дополнение, и тогда это преимущественно ситуации зрительного восприятия, либо присоединять придаточное, и в таких случаях говорящий может не только сообщать информацию, воспринимаемую зрительно, но и делать умозаключения, основанные на имеющейся информации:

После того бросился он от меня, и в пяти шагах не было уже его ***видно*** *за темнотою. [И.А. Крылов. Ночи (1792)]*

В левой стороне на высокой горе над Волгою ***видно*** *край селения, а позади него на отлогостях видны обширные нивы, на коих ветр производил зыбь, волнам подобную; во многих местах были немалые селения. [А.Н. Радищев. [Записки путешествия из Сибири] (1797)]*

Видно, что *я к честным и заслуженным людям в руки попался. [Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783-1786)]*

Изъ сего описанія ***видно, что*** *во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена, мудрость была утѣшительницею просвѣщенныхъ людей, дружество величайшимъ ихъ счастіемъ, и науки истиннымъ ихъ веселіемъ. [Китайской садъ // Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ.Часть первая. съ Генваря до Іюня., 1795]*

По аналогии с предыдущим хронологическим срезом в отдельную группу были выделены контексты с конструкцией *как видно*:

Когда Блудный сын по чужим гулял странам; когда имение отеческое расточал с любодейцами: тогда старший сын был на селе, то есть, ***как видно****, в трудах, говорит история Евангельская. [Архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю блуднаго сына (1764)]*

Называл тогда скучною работою читать студентам физические лекции, ***как видно****, по наущению, чтобы Университету сделать в*

исправлении препятствие. [М.В. Ломоносов. Представление президенту АН о неправильных действиях Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта (1761)]

Приведенные контексты показывают, что вводная конструкция *как видно* может использоваться для маркирования предположительного характера сообщаемой информации.

На фоне некоторого снижения (по сравнению с предыдущим периодом) частоты употребления в конструкции *как видно* наблюдается существенный рост дискурсивных употреблений. В таких контекстах говорящие часто высказывают предположения о некоторой ситуации в прошлом, которая влияет на текущее положение дел:

И тебя, мой батюшка, ***видно****, воспитывали, как красную девицу. [Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782)]*

Бог, ***видно****, наказывает меня за грехи мои, только не знаю, за какие. [Д.И. Фонвизин. Письма родным (1763-1774)]*

В одном старинном манускрипте, который, ***видно****, лет за триста до сего писан, между прочими важными повествованиями нашел я, что некоторый богатый дворянин, живучи в деревне, сыскал в землях своих железную руду; он захотел от сего иметь прибыль, стал варить и плавить ее и продавать на близлежащий завод: но можно ли железом умножить богатство? [неизвестный. Пословицы российские (1782)]*

Он ушел; ***видно****, на меня очень рассердился. [П.А. Плавильщиков. Бобыль (1790)]*

В конкордансе второй половины XVIII века не содержится наречных употреблений словоформы *видно* в значении *заметно для взгляда*, что можно объяснить употреблением в таком значении однокоренных наречий *видимо* и *очевидно.*

ВИДНО 1800-1849

Общее количество контекстов, в которых употребляется словоформа *видно* в конкордансе для данного хронологического среза – 1819. В Таблице

34 содержатся данные о распределении употреблений по основным типам контекстов.

Таблица 34. Употребление словоформы *видно* с 1800 по 1849 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	970	53,5%
Конструкция *как видно*	114	6,1%
Дискурсивный маркер	735	40,4%

Первая половина XIX века – время, когда средняя относительная частота употребления слова *видно* достигает пикового значения (168,6 вхождений на 1 млн. словоупотреблений). Как было упомянуто выше, такой всплеск может объясняться личными предпочтениями авторов: например, автором 12,24% всех контекстов в конкордансе данного хронологического периода принадлежат М.Н. Загоскину, 7,41% – Н.В. Гоголю, 5,64% – В.Т. Нарежному, 5,34% – И.И. Лажечникову, 5,07% – Н.А. Полевому. Таким образом, 35,7% контекстов, в которых используется *видно*, принадлежат всего пяти авторам, и это обстоятельство объясняет резкий рост относительной частоты встречаемости *видно*.

В первой половине XIX века сохраняется доминирование предикатного употребления слова *видно*:

– Особенно Иван Павлович, говорит: ***видно*** *не будет; а я все жду-пожду; нет, говорю, будет… [В.И. Даль. Павел Алексеевич Игривый (1847)]*

Не было ***видно*** *ни одного зеленого кусточка, все было пусто, все был настоящий гранит. [Ф.Ф. Матюшкин. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина (1817)]*

Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом

станет ***видно*** *всем, почему государь есть образ божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша. [Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)]*

Примеры иллюстрируют употребление *видно* как в ситуациях зрительного восприятия, так и в ситуациях понимания, причем большинство контекстов указывают на источник данных, на основе которых сделано умозаключение:

По всему ***видно*** *было, что он задумался крепко; задумался до такой степени, что даже лицо его приняло безжизненное выражение, — точно душа оставила его, точно улетела за тридевять земель. [Ю.В. Жадовская. Переписка (1848)]*

Необходимо отметить резкое снижение частоты конструкции *как видно* и рост дискурсивных употреблений – в этом хронологическом периоде его доля относительно двух других типов контекстов увеличивается наиболее заметно. Дискурсивный маркер *видно* уже в этот период употребляется для маркирования проблемной достоверности сообщения: он маркирует догадки, сделанные на основе знания ситуации. Приведем несколько примеров дискурсивного употребления *видно*:

*И теперь уже простодушные люди со вздохом твердят: «****видно****, наука и впрямь дело немецкое, а не наше». [А. В. Никитенко. Дневник (1848)]*

Видно*, господу угодно было, чтобы допустить меня еще раз с тобой проститься. [Н.А. Полевой. Рассказы русского солдата (1834)]*

Видно*, вам татарин заткнул клейтухом уши, что вы ничего не слышали.» [Н.В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841)]*

В высказывании *видно* стремится занять начальную позицию, как иллюстрируют контексты выше. Также встречаются контексты, в которых *видно* занимает позицию между подлежащим и сказуемым, однако и здесь оно находится максимально близко к началу высказывания:

Он, ***видно****, шутит 25-ю рублями; прошу покорно, да где их сыщешь? [А. С. Грибоедов. Студент (1817)]*

В конкордансе данного периода встретилось только четыре контекста, где *видно* занимает финальную позицию:

На другой день новогородскому губернатору Корсакову повелел, чтоб к 1 декабря все дворяне от 30 до 10 лет были к смотру под опасением лишения чести и живота (с похмелья, ***видно****). [А.С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835-1836)]*

Я всегда подозревал, что вся эта интрига неспроста и что во всей этой бабьей, старушьей сплетне непременно есть что-нибудь; то же самое я и Крестьяну Ивановичу говорил, что, дескать, поклялись зарезать, в нравственном смысле говоря, человека да и ухватились за Каролину Ивановну. Нет, тут мастера работают, ***видно****! Тут, сударь мой, работает мастерская рука, а не Вахрамеев. [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]*

Таким образом, в данный период прагматикализация словоформы *видно* идет особенно активно, поскольку количество ее употреблений в качестве дискурсивного маркера резко возрастает, а эпистемическое значение сдвигается от полной уверенности к выражению догадки.

ВИДНО 1850-1899

Общее количество контекстов, в которых употребляется словоформа *видно* в конкордансе для данного хронологического среза – 4174. В Таблице 35 содержатся данные о распределении употреблений по основным типам контекстов.

Таблица 35. Употребление словоформы *видно* с 1850 по 1899 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	2662	63,8%
Конструкция *как видно*	376	9%
Дискурсивный маркер	1136	27,2%

Во второй половине XIX века заметно снижается средняя относительная частота употребления *видно* – она составляет 102,9 вхождений на 1 млн. словоупотреблений (в первой половине столетия она составляла 168,6 вхождений). Необходимо отметить отсутствие в данном хронологическом срезе авторов, которые использовали бы словоформу *видно* значительно чаще других.

Вместе со снижением относительной частоты уменьшается и доля дискурсивных употреблений – как видно из таблицы, на их долю приходится чуть больше четверти контекстов из конкорданса.

Предикативное использование для описания ситуаций зрительного восприятия и понимания снова становится основным:

Другая часть сада: направо беседка, налево садовая скамья, вдали, сквозь деревья, ***видно*** *озеро. [А.Н. Островский. Лес (1871)]*

Крышу-то красную за версту ***видно****; обок лавка, а он стоит в дверях да брюхо об косяк чешет. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Путем-дорогою (1886)]*

Все эти сочувственные слова сестра принимала молчаливо, и хотя ***видно*** *было, что она не считает их лестью, однако я заметил, что она ждет моего мнения. [Г.И. Успенский. Тише воды, ниже травы / Из цикла «Разоренье» (1870)]*

В этот хронологический период впервые появляется идиоматическое употребление в конструкциях *по всему видно* и *оно и видно!* для указания на полную уверенность в достоверности сделанного умозаключения:

Хе-хе-хе… По всему ***видно****… Целые дни просиживаете вы у Кондрашкиных, обедаете там, ужинаете, романсы поете… [А.П. Чехов. Жених и папенька (1885-1886)]*

Оно и ***видно*** *по характеру всех известий о гомеопатии. [Борцов. «Врач» о гомеопатии // «Гомеопатический вестник», № 7–9, 1890]*

Дискурсивные употребления *видно* по-прежнему указывают на неполную уверенность говорящего в достоверности высказывания: как

вводное слово *видно* часто появляется рядом с неопределенными местоимениями:

Уж человек его давно к нему пошёл, да, ***видно, что-нибудь*** *задержало. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]*

Ночь, а не спят обитатели бедного замка! ***Видно****, кого-то поджидают. [И.И. Лажечников. Басурман (1838)]*

На долю вводной конструкции *как видно* в данном хронологическом срезе приходится всего 9% контекстов:

Он, ***как видно****, хлебнул через край и не успел еще порядком выспаться. [М.Н. Загоскин. Искуситель (1838)]*

Димитрий, глава новогородцев, имел, ***как видно****, право давать наместника печерянам, их подданным. [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 5 (1809-1820)]*

Эпистемическое значение данной конструкции остается неизменным – говорящий указывает на то, что утверждение является догадкой, а не достоверным знанием.

Таким образом, во второй половине XIX века наблюдается ослабление функциональной нагрузки за дискурсивное употребление словоформы *видно*. Возможное объяснение этого факта заключается в сохранении у нее семантики зрительного восприятия (в отличие, например, от наречия *по-видимому*), а также в том, что в этот период в функции дискурсивных маркеров эпистемической оценки достаточно активно используются другие словоформы с корнем *-вид-*.

ВИДНО 1900-1949

Общее количество контекстов, в которых употребляется словоформа *видно* в конкордансе для данного хронологического среза – 3570. Средняя относительная частота употребления *видно* в различных типах контекстов продолжает снижаться и составляет 52,4 вхождения на 1 млн.

словоупотреблений, что в три раза ниже пикового значения и в два раза ниже частотности, зафиксированной во второй половине XIX века.

В Таблице 36 содержатся данные о распределении употреблений словоформы *видно* по основным типам контекстов.

Таблица 36. Употребление словоформы *видно* с 1900 по 1949 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	2471	69,2%
Конструкция *как видно*	261	7,3%
Дискурсивный маркер	838	23,5%

Нагрузка на дискурсивное употребление продолжает снижаться, а среди авторов, чьи тексты, относящиеся к данному хронологическому срезу, включены в НКРЯ, нет таких, которые бы в своем творчестве употребляли это слово чаще других.

Предикативное употребление по-прежнему характерно для описания ситуаций зрительного восприятия и понимания. Характерной чертой данного периода является использование *видно* в научных, учебных и публицистических текстах в логических рассуждениях:

*Отсюда **видно**, что эта способность не зависит от величины животного. [К.Э. Циолковский. Научная этика (1930)]*

*Отсюда **видно**, какая сложная обстановка была на съезде. [История ВКП(б). Краткий курс (1938)]*

*Уже из этого подхода **видно**, как наивна постановка вопроса. [Н.И. Бухарин. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (1920-1929)]*

*Из этого изложения **видно**, что уже на первом образце своего изобретения Кулибин достиг больших результатов, тем более, что случай ампутирования ноги у офицера Непейцына был одним из самых сложных, а именно – выше колена. [Д. И. Карги. «Механические ноги» Кулибина (1948)]*

В разговорной речи персонажей художественных произведений активно используется конструкция *оно и видно!,* появившаяся впервые в текстах предыдущего хронологического среза:

– *Я сам учился в гимназии.*

– *Оно и* ***видно****, – заметил Шмуклер.*

– *Что* ***видно****? [К.Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)]*

Дискурсивное употребление *видно* связано, как и в предыдущие периоды, с выражением догадки или предположения о некоторой ситуации в будущем:

Навстречу проехал урядник, – ***видно****, с графского хутора мчался он наводить порядок. [К.С. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 2. Пространство Эвклида (1932)]*

Близких родных, ***видно****, у этого Василия не было. [П. П. Бажов. Васина гора (1946)]*

– Что же, – говорит старшему сыну, – я рожь густо сеял – ***видно****, убирать тебе много придётся. [Аркадий Гайдар. Сказка про военную тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твердое слово (1935)]*

Для данного периода характерно употребление дискурсивного маркера *видно* не только в начальной позиции, но и в середине высказывания или в финальной позиции, что позволяет говорящему более точно определять, какая именно часть высказывания не является абсолютно достоверной:

Попал человек в академию, так все смеются. Шутит, но ему, ***видно****, нелегко. [Л.К. Бронтман. Дневники и письма (1932-1942)]*

Ну, а своих рук у них, ***видно****, не хватает. [Б.Л. Горбатов. Непокоренные (1943)]*

Только Михей с этим не торопился: выбирал, ***видно****. [П. П. Бажов. Золотые дайки (1945)]*

Во всех приведенных контекстах сферой действия дискурсивного маркера *видно* является предикат: говорящий высказывает догадку о

некотором положении дел и маркирует предположительный характер информации при помощи *видно*.

Таким образом, в первой половине XX века прослеживается тенденция к ослаблению функциональной нагрузки на *видно* как дискурсивный маркер.

ВИДНО 1950-1985

Общее количество контекстов, в которых употребляется словоформа *видно* в конкордансе для данного хронологического среза – 3395. В этот период средняя относительная частота употребления *видно* по сравнению с предыдущим периодом несколько возрастает, однако по-прежнему вдвое ниже пиковой относительной частоты.

В Таблице 37 содержатся данные о распределении употреблений по основным типам контекстов.

Таблица 37. Употребление словоформы *видно* с 1950 по 1985 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	2145	63,2%
Конструкция *как видно*	196	5,8%
Дискурсивный маркер	1054	31%

Как видно из таблицы, для данного периода характерно сохранение функциональной нагрузки на выделяемые типы контекстов. На долю дискурсивных употреблений приходится около трети примеров конкорданса. Поскольку предикативное употребление *видно* остается стабильным, для данного периода мы приведем только контексты дискурсивного употребления, в которых говорящие с помощью словоформы *видно* маркируют неполную уверенность в достоверности сказанного:

Начали-то они, ***видно****, на восходе, когда брат был еще в поезде, а мы спали, и, видимо, хорошо потрудились. [Л.Ф. Зуров. Иван-да-марья (1956-1969]*

*Наверху хохочут все громче. Выпили, **видно**, здорово. [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977)]*

*Похоже, что для актера это форма самоиронии, – **видно**, на театре с его постижением характера, особенно на театре сатирическом, без этого нельзя. [С.А. Дангулов. Кенигсон (1981)]*

*Они пили «карбонель» – **видно**, денежки водились у тех троих. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]*

Несмотря на то, что во всех приведенных контекстах авторы эксплицитно показывают, на основе какого знания сделаны выводы, *видно* указывает на вероятностный (а значит, не абсолютно достоверный) характер умозаключений.

ВИДНО 1986-2017

Последний хронологический срез интересен резким снижением количества контекстов и, как следствие, падением относительной частоты употребления словоформы *видимо* – она составляет всего 19,9 вхождений на 1 млн. словоформ. Это минимальное значение, зафиксированное за три столетия. Общее же количество контекстов, в которых употребляется словоформа *видно* в конкордансе для данного хронологического среза – 2090. В Таблице 38 содержатся данные о распределении употреблений по основным типам контекстов.

Таблица 38. Употребление словоформы *видно* с 1986 по 2017 гг. по данным НКРЯ

Частеречная принадлежность словоформы *видно* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Предикатив	1639	78,4%
Конструкция *как видно*	345	5,1%
Дискурсивный маркер	106	16,5%

Резкое снижение частоты употребления словоформы *видимо* сопровождается также дальнейшим снижением функциональной нагрузки на ее дискурсивное употребление – доля таких контекстов в конкордансе снижается до 16,5%. Возможно, этот факт может быть объяснен более

активным использованием других однокоренных маркеров эвиденциальности. Приведем несколько примеров дискурсивного употребления слова *видно*:

*Этот кто-то, **видно**, еще не знает, что не следует туда наступать. [М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009]*

***Видно**, что-то случилось, подумал я и, сойдя с тропинки и спустившись немного вниз, прошёл с десяток-другой шагов в обратном направлении; среди зарослей орешника я встретил Юру. [Н. Кокухин. Невидимые старцы, или Афон сокровенный // «Наука и религия», 2010]*

*Сама вобла шла куда-то, **видно** воюющим солдатам, может, в детские сады, в детприемники, – кто его знает, а вот обрезки кидали в суп, туда же добавляли чуток пши, была такая дальневосточная дикая культура вроде проса. [Даниил Гранин. Зубр (1987)]*

Приведенные выше контексты являются предположениями, в которых *видно* указывает на их проблемную достоверность. *Видно* – не единственный маркер сомнения: помимо него, авторы используют неопределенные местоимения и модальные слова.

На рис.11 график демонстрирует функциональную нагрузку на четыре типа контекстов, в которых употребляется словоформа *видно*.

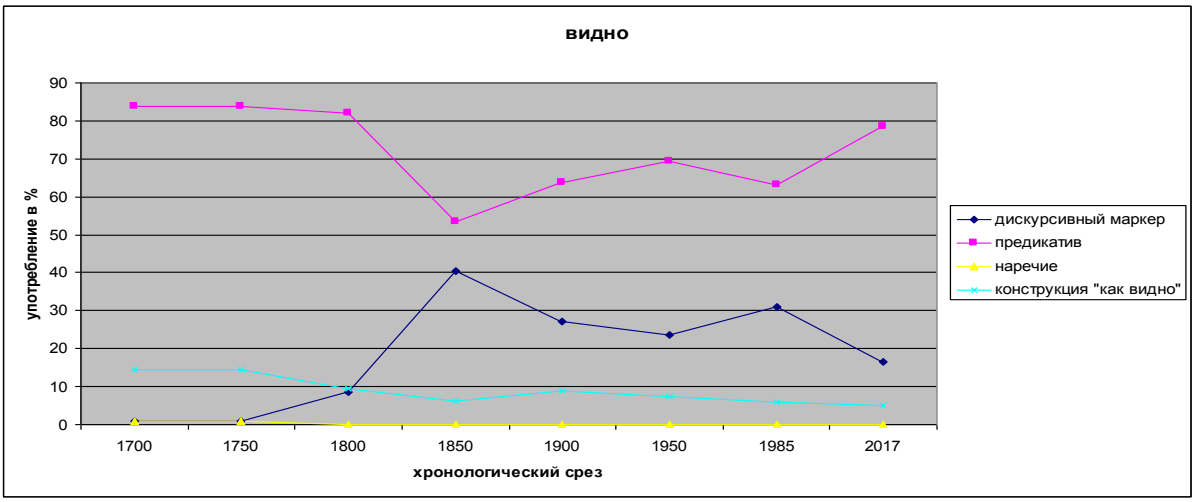


Рис. 11. Употребление словоформы *видно* в различных типах контекстов с 1700 по 2017 гг.

Стабильно низкой является частота наречного употребления *видно*. Так же стабильной является частота употребления вводной конструкции *как видно*.

Подводя итог, отметим нестабильное функционирование словоформы *видно* в качестве дискурсивного маркера проблемной достоверности: несмотря на повышение функциональной нагрузки на ее дискурсивное употребление в первой половине XIX века, в XX веке наблюдается тенденция к снижению частоты ее употребления в функции маркера проблемной достоверности, а в начале XXI века происходит резкое падение как относительной частоты употребления словоформы *видно*, так и ее употребления в функции дискурсивного маркера. Можно предположить, что это связано в первую очередь с тем, что, в отличие от других однокоренных дискурсивных маркеров, *видно* устойчиво сохраняет семантику зрительного восприятия, что способствует более частому предикативному употреблению этой словоформы. Кроме того, возможно, ее частое дискурсивное употребление оказывается избыточным: эту функцию принимают на себя однокоренные дискурсивные маркеры, практически полностью утратившие семантику зрительного восприятия (например, *по-видимому*).

Выводы

В данной главе на материале контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка, был проведен диахронический анализ русских дискурсивных маркеров проблемной достоверности» *видимо, очевидно, видно, по-видимому* и *видать*. Динамика их употребления в различные хронологические периоды показывает, что формирование функции дискурсивного маркера эпистемической оценки – это длительный исторический процесс. Появление новой дискурсивной функции – это результат того, что словоформы *видимо, очевидно, по-видимому, видно* и *видать* в XIX веке стали активно использоваться в новых контекстах и конструкциях, стали чаще занимать начальную позицию вводного слова в высказываниях.

На рис. 12 представлен график, отражающий динамику употребления словоформ *видимо, очевидно, по-видимому, видно* и *видать* в функции дискурсивных маркеров эпистемической оценки.

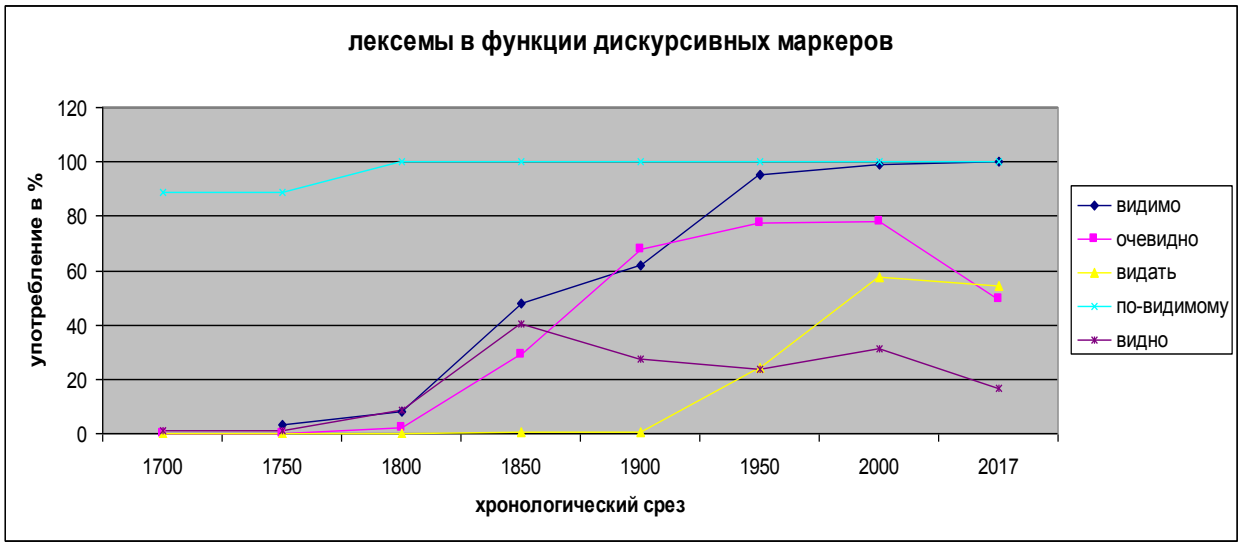


Рис. 12. Частота употребления дискурсивных маркеров эпистемической оценки с исходной семантикой зрительного восприятия

На графике видно, что для двух словоформ – *видимо* и *по-видимому* – процесс прагматикализации уже завершен, причем, если для *по-видимому*

потребовалось около 50 лет для его полной прагматикализации, то словоформа *видимо* постепенно перешла в разряд дискурсивных единиц в течение XIX века. Для остальных исследуемых в данной работе словоформ наблюдается рост количества их употреблений в качестве дискурсивных маркеров.

Начиная с 2000 г. словоформы *очевидно* и *видно* демонстрируют небольшой спад по частоте дискурсивного использования. Возможно, это связано с тем, что современный период существования русского языка в корпусе представлен не так объемно, как XIX и XX вв. По мере пополнения НКРЯ данные по употреблению *очевидно* и *видно* в различных типах контекста могут быть уточнены. Однако общая тенденция для всех исследуемых словоформ такова, что основной рост их дискурсивных употреблений происходит во второй половине XIX – первой половине XX вв.

Анализ контекстов употребления этих словоформ с начала XVIII века до наших дней подтвердил гипотезу о том, что данные маркеры сформировались в результате последовательности семантических переходов: от исходного значения зрительного восприятия происходит сдвиг к значению мыслительной деятельности: в таком употреблении исследуемые словоформы указывают на уверенность говорящего в том, что умозаключение соответствует действительности. Следующим шагом может быть использование конструкций (как в случае с маркером *видать*), либо переход к дискурсивному употреблению, и в таком употреблении эти слова могут использоваться и как указатели на источник информации, и как маркеры проблемной достоверности.

Скорость прагматикализации у каждого маркера индивидуальна: для одних процесс прагматикализации уже завершен, и дискурсивное употребление является практически единственным (как это произошло с маркером *видимо*), для других характерно параллельное существование нескольких типов контекстов, причем функциональная нагрузка на разные

типы контекстов в разные хронологические периоды может меняться (как это происходит с маркером *очевидно*).

Еще один вывод касается возможностей разграничения эпистемического и эвиденциального значения. В ситуации, когда маркер проблемной достоверности сформировался из слова с семантикой зрительного восприятия, такое разграничение возможно далеко не всегда. Однако можно заметить, что сдвиг в сторону проблемной достоверности часто сопровождается появлением дополнительных показателей сомнения – неопределенных местоимений, наречий, и т.д.

Глава 3. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности в английском языке

В данной главе будут рассмотрены английские наречия *apparently, evidently, seemingly* и *obviously*, а также конструкция *it seems*, которые предлагаются русско-английскими словарями в качестве переводных эквивалентов для русских дискурсивных маркеров проблемной достоверности *видимо, по-видимому, очевидно, видно, видать*.

Прежде чем перейти к описанию английских наречий, которые прагматикализуются в дискурсивные маркеры проблемной достоверности, необходимо отметить, что с точки зрения способов выражения значений шкалы достоверности английский язык отличается от русского активным использованием модальных глаголов. Возможно, поэтому потребность в дискурсивных маркерах для выражения этого значения у носителей английского языка в целом ниже, чем у носителей русского языка. Тем не менее, как показывают корпусные данные, в современном английском языке также наблюдается тенденция к прагматикализации некоторых наречий и появления у них значений проблемной достоверности.

Наречия *apparently, evidently, seemingly* и *obviously*, наряду с другими показателями эпистемической оценки, неоднократно оказывались в центре внимания лингвистов [Quirk 1985, Barbaresi 1987, Biber 1999, Huddleson 2002, Simon-Vandenbergen 2007]. Основными проблемами в данных работах является определение круга наречий эпистемической модальности, а также распределение их на шкале достоверности. Несмотря на то, что точки зрения исследователей по этим вопросам различаются, лингвисты считают, что названные наречия тяготеют к полюсу уверенности, но при этом выражают легкую степень сомнения говорящего в достоверности выражаемой информации. Их появление в высказывании является прагматически

маркированной ситуацией: употребление наречия в функции показателя эпистемической оценки отражает сам факт того, что говорящий не до конца уверен в абсолютной достоверности высказывания. Иными словами, его эпистемическая установка включает компонент сомнения, который и выражается с помощью дискурсивного маркера.

3.1. Наречие *apparently* как дискурсивный маркер проблемной достоверности

Английское наречие *apparently* предлагается как переводной эквивалент русских слов *очевидно, несомненно*, с одной стороны, а также для *вероятно, видимо, предположительно, по всей видимости* – с другой стороны [ABBYY Lingvo Live, электронный ресурс].

С точки зрения этимологии дискурсивное употребление *apparently* сформировалось из наречия *apparently*, которое, в свою очередь, образовано от прилагательного *apparent* – *очевидный*. Исходное значение прилагательного *apparent* связано с семантикой зрительного восприятия: оно описывало объекты, воспринимаемые при помощи зрения. В этимологическом словаре английского языка фиксируются даты появления новых значений у этого слова:

Apparently (adv.) – late 14 c., "visibly, openly," from ***apparent*** + ***-ly***. Meaning "evidently" is from 1550s; that of "to all appearances" (but not necessarily "really") is from 1560s; meaning "so far as can be judged" is from 1846 [Online Etymology Dictionary, электронный ресурс].

Таким образом, исходное значение зрительного восприятия (*видимо*), зафиксированное в текстах конца XIV века, в середине XVI века дополняется значением умозаключения, в котором говорящий уверен (*судя по всему*), а также значением умозаключения, в достоверности которого говорящий уверен не полностью (*насколько можно судить*).

Macmillan English Dictionary предлагает следующую дефиницию наречия *apparently:*

1) based only on what you have heard, not on what you are certain is true.

2) used for saying what seems to be true when people do not yet know all the facts of a situation [Macmillan English Dictionary, электронный ресурс].

Первое из выделяемых словарем значений можно отнести к эвиденциальным: *apparently* указывает на ситуацию, когда информация получена не напрямую и говорящий не может быть уверен в ее достоверности. Второе значение – это собственно значение проблемной достоверности: сообщаемая информация представляется истинной, хотя говорящий не обладает полным знанием фактов. Таким образом, оба значения, выделяемые словарем, показывают, что слово *apparently* употребляется в английском языке как показатель неполной уверенности говорящего в достоверности информации.

The Cambridge English Dictionary предлагает выделять у наречия *apparently* три значения:

1) used to say you have read or been told something although you are not certain it is true.

2) Used when the real situation is different from what you thought it was.

3) *Used to say that something seems to be true, although it is not certain* [The Cambridge English Dictionary, электронный ресурс].

К выделяемым Macmillan English Dictionary значениям эвиденциальности и проблемной достоверности добавляется значение адмиративности: используя слово *apparently*, говорящий указывает на то, что реальная ситуация не совпала с его ожиданиями.

Интересен ряд синонимов, который предлагает пользователям Merriam Webster Dictionary для наречия *apparently*: с одной стороны, это наречия с семантикой достоверности (*evidently – очевидно, несомненно, явно*), с другой стороны – это наречия со значением неуверенности в достоверности (*ostensibly – якобы, по видимости; presumably – предположительно, возможно, вероятно, по-видимому; putatively – предположительно, вероятно, по-видимому; seemingly – по-видимому; supposedly – предположительно*) [https://www.merriam-webster.com/thesaurus/apparently].

Предлагаемый словарем синонимический рад позволяет говорить о том, что в современном английском языке *apparently* может встречаться в контекстах, указывающих на разную степень уверенности говорящего в достоверности собственных высказываний: от практически полной уверенности до указания на проблемную достоверность сообщаемой информации.

Исследования показателей неполной уверенности говорящего также отмечают функционирование *apparently* в качестве маркера проблемной достоверности, причем, по мнению У. Чейфа, этот маркер указывает на то, что информация получена от других людей [Chafe 1986].

Корпус COHA содержит 32725 контекстов, которые были разделены на 4 среза: 1800-1849 гг., 1850-1899 гг., 1900-1949 гг., 1950-1999 гг. Данные для пятого среза – с 2000 по 2017 гг. – были получены из корпуса COCA. Абсолютная частота (FREQ), количество словоформ в текстах (SIZE (M)) и относительная частота употребления слова *apparently* (PER MIL) с 1800 по 2000 гг. с шагом в 10 лет показана в Таблице 39 и на графике (рис. 13)

Таблица 39. Употребление слова *apparently* с 1800 по 2000 гг. по данным COHA

Год	Абсолютная частота	Кол-во словоформ в текстах, млн.	Относительная частота
1810	20	1,2	16,93
1820	403	6,9	58,18
1830	915	13,8	66,43
1840	842	16	52,47
1850	22	16,5	55,97
1860	946	17,1	55,47
1870	1492	18,6	80,38
1880	1538	20,3	75,7
1890	1831	20,6	75,68
1900	2078	22,1	82,86
1910	2451	22,7	91,54
1920	2341	25,7	95,54
1930	2433	24,6	95,15
1940	2292	24,3	99,93
1950	2409	24,5	93,38
1960	2487	24	100,47
1970	2185	23,8	104,43

1980	1791	25,3	86,31
1990	1790	27,9	64,1
2000	32725	29,6	60,54

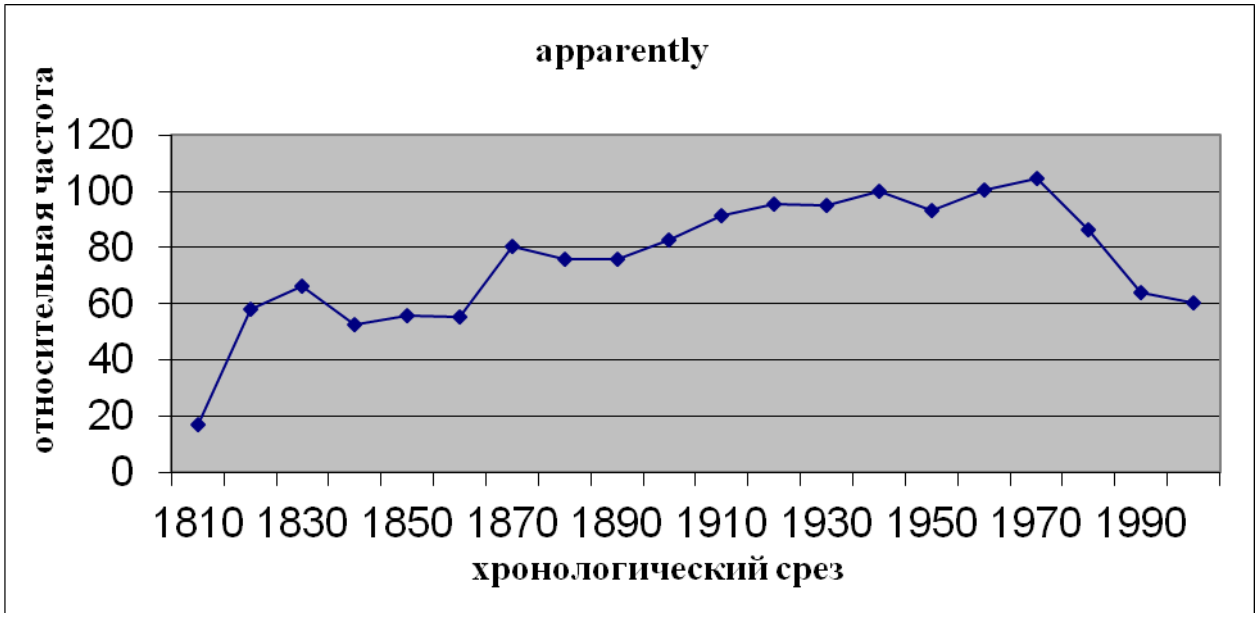


Рис. 13. Употребление наречия *apparently* в американском варианте английского языка по данным корпуса COHA

Интересно не только хронологическое распределение употребления наречия *apparently*, но и тенденции его сочетаемости. Согласно данным корпуса COHA, *apparently* сочетается преимущественно со страдательными причастиями или прилагательными, описывающими эмоциональное состояние или мыслительную деятельность. В списке двадцати наиболее частотных коллокаций – *satisfied* (148[2]), *unconscious* (107), *decided* (106), *asleep* (80), *waiting* (75), *forgotten* (73), *absorbed* (70), *intended* (70), *convinced* (62), *failed* (60), *oblivious* (58), *indifferent* (58), *unable* (55), *unaware* (54), *hopeless* (48), *caused* (48), *willing* (45), *agreed* (44), *trivial* (43), *designed* (42).

Рассмотрим функционирование слова *apparently* в выделенных хронологических периодах.

APPARENTLY 1800-1849

[2] В скобках указано количество контекстов, в которых встречается данное словосочетание.

Общее количество контекстов, содержащих словоформу *apparently* в текстах 1800-1849 гг., составляет 2180. Относительная частота данного наречия в обозначенном хронологическом срезе колеблется от 16,9 до 66,4 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. В нашем исследовании была сформирована выборка из 1000 контекстов, относящихся к данному хронологическому срезу. Дальнейший анализ проводился на основе этой выборки.

Количественный анализ контекстов представлен в Таблице 40.

Таблица 40. Употребление словоформы *apparently* с 1800 по 1849 гг. по данным корпуса СОНА

Частеречная принадлежность словоформы *apparently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	916	91,6%
Вводное слово	84	8,4%

Употребление слова *apparently* в качестве наречия характерно для большинства контекстов, относящихся к 1800-1849 гг. – на долю таких употреблений приходится более 91% контекстов в конкордансе. Только в 8,4% случаев *apparently* употребляется как вводное слово и выделяется запятыми. В этот период *apparently* практически не используется в начальной позиции в качестве вводного слова – таких контекстов, в которых *apparently* занимает первую позицию, во всем конкордансе всего 1,6%, причем, только в одном контексте оно выделено запятой как вводное слово. Интересно, что контексты, в которых *apparently* занимает начальную позицию, принадлежат одному автору – Роберту Берду:

Apparently, *he found the madrigal just one stanza too short, at least for his present mood; for which reason, so soon as he had finished the last of all, he began to repeat it, with even more expression than before, and had just reached the second line, – "My elbows peep out to the storm," – when one of his own*

elbows was suddenly seized upon, and a voice, bitterly reproachful, muttered in his ear, "Are you mad?" [Bird R.M. The Hawks of Hawk-Hollow, 1835].

It would certainly be a more attractive spectacle to any wandering infidels in the garden than might be furnished by the obscure figures of herself and companion. ***Apparently*** *the Indian maiden thought so too; for she increased her pace, and instead of skulking as before, among green-arched and shadowy alleys, she walked boldly along in a broad exposed path, that led directly to a corner of the palace [Bird R.M. The Infidel, or The Fall of Mexico, 1835].*

Занимая первую позицию, *apparently* указывает на неполную уверенность повествователя в достоверности его умозаключения о душевном состоянии персонажа. Сфера его действия – вся пропозиция, т.е. предположение повествователя о мыслях индейской девушки, основанное на зрительно воспринимаемых действиях, которые совершает героиня повествования.

Apparently как вводное слово в середине предложения также функционирует как сигнал того, что говорящий до конца не уверен в соответствии высказывания реальному положению дел:

Daring the night there had been a tremendous thunder-squall, and the morning showed huge "double-headed" clouds, mustering in different parts of the horizon, and, ***apparently,*** *waiting some signal to bid them commence operations; others, dark and suspicious looking, but of a less dense consistence, were seen scampering across the firmament in all directions, like aids-de-camp before a general engagement [Ames N. An Old Sailor's Yarns, 1835].*

He was amazed to see the ruler of the realm out at such an hour, in such a condition, alone, exhausted, his dress all in disorder from the haste with which he had put it on, and his steed breathless and covered with dust, and ready, ***apparently,*** *to drop down with fatigue and exhaustion [Abbot J. William the Conqueror, 1849].*

Очевидно, что, говоря о чувствах другого человека или о состоянии природы, повествователь может делать это только с определенной

(неполной) степенью уверенности: в первом из двух контекстов в воображении говорящего действия облаков уподобляются действиям одушевленных лиц; во втором случае основываясь на наблюдаемой ситуации, говорящий делает предположение о вероятном состоянии и дальнейших действиях персонажа, который может, по всей вероятности, упасть от усталости и изможденія.

Приведенные ниже контексты демонстрируют употребление *apparently* после союза *and*. Сферой действия наречия становится только одно из двух свойств объекта. Появление *apparently* в такой синтаксической позиции может быть интерпретировано как способ указать на то, что утверждение о втором свойстве – это результат умозаключения говорящего, полученного на основе имеющейся информации о ситуации. Отметим сходство такого употребления *apparently* с использованием русских наречий *видимо, очевидно* в качестве указателей на умозаключения на первом шаге прагматикализации:

Uncas silently extended toward him the desired gourd, which the spleen of Hawkeye had hitherto prevented him from observing on a branch of an elm. Filling it with water, he retired a short distance, to a place where the ground was more firm and dry; here he coolly seated himself, and after taking a long, and, ***apparently,*** *a grateful draught, he commenced a very strict examination of the fragments of food left by the Hurons, which had hung in a wallet on his arm [Cooper J. F. The Last of the Mohicans, 1826].*

Wilson's chivalrous spirit had effectually subsided; but he would be guided by Captain T. who kept up the spirits of the party, and, ***apparently****, his own [Royall A.N. The Tennessean: A Novel, Founded on Facts, 1827].*

Типичным синтаксическим окружением *apparently*-наречия являются причастия, прилагательные и предложные группы, реже – именные группы:

The General, ***apparently much hurt****, signified the contrary, upon which the courtier concluded his harangue, by saying, "Aye, I thought it was the one or the t' other of ye" [Trollope, F. Domestic Manners of the Americans, 1832].*

He throws himself upon a sofa, ***apparently exhausted*** *[Holland E. The Corsair, 1818].*

After learning the days of the month on which they were born, she looked in an almanac, and ascertained through what sign the sun was then travelling, marked it down, pressed her hand against her forehead for a few moments, – and then carefully examined two large, dirty folios, covered, within and without, with strange and ***apparently unintelligible characters*** *[Child L. The Rebels, or Boston before the Revolution, 1825]*

Несмотря на то, что наречие *apparently* является полноценным членом предложения, его функция – выражение субъективной оценки. Говорящие оценивают качества объектов или эмоциональное состояние других людей, и эти умозаключения носят вероятностный характер:

Governor Harrison, if not deceived by the plausible pretences and ***apparently candid declarations*** *of the Prophet, was left in doubt [Drake B. Life of Tecumseh, and of His Brother the Prophet With a Historical Sketch of the Shawanoe Indians, 1841].*

But the young lady has been educated at the same school as these, whom I see here, and I know her brother has a shop in the town, quite as large, and ***apparently as prosperous****, as those belonging to any of these young men. [Trollope, F. Domestic Manners of the Americans, 1832].*

A European lady, possessed of much matronly beauty, lay lifeless at his feet; and a fragile looking boy, ***apparently eight or nine years old****, was bending over her, and weeping bitterly [Child, L. The Church in the Wilderness, 1828].*

Таким образом, сферой действия наречия *apparently* являются преимущественно свойства и действия объектов. Приведенные выше контексты также демонстрируют синтаксическую зависимость слова *apparently* от других членов предложения, что является признаком полнозначного употребления слова.

Выше мы уже упоминали о том, что существительные достаточно редко появляются в непосредственном окружении наречия *apparently*. Тем не

менее, такое употребление представляет отдельный интерес, поскольку его можно считать шагом на пути к прагматикализации данного наречия. Рассмотрим некоторые примеры таких контекстов:

Lastly, these six persons were among the most likely of all to follow this practice, being the relations or intimates of the crew, or those employed about the vessel, ***apparently tenants of one house****, and the most probable party in the world to take a walk on board the brig after tea in a warm summer evening, and enjoy the air of the river [Medical Essays of Miner and Tully // North American Review: October 1823: 323-340].*

This troop of dogs presented a motley assortment. There were two conspicuous for their size and ***apparently leaders of the company****, – a mixture of bound and mastiff – that poured out their long, deep and bugle-like tones, with a fulness that was echoed back from the farther shore of the river, and which rang through the forest with a strength that must have awakened the sleepers at the mansion we had left [Kennedy J.P. Swallow Barn, 1832].*

Данные примеры интересны появлением *apparently* перед существительными, которые употребляются не просто для номинации, но для категоризации объектов, о которых идет речь: *apparently* указывает на сомнение говорящего в правильности категоризации объекта, о котором идет речь: называя людей *жильцами одного из домов* автор показывает, что его предположение, по всей вероятности, правильное, однако он до конца в нем не уверен.

APPARENTLY 1850-1899

Общее количество контекстов, содержащих словоформу *apparently* в текстах, относящихся к 1850-1899 гг., составляет 6457. Относительная частота данного наречия в обозначенном хронологическом срезе колеблется от 55,9 до 80,4 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Дальнейший анализ употреблений слова *apparently* проводился на основе выборки из 1000 контекстов.

Все употребления слова *apparently* в данном хронологическом срезе, как и в предыдущем, можно разделить на два типа: наречное и дискурсивное.

Количественный анализ распределения употреблений наречия *apparently* по двум типам контекстов представлен в Таблице 41.

Таблица 41. Употребление словоформы *apparently* с 1850 по 1899 гг. по данным корпуса СОНА

Частеречная принадлежность словоформы *apparently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	916	88,6%
Вводное слово	114	11,4%

В этот период по-прежнему большая часть контекстов – это случаи полнозначного употребления наречия *apparently*.

“My darling mamma,” answered Violet, looking seriously into her mother's face, and ***apparently surprised*** *that she should need any further explanation, "I have told you truly who she is” [Hawthorne N. The Snow Image and other stories, 1851].*

The restrictions which they attacked were, it is to be observed, restrictions on the disposition of property, for which the assent of the woman's guardians was still formally required. Control of her person ***was apparently quite obsolete*** *[Maine, H.S. Ancient Law. Its Connection to the History of Early Society, 1861].*

В сферу действия наречия попадают преимущественно прилагательные, описывающие эмоциональное состояние или мысли персонажей, а также состояние объекта или процесса.

В этом хронологическом срезе появляются контексты, в которых *apparently* занимает начальную синтаксическую позицию, но еще не выделяется запятыми как вводное слово:

Apparently *I was wrong: the invitations, I am told, are going out [James H. Roderick Hudson, 1876].*

There was no reply. ***Apparently*** *none was expected… [Bierce A. The Fiend's Delight, 1873].*

Применительно к данным контекстам можно говорить о расширении сферы действия наречия *apparently*: теперь оно относится ко всей пропозиции, и это – один из этапов его прагматикализации.

Данный хронологический срез также представляет нам первые примеры дискурсивного употребления *apparently*, которое характеризуется синтаксической независимостью, возможностью употребления в начале или конце клаузы, т.е. расширением сферы действия на всю пропозицию:

As to paddling, he thought of that no more; paddling was exhausted, and his board was useless. Nothing remained, ***apparently,*** *but inaction [De Mille J. Lost in the Fog, 1870].*

What ought he to do? What COULD he do? ***Apparently,*** *nothing but wait. He waited for a week – then for another week [Frederic H. The Damnation of Theron Ware, 1896].*

Apparently, *you think we are asking the North to yield something [Chittenden, L. A Report of the Debates and Proceedings in the Secret Sessions of the Conference Convention, 1874].*

Приведенные контексты представляют собой умозаключения, которые касаются возможных действий персонажей. Также дискурсивное употребление *apparently* встречается в контекстах, в которых авторы оценивают состояние объекта или предлагают читателям возможную версию развития событий с известным результатом:

With this object, ***apparently****, Richard Taylor, a prominent and wealthy Louisianian, closely allied to Jefferson Davis by his first marriage with the daughter of Zachary Taylor, was made a major-general in the Confederate army, and on the 1st of August was assigned to command the Confederate forces in Western Louisiana [Irwin R.B. History of the Nineteenth Army Corps, 1892].*

The commis-voyageur is a more numerous class here, ***apparently****, than in any other country on the globe, and the detailed information which he can give one*

about the towns and hotels and sights and scenes en route, albeit he is more familiar with travel by rail than by road, is marvellous in quantity and valuable as to quality [Mansfield, M. F. The Automobilist Abroad, 1896].

Таким образом, можно говорить о медленном процессе прагматикализации наречия *apparently* во второй половине XIX века: растет частота употребления этого слова, и доля дискурсивных употреблений увеличивается.

APPARENTLY 1900-1949

Данный хронологический срез – время наиболее активного использования слова *apparently*. Общее количество контекстов, содержащих словоформу *apparently* в текстах, относящихся к 1900-1949 гг., составляет 11595, а его относительная частота колеблется от 82,9 до 95,5 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Дальнейший анализ употреблений слова *apparently* проводился на основе выборки из 1000 контекстов.

Все употребления слова *apparently* в данном хронологическом срезе, как и в предыдущем, можно разделить на два типа: наречное и дискурсивное.

Количественный анализ распределения употреблений наречия *apparently* по двум типам контекстов представлен в Таблице 42.

Таблица 42. Употребление словоформы *apparently* с 1900 по 1949 гг. по данным корпуса СОНА

Частеречная принадлежность словоформы *apparently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	800	80 %
Вводное слово	200	20 %

В первой половине XX века наречие *apparently* не меняет своего синтаксического «поведения»: оно по-прежнему употребляется преимущественно для характеристики ситуаций или свойств объектов.

Однако следует отметить, во-первых, рост относительной частоты употребления этого слова. Во-вторых, увеличивается количество контекстов, в которых *apparently* занимает начальную синтаксическую позицию. В группе таких контекстов можно выделить два случая: *apparently* может предшествовать существительному, и тогда это дискурсивное употребление, поскольку сферой действия становится вся пропозиция, и с помощью *apparently* говорящий выражает субъективную оценку достоверности суждения о некоторой ситуации:

*"**Apparently** the telegram was a fake," admitted Kent. "The Cleveland police report that he is not at the address given in the telegram" [Freeman M. Copy-Cat and Other Stories, 1914].*

В ряде контекстов *apparently* в начальной позиции выделяется запятой как вводное слово, что дополнительно указывает на его синтаксическую независимость и дискурсивную функцию:

*A Monarchy motion in the Reichstag to substitute for the black-red-gold republican flag the old black-white-red colors of Imperial Germany was rejected. **Apparently,** this is only an academic defeat; for not only are many republicans in favor of the old flag (chiefly to end interminable discussion of the flag question), but most Germans use it [Time Magazine, June 1925].*

*In the process here discussed, however, the essential step is that an encumbering ingredient, which is either unnecessary or false, is got rid of. There is accordingly a reduction of total compass of a system or activity through a segregation of its more valuable or efficient elements from its inferior or impeding ones. **Apparently,** a process somewhat reminiscent of this reduction-segregation is observable in technology [Kroeber A.L. Anthropology, 1923].*

Второй вариант употребления *apparently* в начальной позиции – это случаи использования его как наречия образа действия, модифицирующего прилагательное:

***Apparently indifferent** to the nationwide suspicion that had just attached itself to one of the guests, President Coolidge attended a dinner-last of its kind this*

season-given for him by Secretary of Labor James John Davis &; Mrs. Davis [Time Magazine, June 1925].

Данный вариант употребления нельзя считать дискурсивным, поскольку наречие *apparently* синтаксически связано с прилагательным и указывает на уверенность говорящего в оценке ситуации или качества объекта.

В первой половине XX века появляются контексты, в которых *apparently* употребляется в синтаксически независимой финальной позиции:

Simeon spoke several times but his friend did not answer. A sudden change had come over him. The good spirits with which he told of his adventure with Williams and which had remained during Phinney's stay at the depot, were gone, ***apparently*** *[Crosby L.J. The Depot Master, 1912].*

Shortly after a meal of fat the gall-bladder, which ***may have been*** *quiescent for several hours previously, contracts forcibly and expels its contents into the duodenum. In order to bring about its effect, the fat must first have undergone digestion,* ***apparently*** *[Best C.H., Taylor N.B. The Living Body: A Text in Human Psychology].*

Таких контекстов немного, но они представляют для нас интерес, поскольку их можно считать одним из этапов прагматикализации наречия *apparently*: оно занимает синтаксически независимую позицию и используется авторами как художественных, так и нехудожественных текстов для выражения неполной уверенности в достоверности умозаключений. Во втором из приведенных примеров – учебном тексте – на неполную уверенность также указывает модальный глагол ***may have been.***

В целом данный период может быть охарактеризован как время постепенного роста функциональной нагрузки на дискурсивное употребление слова *apparently*: оно все чаще занимает либо начальную, либо финальную позицию в высказывании, более регулярно выделяется запятыми как вводное слово, как в начале и в конце, так и в середине предложения.

APPARENTLY 1950-1999

Вторая половина XX века – это период, когда частота употребления слово *apparently*, с одной стороны, достигает своего пика в 1970-е годы (104,4 вхождения на 1 млн. словоупотреблений), с другой стороны, снижается к концу столетия до 60,5 вхождений.

Анализ выборки из 1000 контекстов показал, что во второй половине XX века *apparently* по-прежнему употребляется в двух типах контекстов: как наречие образа действия и как дискурсивный маркер. Данные о частоте употребления слова *apparently* приведены в Таблице 43.

Таблица 43. Употребление словоформы *apparently* с 1950 по 1999 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность слова *apparently* и его синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	761	76,1 %
Дискурсивный маркер	239	23,9 %

Данные, приведенные в Таблице 43, говорят о том, что во второй половине XX века на дискурсивное употребление слова *apparently* приходится почти четверть контекстов. Далее рассмотрим этот тип контекстов более подробно.

Как дискурсивный маркер *apparently* может занимать начальную или конечную позицию в высказывании, имея сферой действия всю пропозицию:

All the outbound boats were being watched closely, but the ferries that carried gamblers and gamers to the Cuts needed no supervision, ***apparently*** *[Morris G. Captive Bride, 1987].*

BRINKLEY: Why does George Bush want Puerto Rico to be a state?

Ms. ROBERTS: ***Apparently****, there is – first of all, the Republicans in Puerto Rico have wanted it to be a state for a long time [ABC, Brinkley 1990].*

Кроме того, *apparently* может употребляться и внутри высказывания, и тогда сферой его действия является, как правило, предикат:

She wanted him there, she had made that clear. Whatever it was that she found in him was, ***apparently****, sufficient to her needs [Kuniczak W.S. Valedictory, 1983].*

Как дискурсивный маркер *apparently* выражает как эвиденциальное значение (и в таких случаях говорящий указывает на источник информации), так и эпистемическую оценку. Пример ниже иллюстрирует случай, когда говорящий делает умозаключение на основе наблюдаемой ситуации и высказывание содержит объяснение, на основе какой информации сделан логический вывод:

Apparently *somebody had got wind of the unscheduled run, for the stage was held up by a gang of masked men opposite a high rocky point [Sandoz M. Miss Morissa, Doctor of the Gold Trail, 1955].*

В следующем примере apparently используется для эпистемической оценки – умозаключение повествователя носит предположительный характер:

Apparently, *it was* ***either*** *my blood* ***or*** *my pain –* ***or both*** *– that disgusted her with me [Gordon M. Other Side, 1989].*

Показателями проблемной достоверности высказываний, которые могут сопровождать *apparently* в функции маркера эпистемической оценки, часто являются неопределенные местоимения или другие дискурсивные маркеры предположительности:

Apparently*, you have* ***something*** *in mind for me [Koontz D. Phantoms, 1983].*

The bomber ***apparently somehow*** *slipped by with his explosive device concealed [Chicago Tribune, 1962].*

Apparently somebody *had done a magnificent job of selling Stanley Rosen to Radazan, and Radazan had done an even better job with his client [Erdman P. Billion Dollar Sure Thing, 1973].*

At the peak of this movement, this dissident proclamation was signed by about 1000 Czechs, almost all in Prague. Slovaks ***apparently*** *remained aloof,* ***perhaps*** *for fear of jeopardizing the only meaningful survival of the Prague Spring, the federal structure of the Czech state [The New Republic, December 22nd, 1979].*

He glanced over the instrument-and-control panels. No red tags on them, at least. Just to make sure, he opened them up, one by one, and looked inside. Nothing wrong, ***apparently****.* ***Maybe*** *it had just been some minor repair – a broken lighting switch or* ***something*** *[Garrett R. The Measure of a Man, 1960].*

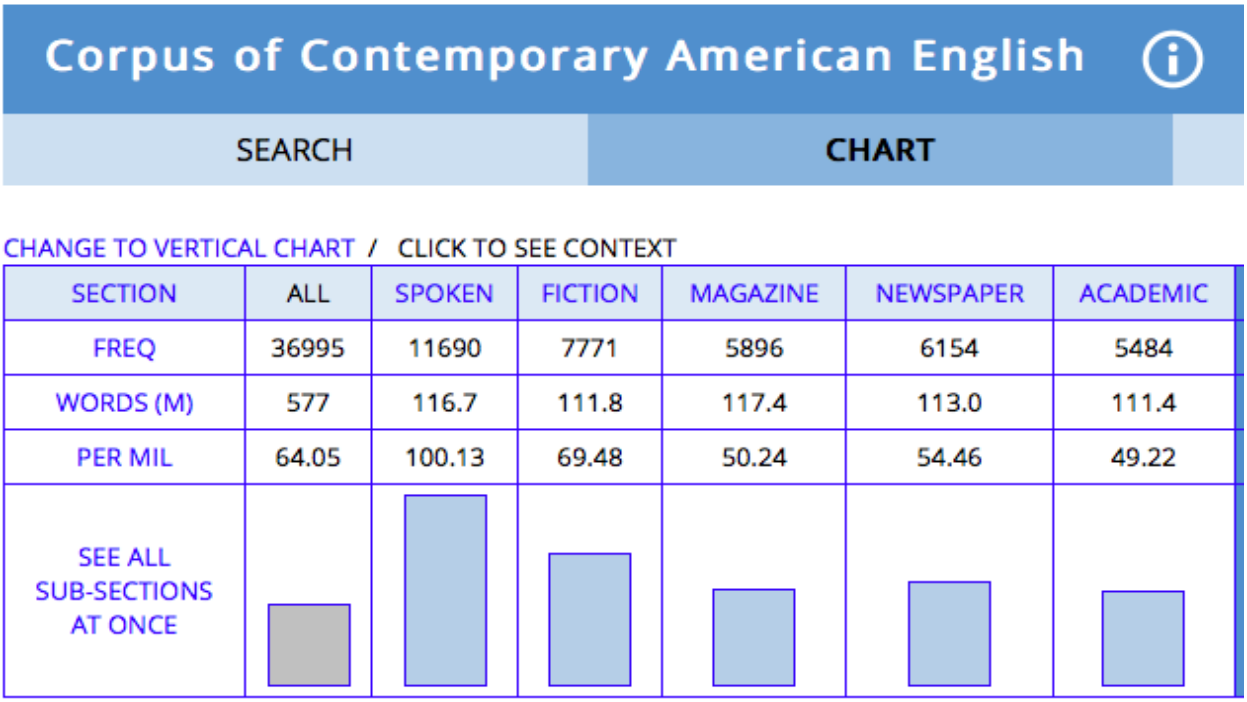
Приведенная выше группа примеров демонстрирует случаи, когда на предположительный характер информации указывает сразу несколько языковых единиц. Это позволяет говорить о том, что использование *apparently* в данных контекстах связано с выражением эпистемической оценки, а не значения эвиденциальности.

Таким образом, во второй половине XX века слово *apparently* практически не меняет своего поведения: в функции дискурсивного маркера оно может выражать как уверенность говорящего в достоверности умозаключения, поскольку оно сделано на основе либо имеющегося знания, либо информации, полученное в результате наблюдений, так и эпистемическую оценку.

APPARENTLY 2000-2017 (по данным корпуса COCA)

Исследование функционирования слова *apparently* с начала XXI века было проведено на материале корпуса COCA. Данный корпус содержит устный подкорпус, включающий транскрипты теле- и радиопередач. Интересны данные об употреблении этого слова в устной и письменной коммуникации: в устной речи оно встречается 100,13 раз на 1 млн. словоупотреблений, в научных текстах – только 49,22 раза. Данные о распределении употреблений слова *apparently* по текстам различных жанров в корпусе COCA приведены на рис. 14.

В письменной речи чаще всего *apparently* употребляется в художественной литературе. В журналах и газетах оно встречается в два раза реже по сравнению с устной речью. Эти данные позволяют сделать вывод о «тяготении» слова *apparently* к устной коммуникации как наиболее субъективному модусу использования языка.



SECTION	ALL	SPOKEN	FICTION	MAGAZINE	NEWSPAPER	ACADEMIC
FREQ	36995	11690	7771	5896	6154	5484
WORDS (M)	577	116.7	111.8	117.4	113.0	111.4
PER MIL	64.05	100.13	69.48	50.24	54.46	49.22

Рис. 14. Распределение употреблений слова *apparently* по текстам различных жанров с 2000 по 2017 гг. по данным корпуса COCA

Дальнейший анализ функционирования слова *apparently* проведен на материале выборки, которая, как и для предыдущих хронологических срезов, составила 1000 контекстов.

В Таблице 44 представлены данные о функциональной нагрузке на наречное и дискурсивное употребление слова *apparently*.

Таблица 44. Употребление словоформы *apparently* с 2000 по 2017 гг. по данным корпуса COCA

Частеречная принадлежность словоформы *apparently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	624	62,4%
Дискурсивный маркер	376	37,6%

Данные таблицы свидетельствуют о том, что доля дискурсивных употреблений слова *apparently* возросла по сравнению с предыдущими хронологическими срезами. Рост произошел за счет появления большого количества контекстов, где *apparently* встречается в начальной позиции. Такое употребление, наряду с использованием в финальной позиции, можно отнести к «каноническим» дискурсивным употреблениям. В этих позициях слово *apparently* часто выделяется запятыми, что является сигналом синтаксической независимости:

A cruiser bike is intended for relaxed two-up riding for medium distances, everything from boulevard to day trips to weekends. ***Apparently,*** *that's just what a lot of folks are looking for in a motorcycle these days [Popular Mechanics, Vol. 176, May, 2000].*

*I grew up in the Bay Area and went to school in Southern California, and yet I've never heard of " Cane's, "purportedly the Golden State's most popular chain. (****Apparently,*** *they're a chicken strip chain with a handful of Los Angeles-area locations) [OregonLive, October 19th, 2017].*

«… he never told me that," she sobbed to the priest. There was a lot Keith never told her, ***apparently*** *[Turner A. Spin the Wheel, 2017].*

The amount of manpower that we've employed, just at this property, is mind-boggling. But that's what it's going to take, ***apparently*** *[The New York Times, June 17th, 2011].*

Как синтаксически независимый маркер эпистемической оценки *apparently* также употребляется в середине высказывания:

For their honeymoon, they went to a little island in the Great Lakes, a place, ***apparently****, where automotives weren't allowed [Journal of Medical Ethics, Vol.29, June 2003.].*

At certain times, ***apparently****, more icebergs from the far north were making their way well to the south before finally melting and shedding their sediment. Bond* ***hypothesized*** *that the alternating cycles might be evidence of changes in*

ocean-water circulation [Broecker W. Glaciers that speak in tongues and other tales of global warming. Natural History, Vol.110, 2001].

Наличие глагола *hypothesize* во втором контексте позволяет интерпретировать употребление *apparently* в качестве маркера предположительности, характерной для научного текста.

Необходимо отметить, что *apparently* может использоваться как для выражения значения эвиденциальности, когда говорящий указывает на имеющееся знание о ситуации, на основе которого сделан вывод, так и для выражения эпистемической оценки. В контекстах, приведенных ниже, первый контекст является примером эвиденциального употребления *apparently*: вывод о том, что не все поняли шутку, сделан с опорой на факты: результатом того, что высказывание о желании стать губернатором Висконсина было воспринято всерьез, являются газетные публикации на эту тему.

During a light hearted interview with "Politico" I was asked what I would try if I knew I couldn't fail. My answer was running for governor of Wisconsin. It was a joke. ***Apparently*** *not everyone got. Since the interview was published we've seen articles about me considering running for governor [FOX Channel, Interview with Bret Michaels, 2010]*.

Следующие два контекста – это примеры эпистемического употребления *apparently*. На предположительный характер информации указывают и другие лексические средства (неопределенные местоимения, модальные глаголы, прилагательное *unsure*):

I regretted not getting a trim myself, though I hadn't yet made up my mind on growing the beard. I ***was still unsure*** *of what it did for me, but* ***apparently someday*** *I would decide it was a good idea [Ferrel S. Man in the empty suit, 2013]*.

Today in Columbus, I had a speech before I came here, and there was a young woman. ***I don't even know how*** *she got to my event.* ***Apparently she must***

***have taken a bus or walked**, Bernie, and she stood up, and she has mental illness [CNN Live Event, Gov. John Kasich, 2017].*

Подводя итоги, отметим, что в американском варианте английского языка слово *apparently* продолжает употребляться и как наречие, и как дискурсивный маркер эпистемической оценки, однако функциональная нагрузка на эти два типа меняется: доля полнозначных употреблений *apparently* как наречия снижается, в то время как количество дискурсивных употреблений растет. Информация о динамике функциональной нагрузки на эти два типа употреблений представлена ниже на рис. 15.

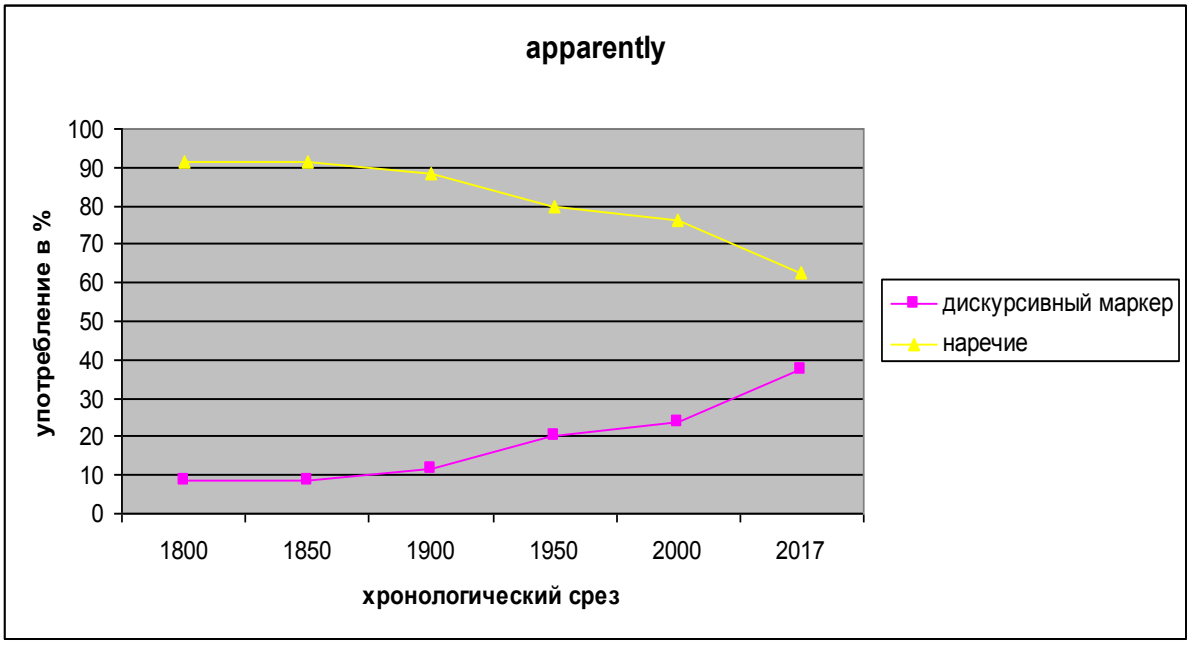


Рис. 15. Динамика функциональной нагрузки на наречное и дискурсивное употребление словоформы *apparently* в американском варианте английского языка с 1800 по 2017 гг.

Таким образом, мы можем говорить о том, что слово *apparently* с течением времени все чаще используется в функции дискурсивного маркера, однако при этом оно многозначно, поскольку может выражать как значение эвиденциальности, которое более тесно связано с его исходной наречной семантикой, так и значение эпистемической оценки (проблемной достоверности).

3.2. Наречие *evidently* как дискурсивный маркер проблемной достоверности

Этимологический словарь описывает прилагательное *evident* как слово, которое появилось в английском языке в XIV веке из старофранцузского *evident*, которое, в свою очередь, является потомком латинского *evidentem* – воспринимаемый зрением, очевидный, ясный. Латинское слово образовано путем присоединения приставки *ex-* «*вне, из*» к причастию настоящего времени *videntem* глагола *videre* – *видеть*. Таким образом, этимологические семантика наречия *evidently* связана со зрительным восприятием.

Современные словари фиксируют следующие значения evidently:

1) in a way that is easy to see;
2) used to say what people believe is true [Cambridge English Dictionary, электронный ресурс].

Первое из выделенных значений связано со зрительным восприятием: *evidently* – показатель того, что оценка ситуации основана на непосредственных наблюдениях говорящего. Второе значение позволяет отнести наречие *evidently* к группе маркеров абсолютной достоверности, однако, как будет показано ниже, такое определение является не вполне точным.

Macmillan English Dictionary также выделяет два значения, однако конкретизирует, на чем основана вера в достоверность высказывания:

1) used for saying that something is obvious
2) used for showing that a statement is based on known facts [Macmillan English Dictionary, электронный ресурс].

Данные значения позволяют описать наречие *evidently* и как показатель достоверности (в первом значении), и как маркер эвиденциальности – во втором значении *evidently* указывает на то, что умозаключение сделано на основе имеющегося у говорящего знания о ситуации. Такая многозначность еще раз подтверждает трудность проведения границы между эпистемической

оценкой и эвиденциальностью. Кроме того, необходимо отметить, что, если опираться на словарные данные, то наречие *evidently* нельзя отнести к группе маркеров проблемной достоверности, однако корпусные данные показывают, что существует тенденция к формированию и закреплению в узусе значения неполной уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации.

В соответствии с первым словарным значением, в ряде работ наречие *evidently* описывается как показатель уверенности говорящего в высокой степени достоверности сообщаемой информации. Однако существуют и исследования, в которых *evidently* описывается как показатель проблемной достоверности. Например, на неполную уверенность говорящего, использующего *evidently* в своем высказывании, указывает У. Чейф [Chafe 1986], сравнивая его с глаголом *seem*.

Возможность употребления *evidently* в качестве маркера проблемной достоверности подтверждают и данные параллельного подкорпуса НКРЯ: в ряде примеров переводными эквивалентами для *evidently* являются «*видимо, по всей видимости, вероятно, очевидно*»:

It was apparently a three-room apartment with the living room in front, a door on the side ***evidently*** *opening into a bedroom, while another door – which was standing open – disclosed a small kitchen.*

Это была, очевидно, трехкомнатная квартира. Сначала гостиная, дверь из которой вела, ***вероятно,*** *в спальную комнату, а другая, которая была открыта, – в маленькую кухню. [Э.С. Гарднер. Дело смелой разведенки (М. Кудрявцева, 1990)]*

"The letter contained an invitation to visit the abbey and study the documents. They've ***evidently*** *heard of me." "Not necessarily," said Apollo, unable to resist the opportunity.*

– В письме есть приглашение посетить аббатство и изучить документы. Они, ***очевидно,*** *слышали обо мне. – Не обязательно, – сказал*

Аполло, не в силах противиться искушению поддеть дона. [У. Миллер. Страсти по Лейбовицу (С. Борисов, 1999)]

*"**Evidently** the farmers are braver among their own kind – although they are meek enough among real people."*

*– **Похоже,** земледельцы храбры в отношениях друг с другом, хотя и робеют, встречаясь с настоящими людьми. [У. Миллер. Страсти по Лейбовицу (С. Борисов, 1999)]*

Переводы отражают вероятностную семантику английского слова *evidently*, и это позволяет нам рассматривать его в группе маркеров проблемной достоверности.

В Таблице 45 и на графике (рис. 16) представлена информация об абсолютной и относительной частоте употребления слова *evidently* в американском варианте английского языка с 1800 по 2000 гг. по данным корпуса COHA. Наиболее активно данное наречие используется во второй половине XIX века, затем частота его употребления снижается. По данным корпуса COCA, в современном употреблении наречие *evidently* встречается менее 6 раз на 1 млн. словоупотреблений. Чаще всего *evidently* встречается в художественной речи (относительная частота – 13,1), реже всего – в газетных публикациях (относительная частота – 3.6).

Таблица 45. Употребление слова *evidently* с 1800 по 2000 гг. по данным COHA

Год	Абсолютная частота	Кол-во словоформ в текстах, млн.	Относительная частота
1810	46	1,2	38,94
1820	390	6,9	56,3
1830	961	13,8	69,77
1840	1075	16	66,98
1850	1229	16,5	74,61
1860	1440	17,1	84,43
1870	1690	18,6	91,04
1880	1663	20,3	81,86
1890	1703	20,6	82,67
1900	1584	22,1	71,68
1910	1759	22,7	77,49

1920	1607	25,7	62,64
1930	953	24,6	38,74
1940	803	24,3	32,98
1950	626	24,5	25,5
1960	542	24	22,6
1970	522	23,8	21,92
1980	441	25,3	17,42
1990	362	27,9	12,96
2000	260	29,6	8,79

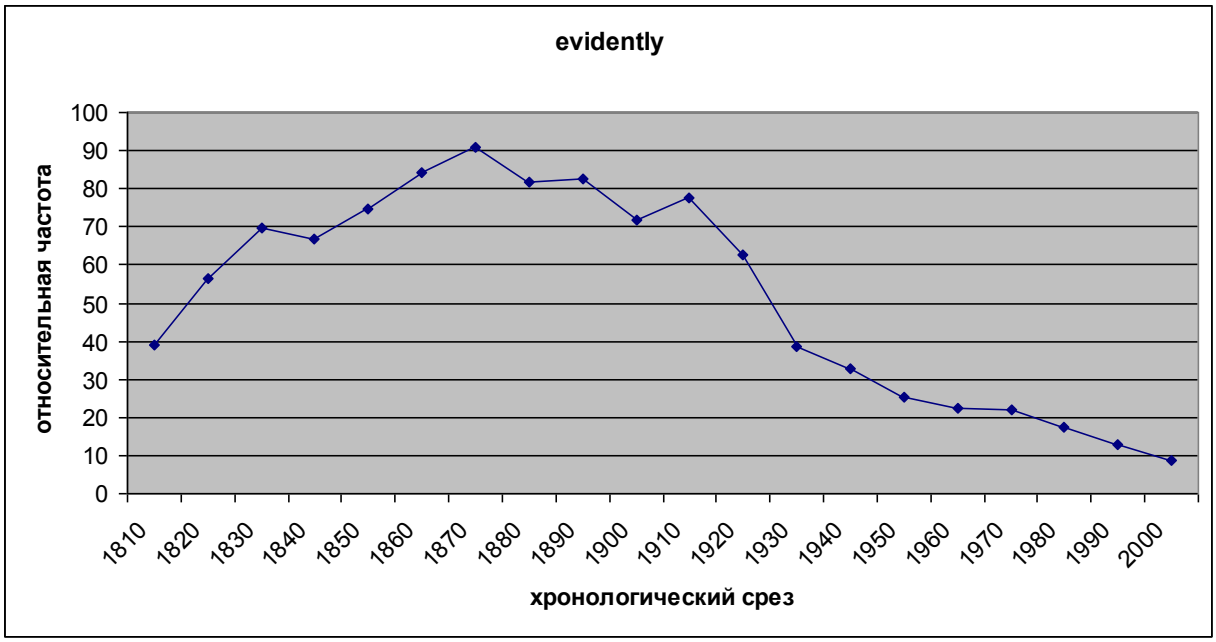


Рис. 16. Частота употребления наречия *evidently* в американском варианте английского языка по данным корпуса COHA.

Интересными представляются данные корпуса о сочетаемости наречия *evidently*: наиболее типичным окружением являются причастия и глаголы в форме прошедшего времени. Так, список из двадцати наиболее частотных коллокатов включает в себя следующие словоформы: *been (723), thought (151), intended (141), felt (116), knew (76), taken (70), meant (68), regarded (64), considered (63), thinking (55), trying (54), pleased (53), written (48), expected (46), designed (42), waiting (42), believed (41), making (40), determined (36), impressed (35).*

Сочетаемостные предпочтения наречия *evidently* можно описать следующим образом: очевидна тенденция встречаться в окружении глаголов,

называющих мыслительные процессы (*think, know, consider, regard, forget*), желания и намерения (*intend, want, wish, mean, determine*), а также описывающие чувства и состояния (*feel, please, enjoy, impress, annoy, suffer, delight*). Гораздо реже данное наречие употребляется рядом с глаголами физической активности (labour, fall). Это говорит о том, что преимущественно предположения высказываются относительно мыслей и чувств других людей.

Далее рассмотрим употребление наречия *evidently* по четырем хронологическим срезам. Как и в случае со словом *apparently*, к дискурсивным употреблениям мы относили те контексты, где *evidently* является синтаксически независимым элементом высказывания.

EVIDENTLY 1800-1849

Общее количество контекстов для данного хронологического среза – 2472. Из этого конкорданса была сформирована случайная выборка объемом 1000 контекстов. В Таблице 46 представлены количественные данные об употреблении слова *evidently* как наречия или как дискурсивного маркера эпистемической оценки.

Таблица 46. Употребление словоформы *evidently* с 1800 по 1849 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *evidently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	976	97,6 %
Дискурсивный маркер	24	2,4 %

В первой половине XIX века наречие *evidently* используется достаточно часто – относительная частота колеблется от 38,9 до 69,8 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Основной вариант употребления – наречное:

The boat instantly tacked, and crowding sail, as much as prudence would permit, steered across the harbor towards Governor's Island. But it had ***evidently*** *become an object of interest or curiosity to the French; their attention seemed wholly engrossed by it, and presently a boat was lowered to the water, and an*

officer, with several of the crew sprang into it, and rowed swiftly from the ship's side [Cheney H.V. The Rivals of Acadia. An Old Story of the New World, 1827].

В ряде случаев в окружении наречия *evidently* появляются различные показатели предположительности (неопределенные местоимения, а также глаголы *seems, might*):

Her fancy was ***evidently*** *feasting on* ***some*** *vague hope of seeing him again [Brooks M. Idomen, or The Vale of Yumuri, 1843].*

The President ***seems evidently*** *to be shaping his measures to make the army a part of the great Executive machine for political corruption which so powerfully contributed to make him what he is [Army Attack and National Defence].*

Случаи синтаксически независимого употребления *evidently* встречаются уже в этом периоде, и их можно назвать дискурсивными, поскольку их функция – выражение эпистемической оценки:

*"There is a note," said the man, handing a paper to me, with his strong countenance all illuminated," in which you have some concern. The writer wants to know you. Read it, and tell me what you think of it." "I read it. I was the subject of it. It had****, evidently,*** *been written for me to see. It was laboured and unnatural – no note at all. It was a piece of affected enthusiasm; full of powerful, but unmeaning words; without principle or feeling, or sincerity" [Neal J. Errata, or The Works of Will, 1823]*

The consummation so devoutly to be wished for, is a semper fugiens, to the Colonization Society, more evanescent than the silver cups at the end of the rainbow, and which leaves the silly arithmetician out of breath, and bewildered in his own pursuit. This, ***evidentl****y, is not the aspect of the Society on which its friends like best to dwell [Wright E. The sin of slavery and its remedy, 1833].*

Приведенные выше контексты демонстрируют употребление evidently в качестве маркера полной достоверности: у говорящих достаточно сведений, чтобы быть уверенными в достоверности их умозаключений.

Для данного периода употребление *evidently* в начальной позиции нехарактерно: в выборке встретилось всего два примера, только в одном из которых *evidently* было выделено запятой как вводное слово:

Evidently, *the personal and patriotic influences were very equally strong, to occasion such prompt fidelity, in his case, on the part of his followers [Simms W.G. The Life of Francis Marion, 1844].*

*The old, ay, perhaps the most common lesson of life, is disappointment. And now I ask, is it not an intended lesson****? Evidently*** *it comes in as an element in the Providential plan in which we are involved [Chapin E.H. The Crown of Thorns: a token for the sorrowing, 1847]*

Для данного хронологического среза зафиксирован единственный пример употребления *evidently* в качестве маркера проблемной достоверности в окружении других показателей предположительного характера информации:

If perchance he had been a cabinet-maker he would not have belonged to this upper crust, but would have taken his place with the under crust, albeit he ***might have been*** *in heart and head, hands and feet, the very identical Peter Peril, Merchant. There is,* ***evidently****,* ***some*** *profound and mysterious principle of gentility which, with all our observation, we have not yet been able to fathom, in buying a glass of rum and selling it again by the gill' across the counter to red-eyed topers [Ingraham J.Y. Paul Perril, the Merchant's Son].*

Таким образом, в первой половине XIX века слово *evidently* употребляется преимущественно как наречие. Однако также оно использовалось для указания на полную уверенность говорящего в достоверности информации. Как маркер проблемной достоверности слово *evidently* практически не использовалось.

EVIDENTLY 1850-1899

Во второй половине XIX века частота употребления слова *evidently* продолжает расти и достигает своего максимума – в 1870-е гг. она составляет 91 вхождение на 1 млн. словоупотреблений.

Таблица 47 представляет данные об употреблении слова *evidently* как наречия или как дискурсивного маркера эпистемической оценки во второй половине XIX века.

Таблица 47. Употребление словоформы *evidently* с 1850 по 1899 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *evidently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	920	92 %
Дискурсивный маркер	80	8 %

Для этого хронологического периода по-прежнему характерно употребления *evidently* в качестве наречия, выражающего уверенность говорящего в достоверности информации, поскольку ситуация воспринимается непосредственно через зрительный канал:

*Around the tent a number of bird's bones, as well as remnants of meat-canisters, led him to imagine that it had been inhabited for some time as a shooting station and a look-out place, for which latter purpose it was admirably chosen, commanding a good view of Barrow's Strait and Wellington Channel; this opinion was confirmed by the discovery of a piece of paper, on which was written, "to be called," – **evidently** the fragments of an officer's night orders [Osborn S. Stray Leaves from an Arctic Journal, 1852].*

*He **evidently** believes that it is in the power of Dewey to prove her guilty; and that if she makes any opposition to his application for a divorce, he will hold her up disgraced before the world [Arthur T.S. The Allen House, 1860]*

Доля контекстов, где *evidently* употребляется как маркер эпистемической оценки и выделяется как вводное слово, в этом

хронологическом срезе увеличивается. Есть еще одно изменение в синтаксическом поведении слова *evidently*: оно чаще занимает начальную позицию в высказывании, расширяя сферу своего действия на всю пропозицию. Если в выборке первой половины XIX века таких контекстов было всего 2, то в выборке второй половины этого столетия их уже 60, при этом количество контекстов, в которых *evidently* выделено запятыми внутри высказывания – всего 20.

"Wasn't that rather a stiff speech to make about his sister?" Jerry said, with a slight emphasis upon the last word, as she walked away, leaving Nina to wonder if she were displeased. ***Evidently*** *not, for a few minutes later she heard her whistling softly the air.*

The sad, rebuking earnestness with which the boy looked at me, when I said this, touched my feelings. He had, ***evidently****, expected more than a mere expression of sympathy; but I did not think it right to create any false hopes in his mind [Arthur T.S. Finger Posts on the Way of Life, 1853].*

Контексты, в которых *evidently* функционирует как дискурсивный маркер эпистемической оценки, преимущественно описывают мысли, желания, чувства или эмоции, а такие суждения почти всегда носят вероятностный характер. Поэтому можно говорить о семантическом сдвиге от маркера уверенности к маркеру проблемной достоверности. Интересно, что этот семантический сдвиг происходит и в некоторых контекстах, где *evidently* функционирует как наречие. Рядом с ним появляются другие показатели неполной уверенности говорящего (неопределенные местоимения, модальные глаголы с семантикой предположительности и др.):

The wagoner was walking with his horses, ***evidently*** *expecting some one [English T. Ambrose Fecit, or The Peer and the Printer, 1867].*

Henry lingered, holding my hand for a moment, and then, finding it impossible to shape the apology he had ***evidently*** *intended to make, abruptly left me, and joined the girls [Holland J.G. Arthur Bonnicastle: An American Novel, 1873].*

Таким образом, семантический сдвиг можно объяснить особенностью контекстов, в которых функционирует слово *evidently*, в частности, тем, что в значительном количестве случаев умозаключения авторов неизбежно носят вероятностный характер, поскольку описывают мысли, чувства или желания других людей.

EVIDENTLY 1900-1949

В первой половине XX века частота употребления слова *evidently* снижается, к концу данного хронологического среза она составляет 32,98 вхождений на 1 млн. словоупотреблений, что почти в три раза реже по сравнению с «пиковой» частотой во второй половине XIX века.

Таблица 48 представляет данные об употреблении слова *evidently* как наречия или как синтаксически независимого дискурсивного маркера эпистемической оценки в первой половине XX века.

Таблица 48. Употребление словоформы *evidently* с 1900 по 1949 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *evidently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	792	79,2%
Дискурсивный маркер	208	20,8%

В 168 контекстов (16,8% от общего количества контекстов в выборке для данного периода) *evidently* занимает первую позицию, в 40 – выделяется запятыми внутри предложения.

По-прежнему мы не можем говорить о том, что значение *evidently* окончательно сдвигается в сторону проблемной достоверности. Основное употребление и наречия, и дискурсивного маркера связано с выражением высокой степени уверенности говорящего в достоверности информации, на что дополнительно указывает слово *quite*:

On one question there had ***quite evidently*** *been disagreement for weeks and months: the "second front" attack on Western Europe [Time Magazine, No.6, 1942].*

Однако появляются и контексты, где *evidently* в начальной позиции используется в сочетании с другими показателями проблемной достоверности – модальными глаголами, наречиями с семантикой вероятности и др. и тем самым, также приобретает функцию маркера проблемной достоверности:

Evidently *the children considered that in Boston one* ***might*** *see strange creatures of every type, and Randy Weston had been privileged to see one of the largest [Brooks A. Randy and Her Friends, 1902].*

Evidently *he had no mind to try and torpedo the little craft, realizing,* ***perhaps****, that did he sink one the other would destroy him [Drake, R.L. The Boy allies Under the Sea, 1915].*

В таких контекстах говорящий делает акцент на эпистемической оценке, с помощью *evidently* указывая на то, что степень достоверности умозаключения достаточно высокая, но не полная.

EVIDENTLY 1950-1999

Данный хронологический период – время дальнейшего снижения частоты употребления *evidently*: по данным корпуса COHA, в течение второй половины XX века она падает с 25,50 вхождений до 8,79 вхождений на 1 млн. словоупотреблений.

Evidently не меняет своего «синтаксического поведения»: оно употребляется и как наречие, указывающее на то, что умозаключение говорящего основано на зрительном восприятии ситуации, и как дискурсивный маркер. Соотношение количества контекстов наречного и дискурсивного употребления *evidently* представлено в Таблице 49.

Таблица 49. Употребление словоформы *evidently* с 1950 по 1999 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *evidently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	668	66,8%
Дискурсивный маркер	332	33,2%

Данные таблицы 49 демонстрируют рост количества употреблений *evidently* в функции дискурсивного маркера по сравнению с более ранними хронологическими срезами.

Употребление наречия *evidently* по-прежнему связано либо с ситуациями непосредственного зрительного восприятия ситуации, например, при описании внешнего вида, мыслей или проявления эмоций другого человека:

Unlike Sally, ***she evidently thought*** *highly of make-up, and used a great deal of it [Kauffmann L. The Perfectionist, 1954].*

Baryshnikov, ***evidently impressed*** *by her determination, walked over and danced next to Minnelli, counting the beats slowly and marking the steps to make sure that she reached the right spot at the right moment [New Yorker, January 14th, 1980].*

Второй тип контекстов, в которых употребляется наречие evidently, – это умозаключения говорящего, основанные на уже имеющемся знании о ситуации:

A university student came to one of the local apartment buildings to buy marijuana and was robbed. He filed a police report. We imagined his logic-how dare these people rob me while I'm here doing business?! He ***evidently saw*** *our homes as his drug shopping center [Christian Century, March 3rd, 1999].*

Далее рассмотрим функционирование *evidently* как дискурсивного маркера. Во второй половине XX века употребление *evidently* возможно как показателя уверенности говорящего в достоверности сообщаемого (это употребление является, по сути, эвиденциальным: говорящий подтверждает правильность умозаключения, указывая далее на источник знания о ситуации) или как показателя проблемной достоверности (это употребление

является выражением эпистемической оценки). Разграничение этих двух типов употребления становится возможным на основе анализа общей семантики высказывания, а также благодаря наличию в высказывании других сигналов эвиденциальности (например, прямого указания на непосредственное восприятие ситуации или источник, из которого получена информация) или эпистемической оценки (на проблемную достоверность могут указывать модальные глаголы или наречия с семантикой сомнения).

Эвиденциальное употребление характерно для ситуаций, в которых говорящий может высказывать вероятные предположения о том, как развивались события или об эмоциях, проявления которых можно наблюдать зрительно:

Evidently, *Vincent Gallo' s door once secured a safe, but now its rusty surface serves as the ground for the ghost of a still life called "Big Tall Wish" – two scarcely perceptible bowls of blue fruit reposing on a table and a chair, respectively [New York Times, 1985].*

Danestar had the streets along two sides of the building under observation, and nothing had been in sight there. ***Evidently,*** *the thing had approached through an adjacent building. Without warning, it erupted from an upper corner of the room, swept down toward them [Schmitz J.H. Pride of Monsters, 1970].*

Kazz had tried to talk to her, but her hutmate, who did have a mark on his head, had taken the woman away. ***Evidently, he was jealous*** *[Farmer P. Dark Design, 1997].*

Для эвиденциального употребления характерно, что сферой действия дискурсивного маркера *evidently* является вся пропозиция.

Эпистемическое употребление *evidently* касается преимущественно описания намерений, желаний или мыслей других людей:

Tom Mount, ***evidently thinking someone wanted to speak to him****, turned around [West J. South of Angels, 1960].*

Evidently someone wanted *to sabotage the towing operation, but why? [Wheeler R.L. That Sleeper in the heart, 1999]*

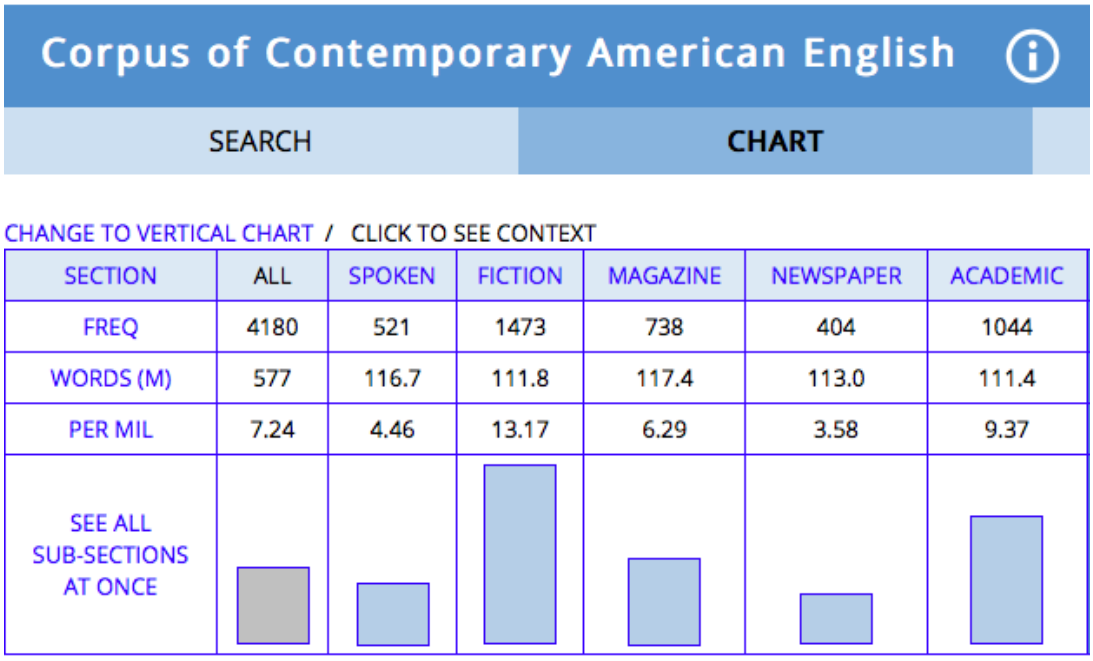
Еще один тип контекстов, в которых *evidently* употребляется как маркер проблемной достоверности – это случаи, когда говорящий классифицирует некоторый объект, но по каким-то причинам не может быть полностью уверен в правильности своего решения. В таких контекстах *evidently* используется как вводное слово рядом с именной группой, называющей и классифицирующей объект:

In the foreground, walking away from the pink bus station, one sees a young man in a Western-style suit, followed by a barefoot old man in loincloth and shirt with a yoke over his shoulder and a box hanging from each end. Then comes ***a village woman, evidently his wife****, carrying a large bundle wrapped in a chitenge on her head [African Arts, 1997].*

Таким образом, можно говорить о двух тенденциях в употреблении слова *evidently*: во-первых, во второй половине XX века оно используется гораздо реже, чем в предыдущие периоды. Во-вторых, меняется функциональная нагрузка на два основных типа контекстов его употребления: растет доля контекстов, в которых *evidently* используется как дискурсивный маркер.

EVIDENTLY 2000-2017 (по данным корпуса COCA)

Корпус COCA позволяет нам посмотреть, как распределяются контексты употребления слова *evidently* по различным модусам и сферам коммуникации. Информация о частоте встречаемости *evidently* в устной речи и текстах, относящихся к различным сферам коммуникации, представлена на рис. 17.



SECTION	ALL	SPOKEN	FICTION	MAGAZINE	NEWSPAPER	ACADEMIC
FREQ	4180	521	1473	738	404	1044
WORDS (M)	577	116.7	111.8	117.4	113.0	111.4
PER MIL	7.24	4.46	13.17	6.29	3.58	9.37

Рис. 17. Распределение употреблений слова *evidently* по различным модусам и сферам коммуникации в 2000- 2017 гг. по данным корпуса COCA

Рис. 17 демонстрирует очевидное «тяготение» слова *evidently* к художественной (13,17 вхождений на 1 млн. словоупотреблений) и академической коммуникации (9,37 вхождений). Реже всего это наречие встречается в устной речи и газетных статьях.

Далее данный хронологический срез исследовался на материале корпуса COCA. Выборка составила 1000 контекстов.

Частота использования слова *evidently* с 2000 года продолжает снижаться. В 2015-2017 гг. она составляет только 5,14 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. По-прежнему *evidently* используется и как наречие, и как синтаксически независимый дискурсивный маркер в начальной, финальной позиции, а также внутри высказывания.

Соотношение количества контекстов наречного и дискурсивного употребления *evidently* представлено в Таблице 50.

Таблица 50. Употребление словоформы *evidently* с 2000 по 2017 гг. по данным корпуса COCA

Частеречная принадлежность словоформы *evidently* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	679	67,9%
Дискурсивный маркер	321	32,1%

Данные таблицы 50 отражают тенденцию к увеличению функциональной нагрузки на дискурсивное употребление *evidently*. Далее мы проанализируем только функционирование слова *evidently* в качестве дискурсивного маркера.

Как и в предыдущие периоды, для *evidently* характерно употребление и как маркера уверенности, и как маркера неполной уверенности говорящего в достоверности информации. По нашему мнению, это связано с тем, что *evidently* выражает одновременно и эпистемическую оценку, и эвиденциальное значение. В тех случаях, когда эвиденциальный компонент преобладает (например, в высказывании есть придаточное предложение, в котором содержится обоснование для умозаключения), говорящий использует *evidently* как маркер уверенности. Однако если для говорящего важна эпистемическая оценка, то рядом с *evidently* появляются другие показатели неполной уверенности в достоверности (наречия с семантикой сомнения, например, *perhaps*, или модальные глаголы с семантикой предположительности).

Как показатель уверенности в правильности собственного умозаключения *evidently* сопровождается доказательствами, подтверждающими правоту говорящего. Эти доказательства вводятся придаточными предложениями с союзами *for* и *since*:

The author of the Liaoning Water Mill might be a good painter in his own right, but ***evidently, since*** *he could not explain the mechanism of the mill accurately, he was not an architect or engineer [Art Bulletin, 2002].*

"Let us help you look anyway," I begged. "Bless your hearts, go ahead and search the place. I only hope you're both as good of a detective as you think you are," she said. Well, we weren't ***evidently, for*** *though we looked everywhere, we couldn't find that bonnet [Cavanah F. Adventures at the fair, 2000].*

Как было упомянуто выше, употребление *evidently* как маркера проблемной достоверности часто сопровождается появлением неопределенных местоимений и других указателей на неполную уверенность говорящего в истинности сообщаемого:

*"Facers? Somebody is attacking Facers?" "****Evidently somebody*** *injected Percival L. Sphynxeye with an exotic meningeal virus,* ***possibly*** *a hybrid of Mars fossil RNA with Earth pathogens". [Turzillo M.A. An Old-Fachioned Martian Girl, 2004]*

Evidently*, Peeps and Haxel had been conversing privately without my knowledge or approval, and* ***it seemed*** *that "angel" technology was up to something teleportation-ish [Rajnar V. Doctor Alien and the Spindles of Infinity, 2012].*

Evidently как маркер проблемной достоверности может также употребляться и внутри высказывания, если говорящий высказывает предположение о некотором положении дел:

Garcia was 53 at the time of his death, which, despite the psychedelic rock legend's struggles with drug addiction and his weight, meant that many fans – ***and, evidently, Wall Street traders*** *– were taken aback by the news [Business Insider, September 8th, 2016].*

In his memoirs, Khrushchev wrote that he came away " generally pleased " at finding JFK to be "interested in... avoiding conflict with the Soviet Union." So pleased, ***evidently****, that two months later the Communists laid down barbed wire and began to erect the Berlin Wall [Muravchik I. Obama's "Talking" Cure, 2008].*

В современном американском варианте английского языка *evidently* может использоваться и как сигнал проблемной достоверности классификации объекта:

Alfie had had many weaknesses. ***His heart, evidently****. Cashmere socks. Anything gold and engraved. And chorus girls [Chance M. Come hell or highball, 2016].*

In Ethel's clenched hand were some fibres of green and yellow, light blue and rose, also dark blue, ***evidently wool****, and some "pointed" hairs of a golden hue [Hay E.Chatelaine, 2011].*

Необходимо отметить, что такие употребления более характерны для слова *apparently*, чем для *evidently*.

На рис. 18 представлен график, отражающий изменения в функциональной нагрузке на наречное и дискурсивное употребление слова *evidently*. Изменения в употреблении сходны с изменениями у слова *apparently*: начиная с XX века наблюдается тенденция к снижению доли наречных употреблений и одновременный рост использования *evidently* в функции дискурсивного маркера эпистемической оценки.

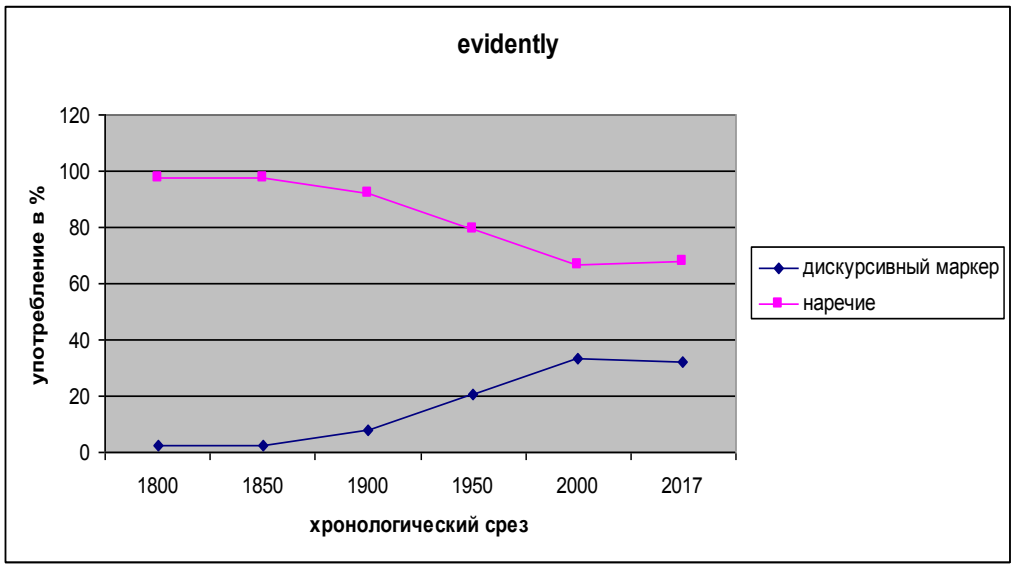


Рис. 18. Употребление слова *evidently* в различных типах контекстов с 1800 по 2017 гг.

Таким образом, в современном употреблении растет доля контекстов, в которых *evidently* употребляется как дискурсивный маркер, что проявляется в

его синтаксической независимости, в возможности употребления его как внутри высказывания, так и в начальной или конечной позиции в качестве вводного слова. Такие контексты, как правило, – это умозаключения говорящего о некотором положении дел, эмоциональном состоянии, желаниях или намерениях персонажа. При этом как дискурсивный маркер *evidently* может выражать значение эвиденциальности, которое связано с непосредственным зрительным восприятием ситуации и отражает уверенность говорящего в правильности (достоверности) умозаключения, либо эпистемическую оценку, и в таком случае с помощью *evidently* говорящий указывает на то, что, возможно, его умозаключение не является достоверным.

3.3. Наречие *seemingly* как дискурсивный маркер проблемной достоверности

Согласно *Online Etymological Dictionary*, этимология глагола *seem*, от которого образовано наречие *seemingly*, восходит к древненорвежскому *soema – "to honor; to put up with; to conform to (the world, etc.)"*. С XIII века глагол *seem* употреблялся в значении *"to appear to be"*, с XIV века – в значении *"to be fitting, be appropriate, be suitable"*. Отмечается также, что современное употребление данного глагола ближе к его этимону [Online Etymology Dictionary, https://www.etymonline.com].

Согласно The Cambridge English Dictionary, в современном английском языке наречие *seemingly* употребляется в двух значениях:

1. Appearing to be something, especially when it is not true.

2. According to the facts that you know [The Cambridge English Dictionary, электронный ресурс].

Оба значения указывают на то, что наречие используется в тех случаях, когда говорящий подозревает, что объект не является тем, чем или кем представляется на первый взгляд, либо когда информация получена говорящим на основе уже имеющегося знания.

Словарь Collins English Dictionary выделяет наречное и сентенциальное употребления слова seemingly:

Seemingly

adverb

1. in appearance but not necessarily in actuality

sentence modifier

apparently; as far as one knows [Collins English Dictionary, электронный ресурс].

В качестве примера второго употребления словарь приводит фразу *seemingly, he had few friends left*, где seemingly функционирует как синтаксически независимое вводное слово. Таким образом, можно говорить о том, что наречие *seemingly* на шкале достоверности находится дальше от полюса уверенности, чем, например, наречия *obviously* и *evidently*.

В таблице 51 и на графике (рис. 19) представлены данные об абсолютной (FREQ) и относительной (PER MIL) частоте вхождений наречия *seemingly* в корпус COHA с шагом в 10 лет.

Таблица 51. Употребление слова *seemingly* с 1800 по 2000 гг. по данным корпуса COHA

Год	Абсолютная частота	Кол-во словоформ в текстах, млн.	Относительная частота
1810	8	1,2	6,77
1820	73	6,9	10,54
1830	226	13,8	16,41
1840	276	16	17,2
1850	282	16,5	17,12
1860	182	17,1	10,67
1870	181	18,6	0,75
1880	257	20,3	12,65
1890	221	20,6	10,73
1900	308	22,1	13,94
1910	359	22,7	15,81
1920	357	25,7	13,92
1930	326	24,6	13,25
1940	270	24,3	11,09
1950	361	24,5	14,71

1960	366	24	15,26
1970	397	23,8	16,67
1980	465	25,3	18,37
1990	575	27,9	20,58
2000	626	29,6	21,17

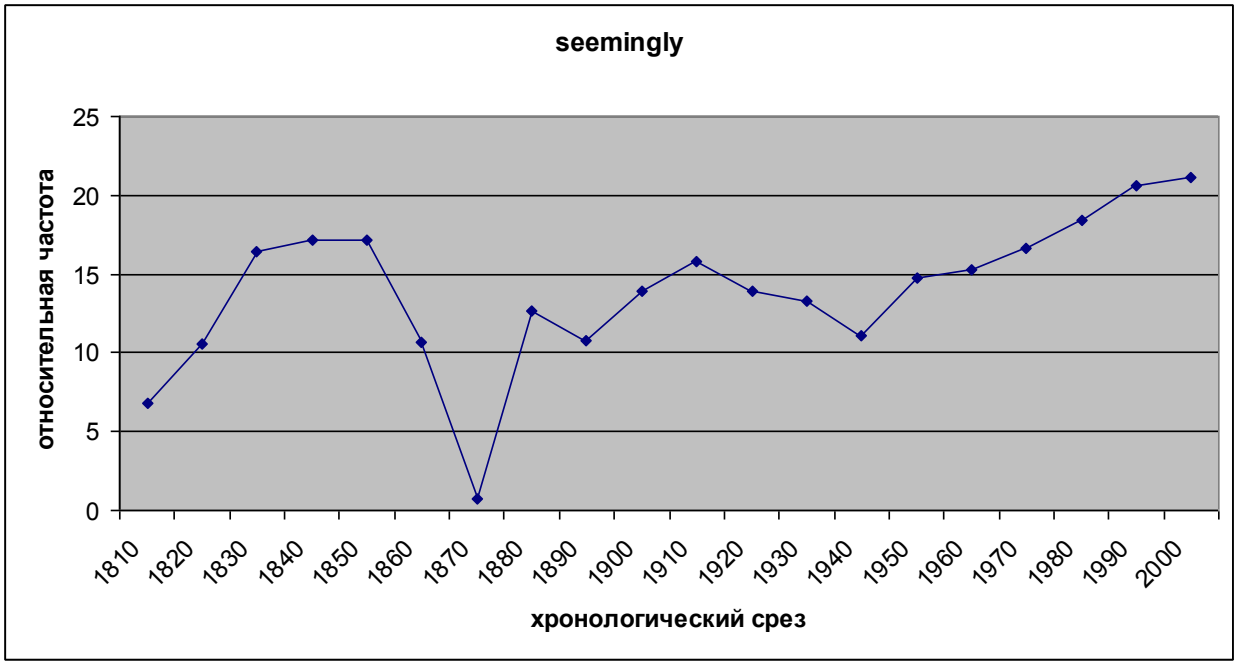


Рис. 19. Частота употребления наречия *seemingly* по данным корпуса COHA

Слово *seemingly* употребляется реже других наречий с семантикой вероятностной оценки – максимальная относительная частота составляет только 21,17 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Этот факт может быть объяснен параллельным существованием конструкции *it seems*, которая во всех хронологических срезах используется чаще (функционирование этой конструкции описано в следующем разделе работы). Тем не менее, *seemingly* представляет интерес для нашего исследования, поскольку это наречие также относится к группе наречий, обозначающих вероятность события и можно предположить, что, как и другие слова этой лексико-семантической группы, может развивать дискурсивное значение.

Далее проанализируем функционирование слова *seemingly* в пяти хронологических срезах.

SEEMINGLY 1800-1849

В первой половине XIX века наречие *seemingly* употребляется редко – относительная частота составляет от 6,77 вхождений в первое десятилетие века до 17,20 вхождений в 1840-е гг.

Как и в случае с наречиями *apparently* и *evidently*, можно говорить о двух типах контекстов, в которых употребляется слово *seemingly*: как наречие и как синтаксически независимое вводное слово. Как наречие *seemingly* синтаксически связано с прилагательными, причастиями и глаголами. Употребление в качестве вводного слова можно считать дискурсивным, поскольку *seemingly* является маркером проблемной достоверности. Говорящий с его помощью оценивает свое знание о ситуации как вероятное, но не полностью достоверное. Частота употребления *seemingly* в двух типах контекстов в первой половине XIX века представлена в Таблице 52.

Таблица 52. Употребление словоформы *seemingly* с 1800 по 1849 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *seemingly* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	936	93,6%
Дискурсивный маркер	64	6,4%

Наречное употребление *seemingly* характерно для контекстов, в которых описывается эмоциональное, когнитивное или физическое состояние персонажа:

The victim heard the words, and, with something like an effort at a laugh, though ***seemingly in great agony****, exclaimed – "Ah, Munro, is that you?" [Simms W.G. Guy Rivers: A Tale of Georgia, 1834]*

A woman who was going, with two infant children, to meet her husband at the south, had been seated all the night upon deck, with her two little ones clasped

to her breast, ***seemingly unconscious of the storm*** *which beat upon her head [Briggs C. The Adventures of Harry Franco, 1839]*

As he sat there motionless and ***seemingly asleep****, a light footfall was heard in the apartment and his daughter stood before him [Flagg E. Edmond Dantés, 1844]*.

Дискурсивное употребление слова *seemingly* характерно преимущественно для описания эмоциональных состояний:

Sometimes, indeed, the bass would approach close to your feet, in couples, and gaze upon you, ***seemingly, with curiosity and alarm****! [North American Review, 1846]*

The effect of these potations on him was electrical. He had a long face, with a snipe-like nose, which was subject to a nervous twitching whenever its owner was excited. It now danced about, ***seemingly, all over his face, while his naturally cadaverous countenance, under the excitement, turned to a glowing red, and his small ferret eyes looked both dignified and dancing, merry and important*** *[Thomas F. Sketches of the Character, and Tales Founded on Fact, 1849]*.

Такое употребление связано, с одной стороны, с тем, что говорящий может непосредственно наблюдать проявления ярких эмоций (любопытства, тревоги, эмоционального возбуждения), но при этом его оценка носит вероятностный характер, на что указывает вводное *seemingly*. Отметим также, что как вводное слово, выделенное пунктуационно, *seemingly* встречается только в середине высказывания и не используется в начальной или в финальной позиции. Сферой действия *seemingly*, таким образом, является только та часть высказывания, где описывается эмоциональное состояние персонажа.

SEEMINGLY 1850-1899

Во второй половине XIX века частота употребления слова *seemingly* неравномерна: она колеблется от 17,12 вхождений на 1 млн. словоформ в 1850-е гг. до 9,75 вхождений в 1870-е. Как и в предыдущий период, *seemingly*

употребляется в двух типах контекстов, однако случаев его использования в функции дискурсивного маркера в два раза меньше. Данные о частоте употребления *seemingly* в двух типах контекстов во второй половине XIX века представлены в Таблице 53.

Таблица 53. Употребление словоформы *seemingly* с 1850 по 1899 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *seemingly* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	966	96,6%
Дискурсивный маркер	34	3,4%

Как и в предыдущем хронологическом срезе, контексты, где *seemingly* выделено как вводное слово и выполняет функцию маркера проблемной достоверности, тематически связаны с описанием эмоционально-психологического состояния персонажа:

I was an accursed man – truly accursed, and miserably desolate. I still sat, stolid, ***seemingly****, as the insensible chair which sustained me, when Kingsley came in [Simms W.G. Confession, or, the Blind Heart, 1856].*

There was a new light in the young man's eye. A soul awakened there. A purpose, better than any plan or hope of a mere happy living in the earth. He met his old friends frankly, generously; and, ***seemingly****, without a pang [Whitney A.D.T. Faith Gartney's Girlhood].*

Есть также несколько контекстов, в которых *seemingly* занимает начальную позицию в высказывании:

Seemingly *he gave her every chance that she could desire, and while he scarcely made any effort to seek her society, she noted with secret satisfaction that he often appeared as if accidentally near her, and that he ever made it the easiest and most natural thing in the world for her to join him [Roe E.P. Taken Alive, 1892].*

Таким образом, во второй половине XIX века *seemingly* употребляется преимущественно как наречие образа действия и не подвергается активному процессу прагматикализации.

SEEMINGLY 1900-1949

В первой половине XX века относительная частота слова *seemingly* колеблется от 11,09 до 15,81 вхождения на 1 млн. словоупотреблений. В большинстве случаев *seemingly* употребляется как наречие; 8% контекстов в выборке данного периода составляют его дискурсивные употребления. Данные о функциональной нагрузке на наречное и дискурсивное употребления слова seemingly приведены в Таблице 54.

Таблица 54. Употребление словоформы *seemingly* с 1900 по 1949 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *seemingly* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	920	92 %
Дискурсивный маркер	80	8 %

Интересно, что в данном хронологическом срезе *seemingly* проявляет больше свойств, характерных для дискурсивной единицы: оно употребляется не только в середине, но и в начале высказывания:

Seemingly, *the rate to the more distant point may contribute something less than a full proportionate share of return upon investment and thus theoretically be less than a greater rate to an intermediate point [Ellingwood A.R., Coombs W. The Government and Railroad Transportation, 1930].*

Утверждения, предположительный характер которых маркируется дискурсивом *seemingly*, касаются не только эмоционального или физического состояния объекта, но и некоторого положения дел:

All ruling systems make one last and, ***seemingly,*** *avoidable error, and then all their good intentions and great achievements go for nothing [Brogan D.W. Paradise lost – or mislaid? The dilemma of the American rich, 1934].*

Seemingly, *care was taken to build in such a manner that each outer face should be vertical, and in a straight line from corner to corner; but the inner side was left rough and irregular according to the shape and size of the blocks, no attempt being made to even it up [Fowke G. Archeological Investigations. Bureau of American Ethnology, Bulletin 76, 1922].*

Таким образом в данном хронологическом срезе можно отметить наличие нескольких признаков прагматикализации (употребление в начальной позиции, тематическое расширение контекстов), однако невысокая частотность употребления *seemingly* в качестве дискурсивного маркера на фоне наречного не позволяет говорить об активном протекании процесса прагматикализации.

SEEMINGLY 1950-1999

Во второй половине XX века относительная частота употребления слова *seemingly* растет с14,71 до 20,58 вхождений на 1 млн. словоупотреблений. Данные о функциональной нагрузке на наречие *seemingly* и сентенциальное обстоятельство *seemingly* приведены в Таблице 55.

Таблица 55. Употребление словоформы *seemingly* с 1950 по 1999 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *seemingly* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	958	95,8%
Дискурсивный маркер	42	4,2%

Несмотря на рост относительной частоты употребления, количество контекстов, в которых *seemingly* используется в функции дискурсивного маркер, уменьшилось по сравнению с первой половиной XX века. *Seemingly* используется как маркер проблемной достоверности в начале или внутри высказывания, при этом, как и в предыдущие периоды, оценка касается либо эмоционального состояния, либо некоторого положения вещей. Приведем несколько примеров:

He would never admit it, but it would have helped if the boy would have been at the creek when day was dying – when, ***seemingly****, activity was needed most [Yolen J. Xanadu, 1993].*

Seemingly, *after about twenty minutes, all the frenetic activity, the replications of the original strand several thousand times into big wriggling "sausages", ceased [McCaffrey A. Dragonsdawn, 1988].*

Nevertheless, TASS later complained that the meeting had been orchestrated "in such a way as to make it appear that the President ran into the eleven-year-old girl by chance". ***Seemingly****, Moscow's decision to send Katya on the peace mission did not much dampen even the war of words and innuendo [Time Magazine, April 14th, 1986].*

Наречное употребление *seemingly* связано, прежде всего, с описанием состояний или качеств:

Also ***seemingly unchanged*** *– indeed, through much of Russian history – is the fact that active dissent is the province of a relative few [Christian Science Monitor, 1983].*

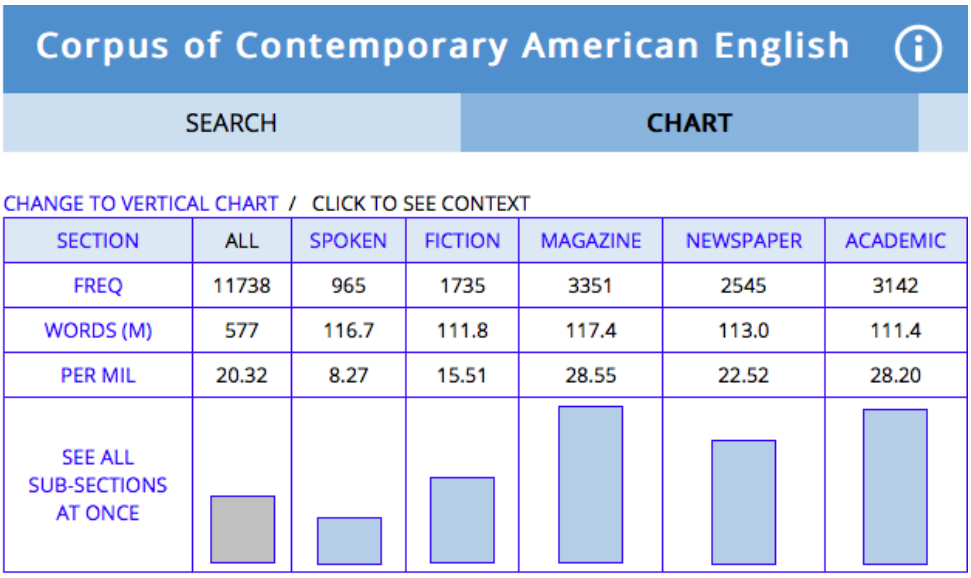
For a moment the general stared at Kim, transfixed by a flood of contradictory emotions – shocked by Kim's bald, calm, assured words, elated at the thought of the People's Army being unleashed on its enemies after nearly forty years of ***seemingly endless waiting****, and dismayed by the prospect of possible defeat [Bond L. Red Phoenix, 1989].*

Уменьшение доли употреблений в роли дискурсивного маркера позволяет говорить о том, что *seemingly* не подвергается процессу

прагматикализации и употребляется в функции дискурсивного маркера в очень небольшом количестве случаев.

SEEMINGLY 2000-2017

Анализ современного употребления слова *seemingly* проводился на материале выборки (1000 контекстов) из корпуса COCA. На рис. 20 представлена информация об употреблении слова *seemingly* в устной речи и различных типах текстов: художественных, публицистических (журналы и газеты) и научных.



SECTION	ALL	SPOKEN	FICTION	MAGAZINE	NEWSPAPER	ACADEMIC
FREQ	11738	965	1735	3351	2545	3142
WORDS (M)	577	116.7	111.8	117.4	113.0	111.4
PER MIL	20.32	8.27	15.51	28.55	22.52	28.20

Рис. 20. Употребление слова *seemingly* в устной речи и различных типах текстов с 2000 по 2017 гг. по данным корпуса COCA

Наиболее характерно употребление *seemingly* в журнальных статьях и научных текстах. Устная речь – наименее «востребованный» модус для данного наречия: его относительная частота здесь в 3 раза ниже, чем в журнальных статьях и научных публикациях.

Частота употребления слова *seemingly* в данный период составляет около 20 вхождений на 1 млн. словоупотреблений, что говорит о низкой востребованности данной лексемы.

Распределение употреблений по выделенным нами типам контекстов представлено в Таблице 56.

Таблица 56. Употребление словоформы *seemingly* с 2000 по 2017 гг. по данным корпуса COCA

Частеречная принадлежность словоформы *seemingly* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	984	98,4%
Дискурсивный маркер	16	1,46%

Конкорданс употреблений слова *seemingly* с 2000 по 2017 гг. позволяет говорить об «устойчивости» данной словоформы к процессу прагматикализации, поскольку доля дискурсивных употреблений в этот период снижается до 1,46%.

Наречное употребление характерно для всех жанров и типов текстов. В большинстве случаев *seemingly* синтаксически связано либо с прилагательным, либо с причастием:

You can see what seems to be this ***seemingly endless*** *flow of people just behind law enforcement [CNN, August 17th, 2017].*

If that seems finicky, consider another ***seemingly miraculous*** *treatment for bad knees: arthroscopy, in which cartilage damaged by osteoarthritis is scraped away [Saturday Evening Post, November / December, 2014].*

Дискурсивное функционирование *seemingly* в 2000-2017 гг. – достаточно редкое явление, характерное преимущественно для публицистических и научных текстов, где оно может смягчать категоричность высказывания:

Seemingly, *on a daily basis the media report on unethical behaviors and character issues among athletes in male, varsity, team, and contact sports [Physical Educator, Vol. 67, 2010].*

На рис. 21 представлен график, демонстрирующий устойчивое поведение *seemingly*: с течением времени функциональная нагрузка на два типа контекстов остается практически неизменной, а в современном

употреблении практически не фиксируется случаев его дискурсивного употребления.

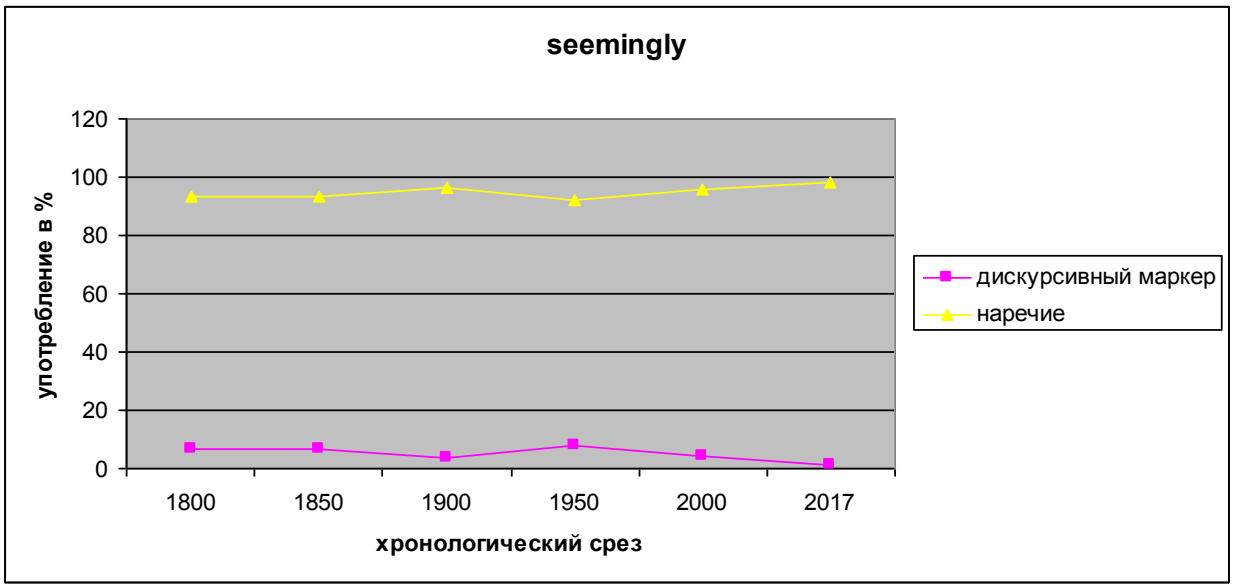


Рис. 21. Наречное и дискурсивное употребление слова *seemingly* в американском варианте английского языка с 1800 по 2017 гг.

Таким образом, наречие *seemingly* не подвергается прагматикализации. Объяснением этому факту может служить параллельное использование конструкции *it seems*, функционирование которой будет рассмотрено далее. Кроме того, низкая относительная частота также может служить причиной невостребованности слова *seemingly* в функции дискурсивного маркера проблемной достоверности.

3.4. Конструкция *it seems* как дискурсивный маркер проблемной достоверности

В словаре Macmillan English Dictionary конструкция *it seems* толкуется как “used for saying that something appears to exist or to be true” [Macmillan English Dictionary, электронный ресурс].

Информация об абсолютной и относительной частоте использования этой конструкции с 1800 по 2000-е гг. представлена в Таблице 57 и на графике (рис. 22).

Таблица 57. Употребление слова *it seems* с 1800 по 2000 гг. по данным COHA

Год	Абсолютная частота	Кол-во словоформ в текстах, млн.	Относительная частота
1810	71	1,2	60,11
1820	501	6,9	72,32
1830	989	13,8	71,8
1840	1102	16	68,67
1850	1263	16,5	76,68
1860	1317	17,1	77,22
1870	1656	18,6	89,21
1880	1908	20,3	93,92
1890	1883	20,6	91,4
1900	1870	22,1	84,62
1910	1949	22,7	85,86
1920	1943	25,7	75,74
1930	1676	24,6	68,12
1940	1390	24,3	57,09
1950	1551	24,5	63,19
1960	1279	24	53,34
1970	1430	23,8	60,05
1980	1294	25,3	51,11
1990	1380	27,9	49,39
2000	1230	29,6	41,6

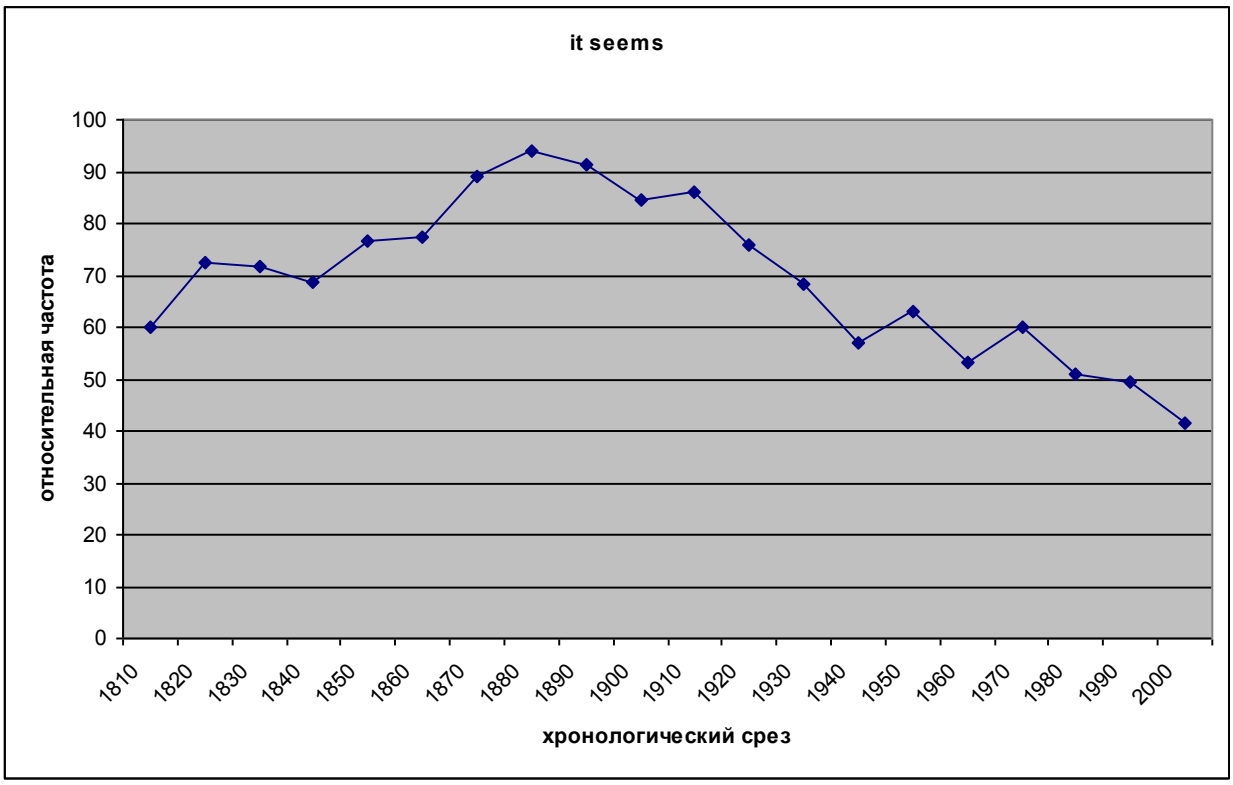


Рис. 22. Употребление конструкции *it seems* в американском варианте английского языка с 1800 по 2015 гг. по данным корпуса COHA

Пик употреблений *it seems* приходится на вторую половину XIX века. В современном дискурсе его относительная частота практически вдвое ниже пиковой. Далее мы проанализируем, как функционирует данная конструкция в различные хронологические периоды.

IT SEEMS 1800-1849

Анализ конкорданса первой половины XIX века показывает, что уже в это время конструкция *it seems* используется в нескольких основных типах контекстов, которые различаются по своей грамматической структуре, лексическому наполнению и пунктуационному оформлению.

1. Как грамматическая основа предложения, в котором говорящий выражает свои субъективные ощущения, причем эти ощущения связаны с индивидуальным восприятием свойств объекта или же ситуация в целом оценивается говорящим как нетипичная, странная, неожиданная. В таком случае правым контекстом для *it seems* становится прилагательное:

It seems odd*, when Lovice wa'n't a perfessor herself, she should have drawed the most pious young men in the village, but she did: she had good Orthodox beaux, Free and Close Baptists, Millerites and Adventists, all on her string together; she even had one Cochranite, though the sect had mostly died out [Poe E.A. The Fall of the House of Usher, 1839].*

В эту же группу можно отнести достаточно редкие контексты, в которых описывается ситуация, воспринимаемая зрительно:

What means upon the waters that red light? ***Not bigger than a star it seems****: And, now, 't is like the bloody moon: And, now, it shoots in hairy streams Its light! [Dana R.H. Poems and Prose Writings, 1833]*

В приведенном примере субъективная оценка свойств объекта осуществляется говорящим на основе увиденного, однако в силу некоторых причин даже информация, полученная с помощью зрения, не является для говорящего окончательно достоверной.

2. Употребление *it seems* с инфинитивом. Говорящий, как и в предыдущих случаях, выражает собственные субъективные ощущения ситуации:

It seems to require *no pains to prove that the states ought not to prefer a national constitution, which could only be kept in motion by the instrumentality of a large army, continually on foot to execute the ordinary requisitions or decrees of the government. [Hamilton A. et al. The Federalist, on the new Constitution, 1817].*

Конструкция *it seems + inf* может быть использована и для оценки эмоционального состояния:

We shall gain it, I am confident, before our man, who ***seems to be taking*** *it easily [Simms G.W. Guy Rivers: A Tale of Georgia, 1834].*

Отметим, что употребление в контекстах оценки эмоционального состояния типично для словоформ, развивающих значение дискурсивных маркеров проблемной достоверности.

3. Как грамматическая основа главного предложения – конструкции *it seems to me/us*, присоединяющей придаточное предложение при помощи союза *that* или в составе конструкции *it seems as if*:

Geoffrey draws on his boots to go through the woods, that his feet may be safer from the bite of snakes; Aaron never thinks of such a peril. In many years neither is harmed by such an accident. Yet ***it seems to me that*** *with every precaution you take against such an evil you put yourself into the power of the evil [Emerson R.W. Essays. First Series, 1841].*

There is something sad and terrible in the idea of snatching all this wealth from the devouring ocean, which had possessed it for such a length of years. ***It seems as if*** *men had no right to make themselves rich with it. It ought to have been left with the skeletons of the ancient Spaniards, who had been drowned when the ship was wrecked, and whose bones were now scattered among the gold and silver [Hawthorne N. Grandfather's Chair, 1842].*

Употребляя конструкции *it seems to me* или *it seems as if*, говорящий выражает субъективное представление о ситуации. В этом отношении данные примеры сходны с примерами из второй группы, однако они выделены в отдельную группу, поскольку такое употребление можно считать переходным к дискурсивному: компоненты *to me / to us / as if*, а также союз *that* могут быть опущены, в результате *it seems* становится синтаксически независимой вводной конструкцией.

В эту же группу можно отнести случаи субъективной оценки времени, когда *it seems* употребляется в конструкциях *it seems ages / age*:

“Ah, Julia, you have come at last,” she continued after a few moment’s pause, regarding Ellen. “Now lay your soft hand on my aching brow, ***it seems ages*** *since I felt it last.” [Bacon D.S. Tales of the Puritans, 1831]*

4. Как дискурсивный маркер проблемной достоверности, который может употребляться в начале, внутри или в конце предложения, имея своей сферой действия всю пропозицию:

Aha! You can talk to be understood now, ***it seems****! [Payne J.H. Accusation, 1817]*

Turning to the troop, which had been decorously attentive, he bade them follow, saying "Come on, boys – we shall have to do without the stranger; he does not fight, ***it seems****, for the fun of the thing. If Pippin was here, doubtless, we should have arguments enough from the pair to keep them in whole bones, at least, if nobody else" [Rivers G. A Tale of Georgia, 1834].*

Частота употребления *it seems* с 1800 по 1849 гг. в качестве дискурсивного маркера составляет 15,8%. Можно предположить, что источником ее появления является полнозначное употребление *it seems* в конструкции с местоимениями *me/us* и/или союзом *that*. Исходная семантика этой конструкции позволяет говорящему высказывать собственную субъективную оценку ситуации, а факультативность большинства компонентов конструкции *it seems to me that* позволяет повествователям сокращать ее до вводной конструкции *it seems*.

IT SEEMS 1850-1899

Во второй половине XIX века *it seems* продолжает употребляться в тех же типах контекстов. Приведем несколько примеров:

1. Употребление в качестве основы предложения в сочетании с прилагательным или причастием для выражения предположения относительно свойств объекта:

How very safe, commodious, manageable, and in every respect convenient are our modern balloons! Here is an immense one approaching us at the rate of at least a hundred and fifty miles an hour. ***It seems*** *to be crowded with people – perhaps there are three or four hundred passengers – and yet it soars to an elevation of nearly a mile, looking down upon poor us with sovereign contempt [Poe E.A. The Works of Edgar Allan Poe, 1855].*

2. Употребление в конструкциях *it seems + infinitive* для высказывания предположений об эмоциональном состоянии персонажа или качеств объекта:

He ***seems to take an interest*** *in you. Perhaps he would trust you with the money [Alger H. Paul the Peddler, 1871].*

At a distance ***the mountain seems to be harmless****, the blue outline of the lofty cone terminating in a dense bank of smoke, like storm clouds gathering around the snowy peaks of the distant Apennines; but when the adventurous tourist wishes to approach nearer to its blazing crater, and toils up its torn and blackened sides, he will see in the immense chasms and rents traces of might convulsions [O'Reilly A. Alvira, the Heroine of Vesuvius].*

Данное употребление также связано с предположительным характером сообщаемой информации. В этом смысле характерен второй пример: с одной стороны, повествователь опирается на данные, полученные с помощью зрения. Обычно такие данные принято считать наиболее достоверными, однако в данной ситуации по мере приближения к объекту (в данном случае – горе) зрительно воспринимаемая информация уточняется, и вблизи гора выглядит совсем не так безопасно, как с большого расстояния.

3. Употребление в конструкции *it seems to me / us that*

We were of all creeds and opinions, and generally tolerant of all, on every imaginable subject. Our bond, ***it seems to me****, was not affirmative, but negative [Hawthorne N. The Blithedale Romance, 1852].*

It seems to me that *the Mediterranean was never bluer than it is to-day [C.D. Warner. Saunterings, 1872].*

По-прежнему основная функция *it seems* – маркирование субъективного мнения говорящего относительно некоторой ситуации: вводя *it seems* или одну из конструкций с *it seems,* повествователь указывает на проблемную достоверность высказывания. Наиболее ярко эта функция проявляется в дискурсивном употреблении *it seems* как вводной конструкции.

4. Дискурсивное употребление

The owners of his ship, ***it seems****, had lent him one, in which to carry his heavy chest to his boarding house [Melville H. Moby Dick, or the Whale, 1851].*

"Well, old boy," he said, "you find your religion don't work, ***it seems****!" [Stowe H.B. Uncle Tom's Cabin, 1852].*

There are people who tell us that, on the side of the North, the question is not one of slavery at all. The North, ***it seems****, have no more objection to slavery than the South have. Their leaders never say one word implying disapprobation of it [Mill J.S. The Contest in America, 1862].*

Во второй половине XIX века каноническое дискурсивное употребление, когда *it seems* выделяется пунктуационно как вводная конструкция в начальной / финальной позиции либо внутри высказывания, отмечается в 10,1% контекстов. По сравнению с первой половиной XIX века отмечается снижение функциональной нагрузки на этот тип контекста.

IT SEEMS 1900-1949

В первой половине XX века на долю канонических дискурсивных употреблений *it seems* приходится 8,8% контекстов в выборке. Помимо эпистемической, данная конструкция выполняет функцию «смягчителя» категоричности суждения, особенно в тех случаях, когда используется внутри высказывания. В лингвистической прагматике такие «смягчители» называют *hedges*:

Dear, good Mother Eddy, ***it seems****, had a somewhat similar experience [The Atlantic Monthly, May, 1904].*

Since the test of whether the statement is of opinion or of fact lies not in what the critic secretly intended, but rather in what the hearer or reader understood, the question is for the jury, and, ***it seems****, should be presented to them by the court in the form: "Would a reasonable man under the circumstances have understood this to be a statement of opinion or of fact?" [The Atlantic Monthly, May, 1906]*

Употребления конструкции *it seems* в других типах контекстов в данном периоде сходно с предыдущими: в них она имеет как пропозициональное, так и эпистемическое содержание и используется для выражения сомнения относительно качеств и состояний объектов.

IT SEEMS 1950-1999

Во второй половине XX века конструкция *it seems* продолжает функционировать во всех типах выделенных контекстов, хотя частота ее употребления в этот период снижается и к концу века составляет только 41,6 вхождений на 1 млн. словоупотреблений (для сравнения – пиковая частота в 1880-е гг. составляла 93,92 вхождения). 10,3 % контекстов в выборке приходится на дискурсивное употребление в качестве маркера проблемной достоверности и «смягчителя»:

We are interested, ***it seems****, not in creating, but only in maintaining our comfortable, enviable life-style [Waller R.J. Slow Waltz in Cedar Band].*

Here the reporter" learned of the most intriguing development within Koch circles. The doctors themselves, ***it seems****, can't agree, and according to Palm and his right hand man, Russell Post, they didn't like "being pushed around by a bunch of ministers who were only after the money…" [Chicago Tribune, May 2nd, 1950]*

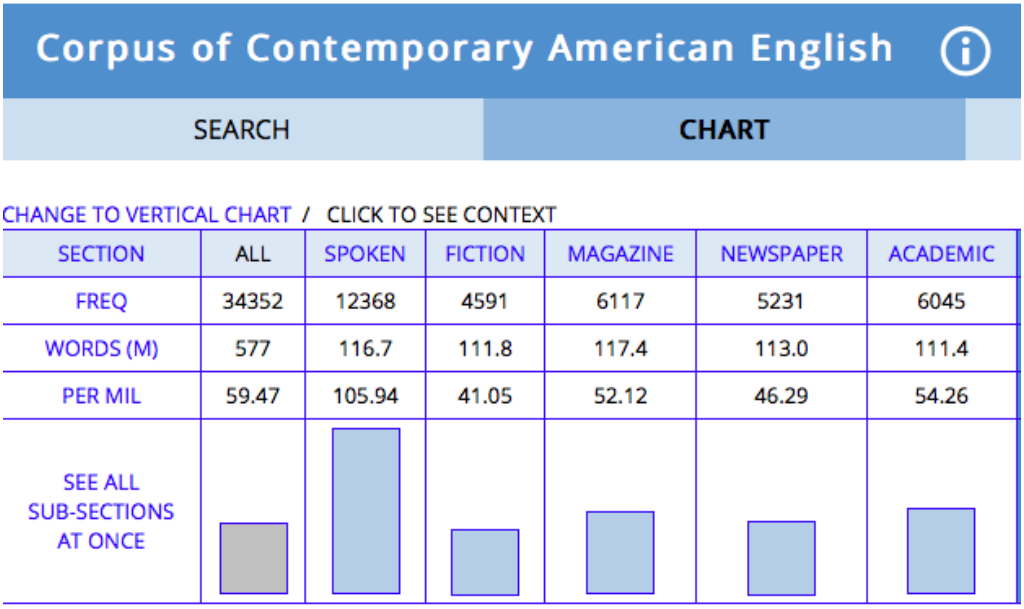
Анализ дискурсивных употреблений в XIX и в первой половине XX века позволял предположить, что синтаксически независимая вводная конструкция *it seems* будет использоваться в любой позиции в высказывании, однако во второй половине XX века преобладают контексты в которых интересующая нас конструкция находится внутри высказывания.

Употребления *it seems* в других типах контекстов сходны с предыдущими периодами.

IT SEEMS 2000-2017 по данным корпуса COCA

Выборка из 1000 контекстов для анализа употреблений конструкции *it seems* была получена из корпуса COCA.

На рис. 23 представлена информация о распределении употреблений конструкции *it seems* по двум модусам дискурса (устному и письменному) и различным типам текстов внутри письменного модуса (художественные, публикации в журналах и газетах, научный письменный дискурс).



SECTION	ALL	SPOKEN	FICTION	MAGAZINE	NEWSPAPER	ACADEMIC
FREQ	34352	12368	4591	6117	5231	6045
WORDS (M)	577	116.7	111.8	117.4	113.0	111.4
PER MIL	59.47	105.94	41.05	52.12	46.29	54.26
SEE ALL SUB-SECTIONS AT ONCE						

Рис. 23. Употребление конструкции *it seems* в устном и письменном дискурсе по данным корпуса COCA

Рис. 23 показывает явное тяготение данной конструкции к устной речи. В письменных текстах она встречается в 2-2,5 раз реже.

На дискурсивное употребление конструкции *it seems* в начале XXI века приходится всего 6,4% контекстов. Это позволяет говорить о том, что конструкция *it seems*, как и однокоренное наречие *seemingly*, «сопротивляется» процессу прагматикализации. Как и во второй половине XX века, в большинстве таких контекстов *it seems* используется внутри высказывания:

It's the high season for amusement-park pleasures – even, ***it seems****, on stage [Features, July 6th, 2012].*

В остальных типах контекстов *it seems* используется для смягчения категоричности или высказывания предположений о свойствах людей, объектов или явлений.

На рис. 24 представлена функциональная нагрузка на различные типы контекстов, в которых употребляется конструкция *it seems*. На графике дискурсивное употребление противопоставляется всем остальным типам контекстов. Очевидно, что дискурсивное употребление не является основным, более того, можно говорить о тенденции к снижению доли контекстов, в которых *it seems* употребляется как маркер эпистемической оценки.

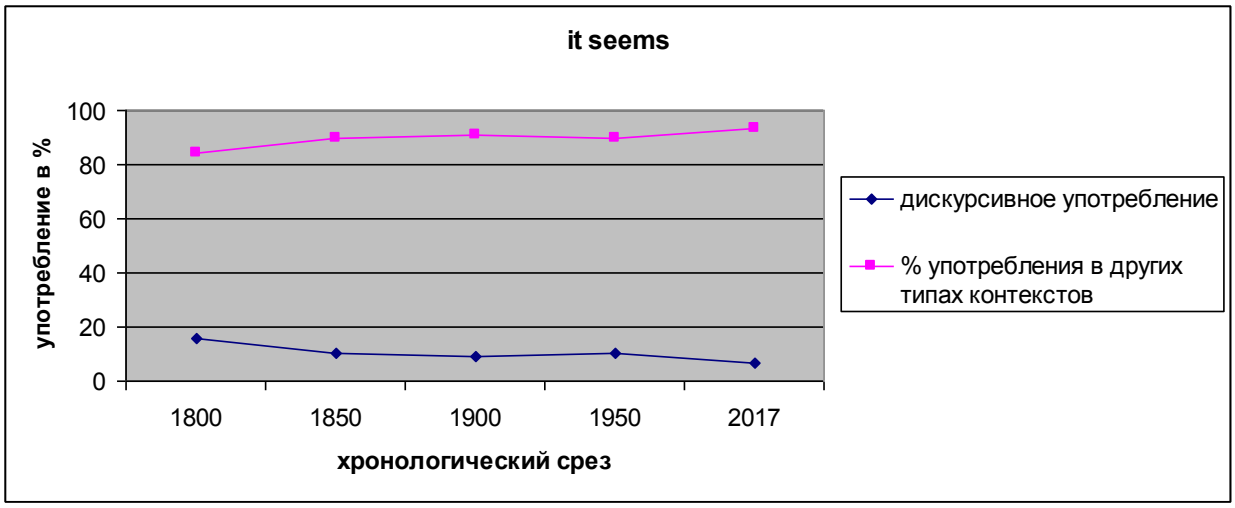


Рис. 24. Функциональная нагрузка на различные типы контекстов для конструкции *it seems* с 1800 по 2017 гг.

Таким образом, появление конструкции *it seems* как маркера проблемной достоверности могло быть результатом усечения конструкции *it seems to me that*. Ее использование в качестве дискурсивного маркера проблемной достоверности сопровождается утратой пропозиционального содержания. Помимо выражения эпистемической оценки *it seems* также функционирует как «смягчитель» категоричности высказывания, особенно в тех случаях, где речь идет об оценке качеств объекта. Ее нечастое использование в функции дискурсивного маркера можно объяснить исходной семантикой, в которой уже заложен компонент сомнения, следовательно, у конструкции, как и у наречия, нет необходимости развивать новое значение дискурсивного маркера проблемной достоверности.

3.5. Наречие *obviously* как дискурсивный маркер проблемной достоверности

Наречие *obviously* исторически восходит к латинскому *obvius* – *очевидный, стоящий на пути, видимый*. В свою очередь *obvius* произошло от наречия *obviam*, которое содержит приставку *ob* (*перед, напротив*) и *viam* – *вин. п. от via – путь*. Этимологические словари английского языка датируют первые появления наречия *obviously* в значении «явный, очевидный» 1630-ми гг. Таким образом, исторически *obviously* находится максимально близко на шкале достоверности к полюсу полной уверенности говорящего в истинности высказываемого суждения.

Современные толковые словари предлагают следующие варианты толкований:

Obviously

in a way that is clear for almost anyone to see or understand [Macmillan English Dictionary, электронный ресурс]

Obviously

1. in a way that is easy to see or understand; evidently
2. without subtlety
3. (*sentence modifier*) it is obvious that, clearly [Collins English Dictionary, электронный ресурс].

Таким образом, словари относят наречие *obviously* к средствам выражения уверенности.

Необходимо отметить, что семантические и дискурсивные свойства наречия *obviously* уже становились объектом изучения [Simon-Vandenbergen 2007, Barbaresi 1987]. Исследователи отмечают, что и в современном употреблении на шкале достоверности *obviously* максимально приближено к полюсу уверенности говорящего в достоверности его суждений.

В Таблице 58 и на графике (рис. 25) отображена информация об относительной частоте вхождения наречия *obviously* в корпус COHA с 1800 по 2000 гг. с шагом в десять лет.

Таблица 58. Употребление слова *it seems* с 1800 по 2000 гг. по данным корпуса COHA

Год	Абсолютная частота	Кол-во словоформ в текстах, млн.	Относительная частота
1810	10	1,2	8,47
1820	82	6,9	11,84
1830	239	13,8	17,35
1840	236	16	14,71
1850	133	16,5	8,07
1860	160	17,1	9,38
1870	232	18,6	12,5
1880	217	20,3	10,68
1890	281	20,6	13,64
1900	468	22,1	21,18
1910	605	22,7	26,65
1920	993	25,7	38,71
1930	1329	24,6	54,02
1940	1592	24,3	65,39
1950	1769	24,5	72,07
1960	1852	24	77,24
1970	1839	23,8	77,22
1980	1841	25,3	72,72
1990	1363	27,9	48,78
2000	1458	29,6	49,31

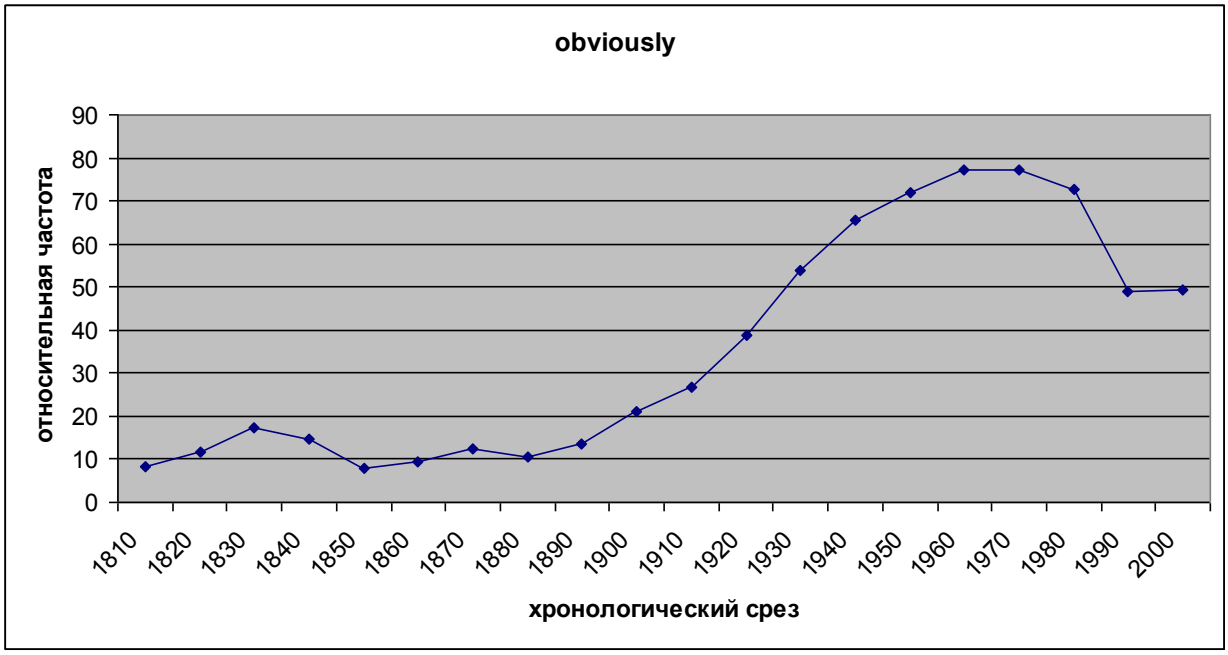


Рис. 25. Относительная частота наречия *obviously* с 1800 по 2000 гг. по данным корпуса COHA

График показывает динамику употребления слова *obviously*: если в XIX веке его частотность невысока (от 8,07 до 17,35 вхождений на 1 млн. словоупотреблений), то в XX веке частота его использования резко возрастает (максимально часто оно употребляется в 1960-1970-е годы – 77,2 вхождения).

Анализ сочетаемости слова *obviously* с 1800 по 2000 гг. показывает, что его предпочтительным окружением являются прилагательные и причастия. Десять наиболее частотных коллокатов – это *impossible* (109 вхождений), *intended* (89 вхождений), *pleased* (69 вхождений), *enjoying* (36 вхождений), *absurd* (36 вхождений), *relieved* (29 вхождений), *disturbed* (27 вхождений), *desirable* (26 вхождений), *unfair* (25 вхождений), *upset* (23 вхождения). Уже этот короткий список показывает, что *obviously* употребляется в описаниях эмоционального состояния, а также с прилагательными с яркими коннотативными компонентами значений (*impossible, unfair, absurd*).

Далее рассмотрим использование слова *obviously* в пяти хронологических срезах.

OBVIOUSLY 1800-1849

В первой половине XIX века слово *obviously* употребляется в двух типах контекстов: как наречие и как вводное слово. В выборке из 1000 контекстов на долю дискурсивное употребление приходится всего 36 контекстов, что говорит о невостребованности *obviously* в функции маркера проблемной достоверности. В тех контекстах, где *obviously* выделено как вводное слово, говорящие выражают уверенность в достоверности своих высказываний, ср. примеры:

The great object of the compiler was, ***obviously****, to make a book which would sell among a class of readers, with whom matter of fact is of secondary importance [North American Review, April, 1839].*

Three lines of writing and a date within, worked out, ***obviously****, with painful toil and a great variety of pens, explained the object of the small visiter, in a request that " Mr. P. Hopkins would favor Mr. H. Fishblatt with company at seven o'clock this (Thursday) evening, at the sign of the brass-plate and chimney-pots, as before; " giving him at the same time street and number [Mathews C. The Various Writings, 1843].*

В качестве наречия *obviously* употребляется как показатель полной уверенности говорящего в достоверности сообщаемого:

In the present chapter, we do not undertake to give an outline of the several Grecian states; but rather to delineate the general characteristics of the Grecian forms of government. Such a general investigation seems the more essential, as ***it would obviously be impossible*** *to analyze each one of them [Heeren A. Reflections on the politics of Ancient Greece].*

Mr. Stewart could not take this view of the subject because he unfortunately failed to perceive that the will of God was the real source of the moral law of nature. In attempting to trace the latter to a mysterious and imaginary cause, independent of, and superior to the great Creating Principle of the universe, he not only proposed to himself ***an obviously impracticable object****, but vitiated the foundation of his whole theory of ethics [North American Review, June 1830].*

Таким образом, мы можем говорить об очень слабой степени прагматикализации слова *obviously* в первой половине XIX века.

OBVIOUSLY 1850-1899

Во второй половине XIX века относительная частота употребления слова *obviously* продолжает оставаться невысокой – ее максимальное значение (13,64 вхождения на 1 млн. словоупотреблений) достигается только к концу столетия.

Obviously употребляется в двух типах контекстов: как наречие и как дискурсивный маркер высокой степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации. Данные о распределении функциональной нагрузки на эти типы контекстов представлены в Таблице 59.

Таблица 59. Употребление словоформы *obviously* с 1850 по 1899 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *obviously* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	894	89,4%
Дискурсивный маркер	106	10,6%

Наречие *obviously* чаще всего модифицирует прилагательное, причем, как показывают корпусные данные, большинство из этих прилагательных обладают ярко выраженной негативной коннотацией:

But in any case, if the educated classes can not hold their own with the uneducated by means of their superior physical, mental, and moral qualities, they are ***obviously unfit*** *to lead society [Atlantic Monthly. October, 1896].*

The proposition is ***so obviously untenable*** *that something more tangible than threats will be required to prove that the Democratic Party as a whole is willing to abide by its consequences [New Yok Times, April 7th, 1879].*

На долю дискурсивных употреблений во второй половине XIX века в выборке из 1000 контекстов приходится 106 вхождений, что составляет 10,6%. Как дискурсивный маркер *obviously* может занимать позицию либо в начале, либо внутри высказывания:

Obviously, *the melancholy grove which led to and environed the ancient vault, was that to which the footsteps of the fugitive would most naturally incline [Simms W.G. The Kinsmen or The Black Riders of Congaree, 1841].*

To treat divine and human persons, as he does, with equal freedom and familiarity, is, ***obviously,*** *to mistreat them both; it supposes an equality between them which does not exist; in a word, it is at strife with the harmony, and therefore at strife with the poetry, of things [American Whig Review, January, 1847].*

Отметим, что в роли дискурсивного маркера *obviously* не только указывает на высокую степень уверенности говорящего в достоверности информации, но и на то, что он оценивает данную информацию как очевидную и легко доступную для адресата. В этом смысле *obviously* отличается от других маркеров эпистемической оценки, поскольку он ориентирован в большей степени на адресата, а не на говорящего.

OBVIOUSLY 1900-1949

Первая половина XX века – это время резкого роста частоты употребления слова *obviously*: по сравнению с предыдущим хронологическим срезом она увеличивается почти в пять раз и к середине XX века достигает 65,39 вхождений на 1 млн. словоформ.

Данные о распределении функциональной нагрузки на наречное и дискурсивное употребления приведены в Таблице 60.

Таблица 60. Употребление словоформы *obviously* с 1900 по 1949 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *obviously* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов

Наречие	784	78,4%
Дискурсивный маркер	216	21,6%

Данные таблицы показывают, что по-прежнему доминирует употребление *obviously* как наречия, синтаксически связанного с прилагательными и причастиями.

Употребление *obviously* в функции дискурсивного маркера в первой половине XX века характеризуется следующими особенностями: примерно в половине случаев оно занимает начальную позицию в высказывании и выделяется как вводное слово запятой:

Obviously, *Rommel has struck out to make elbowroom for his forces, the better to fight off the British 8th Army when they try to crack the Mareth Line [Saturday Evening Post, May 5th, 1946].*

Еще одной особенностью является появление рядом с *obviously* слов с семантикой предположительности (неопределенные местоимения, модальные глаголы *may, might*), что позволяет говорить о начале семантического перехода *obviously* по шкале достоверности в сторону уменьшения уверенности говорящего

This man, ***somehow obviously*** *the leader of the group, walked silently, indifferently, at a powerful shambling step, not looking at the others [Wolfe T. From Death to Morning, 1935].*

Obviously a person might be able *to recite fairly well on assignments prepared ad hoc the night before, or to do fairly well on examinations closely related to the course, and still have no independent mastery of the subject as such [Atlantic Monthly, March, 1939].*

But such a method would involve the assumption that the same labor, fertilizer, and other factors of production used would result in the same production on Farm "A" as on the standard. ***Obviously, this might not be true*** *[Forster G.W. Farm Organization and Management, 1938].*

Anything that affects the proper physical relationship between plant, equipment, men, and machines may be a factor in plant layout. ***Obviously there may be a great many of them****, and they tend to be peculiar to the type and kind of industry; however, some are so basic that they affect most industries [Davis R.C. Industrial Organization and Management, 1928].*

Таким образом, в первой половине XX века слово *obviously* начинает более активно использоваться в качестве дискурсивного маркера эпистемической оценки, однако, помимо значения уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, оно в некоторых случаях используется и высказываниях-предположениях как один из маркеров проблемной достоверности.

OBVIOUSLY 1950-1999

Вторая половина XX века – время наиболее активного использования слова *obviously*. Его относительная частота достигает пика в 1960-1970-е годы (77,2 вхождения на 1 млн. словоупотреблений). Далее частота снижается, причем достаточно резко: в 1990-е годы она составляет только 48,78 вхождений.

Данные об употреблении *obviously* в качестве дискурсивного маркера и наречия приведены в Таблице 61.

Таблица 61. Употребление словоформы *obviously* с 1950 по 1999 гг. по данным корпуса COHA

Частеречная принадлежность словоформы *obviously* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	818	81,8 %
Дискурсивный маркер	182	18,2 %

В выборке из 1000 контекстов на дискурсивное употребление *obviously* приходится 182 контекста; по сравнению с предыдущим периодом функциональная нагрузка на этот тип контекстов снижается. Тем не менее, как и в предыдущий период, дискурсивный маркер эпистемической оценки появляется в начальной позиции или внутри высказывания, и может выражать разную степень уверенности говорящего в достоверности высказывания. В тех случаях, когда говорящий маркирует проблемную достоверность, в высказывании могут появляться и другие показатели сомнения:

One Friday, walking up, his cassette player going, he saw an employee flatten himself against the wall, wide-eyed, frightened, ***obviously****, of what* ***might have been*** *coming for him [Adler R. Speedboat, 1976].*

Obviously, *it* ***might be*** *an hour before we could get out [Purdy J. Eustace Chisholm and the Works, 1967].*

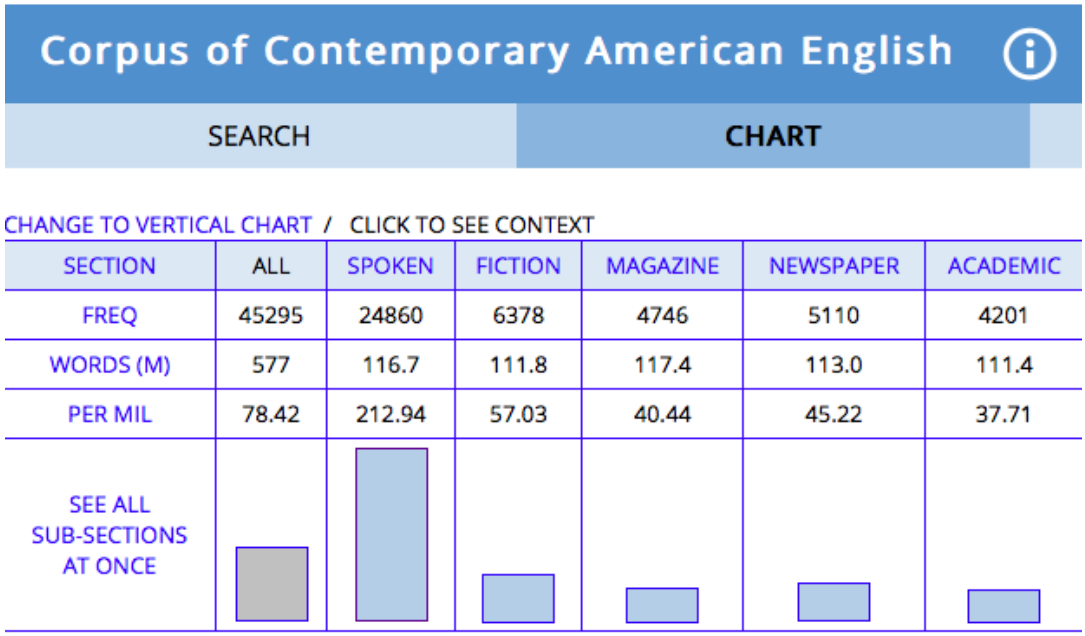
Perhaps most obviously*, it should be said that we are talking about a situation in which men often did not know from hour to hour whether they would be alive the next day [Strachey R. The Cause: A Short History of the Women's Movement in Great Britain, 1969].*

Таким образом, однозначность оценки степени достоверности высказывания размывается, и в контекстах, подобных приведенным выше, *obviously* приобретает свойства маркера проблемной достоверности.

OBVIOUSLY 2000-2017

Употребление слова *obviously* в начале XXI века исследовалось нами по данным корпуса COCA. Как и для других хронологических периодов, выборка составила 1000 контекстов. Средняя частота употребления obviously в данный период колеблется от 74,98 вхождений в 2000-2004 гг. до 86,58 вхождений в 2015-2017 гг.

Распределение употреблений слова *obviously* в устной речи и различных типах текста представлено на рис. 26.



SECTION	ALL	SPOKEN	FICTION	MAGAZINE	NEWSPAPER	ACADEMIC
FREQ	45295	24860	6378	4746	5110	4201
WORDS (M)	577	116.7	111.8	117.4	113.0	111.4
PER MIL	78.42	212.94	57.03	40.44	45.22	37.71

Рис. 26. Употребление слова *obviously* в устной речи и различных типах текста по данным корпуса COCA

Гистограмма, представленная на рис. 26, отражает очевидное тяготение слова *obviously* к устному модусу коммуникации. Его относительная частота в устной речи в 4 раза превышает частоту употребления в письменных текстах.

Данные о распределении функциональной нагрузки на наречное и дискурсивное употребления приведены в Таблице 62.

Таблица 62. Употребление словоформы *obviously* с 2000 по 2017 гг. по данным корпуса COCA

Частеречная принадлежность словоформы *obviously* и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие	620	62,0 %
Дискурсивный маркер	380	38,0 %

Данные таблицы свидетельствуют о существенном росте функциональной нагрузки на дискурсивное употребление. Этот факт мы можем объяснить составом корпуса: в COCA, помимо письменных текстов, содержатся записи устной речи, в которой частота употребления *obviously*

существенно выше, чем в художественных произведениях, журналах, газетах и академической речи.

Данные корпуса COCA показывают, что в устной речи *obviously* используется приблизительно в пять раз чаще, чем в письменной коммуникации. Именно этот факт и может служить объяснением того, что в выборке для 2000-2017 гг. количество дискурсивных употреблений существенно увеличилось по сравнению с предыдущими хронологическими периодами.

В большинстве случаев *obviously* используется для выражения уверенности в достоверности утверждений:

The challenge is there are too many plans going on. There's too much being built. There's a lot of venture funds around that are being poured into a lot of these companies. And they are going to be failures. And I'm hoping that I'm wrong, ***obviously****, in this regard [Planet Money, December 1st, 2017].*

First, I want to hit the tax issue. ***Obviously****, Secretary Clinton believes this is an albatross of Republicans running in 2018 [New Day Sunday, December 3rd, 2017].*

Встречаются также контексты, основная цель которых – выражение предположения:

I thought you might say that. a lot of people do, including myself, and a lot of members of this committee. And we ***might*** *be divided,* ***obviously****. But these are very significant things which have occurred here [PBS Newshour, May 15th, 2013].*

Obviously*, he* ***might*** *be the best shooter in college basketball. But the thing people might miss about him because he's such a great shooter is his work on the defensive end. He doesn't let up [Washington Post, February 12th, 2005].*

Obviously *our study* ***might*** *overestimate the importance of the fetal origins hypothesis, but Huxley and colleagues 1 meta-analysis, with its potential for underestimation, does not negate it [Lancet, December 21st, 2002].*

***Perhaps most obviously**, the Court **could** simply refrain from issuing plurality decisions completely [Stanford Law Review, March, 2017].*

*Wiggins and company touch on familiar territory for anyone who has taken introductory courses in the humanities, as they cover some of the major dichotomies from the history of critical thought: life vs. death, free will vs. determinism, being alone vs. being with and, **perhaps most obviously**, dream vs. Reality [Christian Century, November, 2001].*

Приведенные примеры выражают субъективную оценку ситуации говорящим.

Рис. 27 представляет график, отражающий изменения функциональной нагрузки на наречное и дискурсивное употребление *obviously*. Очевидна тенденция к увеличению доли контекстов, в которых данное слово выполняет функцию маркера эпистемической оценки. При этом доля наречных употреблений постепенно уменьшается. Это говорит о востребованности *obviously* в функции дискурсивного маркера.

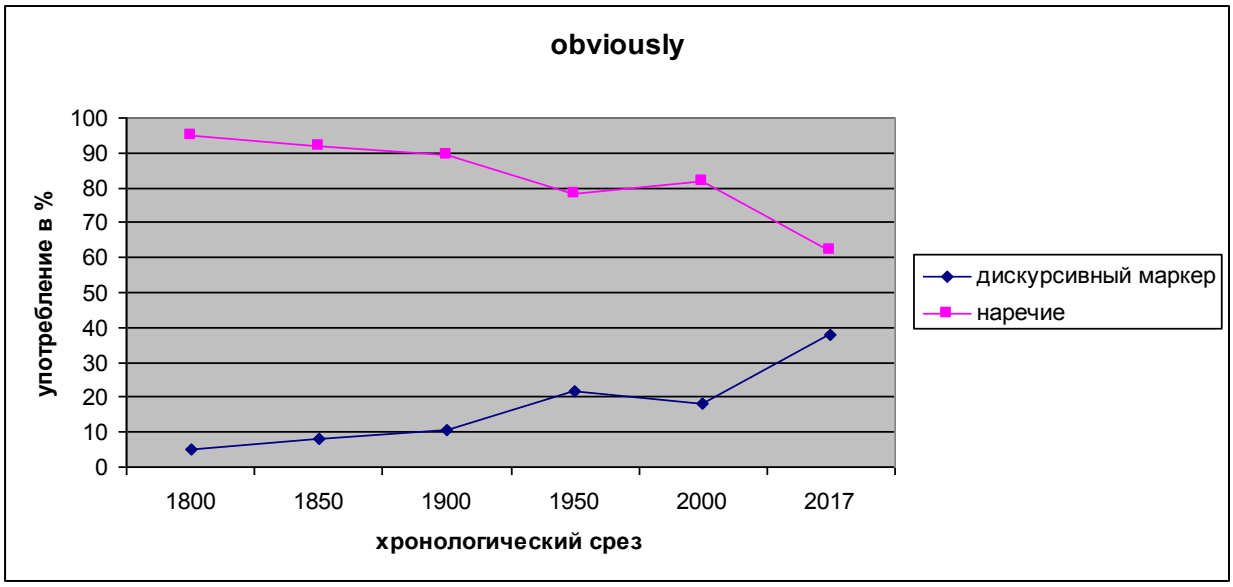


Рис. 27. Динамика функциональной нагрузки на наречное и дискурсивное употребление *obviously* с 1800 по 2017 гг.

Необходимо отметить, что, начиная с XX века, *obviously* начинает употребляться не только как маркер высокой степени уверенности говорящего в достоверности утверждения, но и в высказываниях-

предположениях, вместе с другими показателями неполной уверенности говорящего в истинности сообщаемого. В таких контекстах *obviously* может считаться дискурсивным маркером проблемной достоверности.

3.6. Выводы

В третьей главе диссертации был проведен анализ употребления английских наречий *apparently, evidently, seemingly* и *obviously*, а также конструкции *it seems*, которые в современном употреблении функционируют как маркеры эпистемической оценки. Данные лексические средства выражают различную степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации: если расположить их на шкале достоверности, то *obviously* и *evidently* окажутся наиболее приближенными к полюсу полной уверенности, *apparently* будет указывать на высокую, но не полную степень уверенности, а *seemingly* и *it seems* будут показателями неполной уверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

На графике (рис. 28) отражены исторические изменения в частоте использования данных словоформ в функции дискурсивных маркеров эпистемической оценки. График показывает, что ни для одной исследуемой словоформы процесс прагматикализации еще не завершен. Для всех словоформ корпусы содержат контексты их недискурсивного (полнозначного) употребления, причем количество таких контекстов у всех словоформ преобладает над количеством контекстов дискурсивного употребления.

Тем не менее, проведенный анализ позволяет говорить о том, что XX век – это время активного роста общего количества дискурсивных употреблений словоформ *apparently, evidently* и *obviously.* Как было отмечено выше в соответствующих разделах данной главы, словоформа *seemingly* и конструкция *it seems* практически не подвергаются прагматикализации. Хотя они и предлагаются русско-английскими словарями в качестве переводных эквивалентов для русских слов *по-видимому, видимо* и др., однако в речевой

практике они используются в качестве дискурсивных маркеров эпистемической оценки достаточно редко.

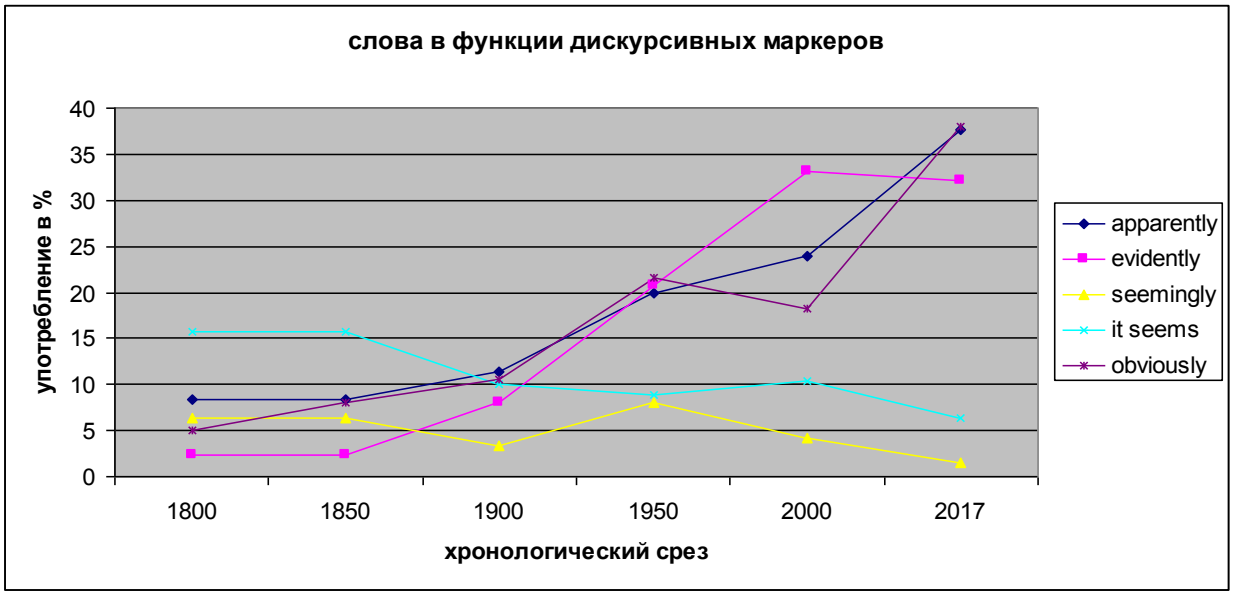


Рис. 28. Динамика употребления словоформ *apparently*, *evidently*, *seemingly*, *obviously* и конструкции *it seems* в функции дискурсивных маркеров эпистемической оценки.

Как было упомянуто ранее, этимологически данные слова, так или иначе связаны с семантикой зрительного восприятия: их исходные значения позволяли описывать объекты, легко доступные для зрительного восприятия. Дальнейшее развитие их семантической структуры прошло традиционный путь: от семантики зрительного восприятия к описанию состояния понимания и далее – к дискурсивному использованию в качестве маркера эпистемической оценки. Показателями дискурсивного употребления данной группы слов являются их синтаксическая независимость, появление в начальной или финальной позиции в высказывании и выделение их запятыми в качестве вводных слов и конструкций. Постепенный рост количества таких употреблений позволяет говорить о том, что наречия *apparently*, *evidently*, *seemingly* и *obviously*, а также конструкция *it seems* прагматикализуются, утрачивая исходную семантику и приобретая новую дискурсивную функцию маркеров эпистемической оценки.

Некоторые маркеры (*apparently, obviously*) изначально указывают на уверенность говорящего в достоверности сообщаемой информации, но с течением времени они начинают использоваться в окружении слов с семантикой сомнения / неуверенности, и этот факт говорит в пользу того, что маркеры уверенности начинают использоваться как маркеры проблемной достоверности.

Употребление наречий *apparently, evidently, seemingly* и *obviously* и конструкции *it seems* в качестве маркеров понимания является, по сути, эвиденциальным употреблением: в таких контекстах говорящие часто указывают на источник знания, на котором основано умозаключение.

Еще одна особенность употребления данной группы языковых средств заключается в том, что они используются повествователями для описания эмоционального состояния или мыслей других людей. Утверждения, которые касаются ментальной или эмоциональной сферы других, всегда носят вероятностный характер, даже в тех случаях, когда эмоции или мысли проявляются внешне, например, в выражении лица или определенных действиях. Изначально вероятностный характер суждения о состоянии другого человека можно считать одной из причин семантического сдвига от наречного употребления к дискурсивному.

Заключение

Изучение исторического процесса формирования дискурсивных маркеров эпистемической оценки (зоны проблемной достоверности) из словоформ с исходной семантикой зрительного восприятия стало возможным благодаря использованию корпусных данных: в данном исследовании был проведен анализ многотысячных конкордансов контекстов, в которых употребляются русские словоформы *видно, очевидно, видать, по-видимому, видимо,* а также английские *obviously, evidently, apparently, seemingly, it seems.*

Корпусное исследование дискурсивных маркеров эпистемической оценки (в частности, зоны проблемной достоверности) позволяет сделать несколько выводов.

1. Процесс формирования этой группы дискурсивных маркеров – это именно прагматикализация, поскольку в результате исследуемые единицы не формируют отдельной грамматической категории, но за ними закрепляется функция выражения эпистемической оценки – субъективного смысла, указывающего на степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации.

2. Корпусный анализ употребления словоформ в функции дискурсивных маркеров эпистемической оценки позволил провести не только качественную, но и количественную оценку функциональной нагрузки на различные типы контекстов, в которых употребляются русские словоформы *видимо, видать, видно, очевидно* и *по-видимому*, а также английские словоформы *apparently, evidently, obviously, seemingly* и конструкция *it seems*. Данные, представленные на рис. 12 в главе 2 (стр. 173) и на рис. 28 в главе 3 (стр. 252), позволяют увидеть общие тенденции в семантическом и прагматическом развитии данной группы языковых единиц.

В частности, практически все словоформы демонстрируют тенденцию к росту дискурсивных употреблений с течением времени.

3. Появление дискурсивных употреблений у данной группы языковых средств и закрепление их в языке еще раз доказывает важность выражения эпистемической оценки. Она отражает потребность говорящего выразить субъективную оценку степени достоверности сообщаемой информации. Такая «индивидуализация» дискурса усиливается с течением времени: устойчивый рост количества контекстов, где используются дискурсивные маркеры проблемной достоверности с течением времени говорит о том, что коммуникативные процессы, как в режиме устной, так и письменной коммуникации становятся все более «автороцентричными» в том смысле, что говорящие и пишущие все чаще проявляют собственное «я» в тексте через выражение субъективной оценки достоверности собственных суждений о ситуации.

4. Прагматикализация единиц с семантикой зрительного восприятия представляет собой длительный исторический процесс последовательных регулярных семантических переходов. На первом этапе происходит сдвиг от зрительного восприятия к пониманию. Далее словоформа становится маркером эвиденциального значения – как было сказано выше, часто говорящий с помощью целого комплекса языковых средств может указать на источник знаний, на основе которых делается умозаключение. Третий шаг – это сдвиг от уверенности к неполной уверенности в достоверности сказанного (появление значения проблемной достоверности). Наконец, следующий этап – это собственно прагматикализация, когда единица начинает использоваться как синтаксически независимый элемент высказывания, выделяться запятыми и выражать эпистемическую оценку достоверности утверждаемого.

5. Скорость прагматикализации зависит от ряда факторов, в первую очередь – от наличия или отсутствия других языковых средств, за которыми в языке закреплена функция выражения эпистемической оценки. В

английском языке этот тип значения может выражаться модальными глаголами, поэтому скорость прагматикализации наречий и их переход в статус дискурсивных маркеров эпистемической оценки ниже, чем в русском языке, где такие маркеры оказываются более востребованными в коммуникации.

6. Поскольку в русском языке дискурсивные маркеры эпистемической оценки более востребованы по сравнению с английским языком, для некоторых из исследованных единиц (словоформы *видимо* и *по-видимому*) процесс прагматикализации уже практически завершен: в подавляющем большинстве контекстов эти единицы употребляются как дискурсивы.

7. Развитие у изучаемых словоформ новых значений, в том числе дискурсивных, – это результат регулярного появления изучаемой группы лексики в новых контекстах, в новом семантическом и синтаксическом окружении (например, когда наречная форма оказывается перед существительным, как это произошло со словоформой *очевидно*). Иными словами, новые значения формируются под влиянием непосредственного контекста. Наблюдения над корпусными данными позволяют обнаружить первые появления слова в новом окружении, зафиксировать тенденции употребления слова в определенных типах контекстов, описать регулярно встречающиеся случаи употребления слова в лексических и синтаксических конструкциях.

8. Важная особенность употребления данной группы языковых средств заключается в том, что часто они используются повествователями для описания эмоционального состояния или мыслей других людей. Утверждения, которые касаются ментальной или эмоциональной сферы других, всегда носят вероятностный характер, даже в тех случаях, когда эмоции или мысли проявляются внешне, например, в выражении лица или определенных действиях. Вероятностный характер суждения о состоянии другого человека можно считать одной из причин семантического сдвига от наречного употребления к дискурсивному.

Литература

1. Аверина А.В. Функции модальных частиц в немецких научных текстах / А.В. Аверина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 71-83.

2. Агранат Т.Б. Дискурсивные маркеры в водском языка / Т.Б. Агранат // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 65-75.

3. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

4. Апресян В.Ю. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское *якобы* / В.Ю. Апресян, А.Д. Шмелев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т.2. – Москва: Изд-во РГГУ, 2017. – С. 17-29.

5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – Москва: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

6. Апресян Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке / Ю.Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 5-26.

7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 341 с.

8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

9. Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 437-452.

10. Ахунзянова Р.Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках / Р.Р. Ахунзянова. – Автореф. дисс… канд. филол. наук. – Набережные Челны, 2012. – 24 с.

11. Баранов А.Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. – Москва: Помовский и партнеры, 1993. – 205 с.

12. Баранов А.Н. Вводные слова в семантической структуре предложения / А.Н. Баранов, И.М. Кобозева // Системный анализ значимых единиц русского языка. – Красноярск, 1984. – С. 83-93.

13. Баранов А.Н. О дискурсивных режимах использования оценочных слов и выражений / А.Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1– 4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). – Москва: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 72-82.

14. Баранов А.Н. Кстати и некстати: к речевым практикам Достоевского / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Тезисы 5-й Международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения). – https://sites.google.com/site/grotconf/ (дата обращения 25.03.2017).

15. Басовец И.М. Прагматические функции конструкций деавторизации в публицистических и научных текстах (на материале английского языка/ И.М. Басовец // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 3. – С. 189-195.

16. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 180 с.

17. Беляева Е.И. Достоверность / Е.И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград: Наука, 1990. – С. 157-170.

18. Беляева Е.И. Прагматический аспект категории модальности // Е.И. Беляева // Прагматические аспекты функционирования языковых

единиц. Тезисы докладов и выступлений на совещании. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 1991. – С. 4.

19. Богданова-Бегларян Н.В. Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания / Н.В. Богданова-Бегларян // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014а. – № 3(45). – С. 252-254.

20. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология / Н.В. Богданова-Бегларян // Вестник Пермского университета. – 2014б. – Вып. 3 (27). – С. 7-20.

21. Богданова-Бегларян Н.В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н.В. Богданова-Бегларян // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 11-17.

22. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц / И.М. Богуславский. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 460 с.

23. Борисова Е.Г. Управление вниманием говорящего при помощи частиц / Е.Г. Борисова // Труды Международного семинара «Диалог-98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Казань, 1998. – С. 84-88.

24. Борисова Е.Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения / Е.Г. Борисова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материала ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). – Москва: Изд-во РГГУ, 2014. – С. 102-113.

25. Борисова Е.Г. Когнитивная интерпретация семантических сдвигов в значениях усилительных частиц / Е.Г. Борисова, О.В. Афанасьева, О.А. Сулейманова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. - № 4. – С. 14-19.

26. Булыгина Т.В. Гипотеза как мыслительный и речевой акт / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев / Логический анализ языка. Ментальные действия / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – Москва: Наука, 1993. – С. 78-82.

27. Викторова Е.Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в политическом дискурсе: проблемы перевода (на материале русского и английского языков) / Е.Ю. Викторова // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т.10. Сер. Филология. Журналистика, вып.4. – С. 40-47.

28. Викторова Е.Ю. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов / Е.Ю. Викторова // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 34-46.

29. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса / Е.Ю. Викторова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2014а. – 404 с.

30. Викторова Е.Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии / Е.Ю. Викторова // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2014б. – Т.14, вып.1. – С. 10-15.

31. Викторова Е.Ю. Синкретизм дискурсивных слов / Е.Ю. Викторова // Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2014в. – Т.14, вып.3. – С.14-21.

32. Викторова Е.Ю. Дискурсивы в зарубежной лингвистике / Е.Ю. Викторова. – 2015. – URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/25/viktorova_e.yu_.diskursivy_v_zarubezhnoy_lingvistike.pdf

33. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: автореф. дисс. … докт. филол. Наук / Е.Ю. Викторова. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2016. – 50 с.

34. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: избранные труды.– Москва, 1975. – С. 53-87.

35. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт

русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. – Москва, 1999. – 1138 с.

36. Глухова О.П. Функционирование дискурсивных слов со значением достоверности в современной прозе / О.П. Глухова // Язык в различных сферах коммуникации: материалы международной научной конференции / Под ред. Т. Ю. Игнатовича. – 2014. – С. 116-118.

37. Глушак В.М. Эпистемическая функция частиц в организации речевого поведения / В.М. Глушак // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 3 – С. 32-37.

38. Го Л. Семантические функции логических частиц / Л. Го // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-1 (69). – С. 79-82.

39. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи / Ю.В. Дараган // Труды Международного семинара «Диалог – 2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т.1. Теоретические проблемы. – Москва, 2000. – С. 67-73.

40. Дараган Ю.В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи / Ю.В. Дараган // Труды Международного семинара «Диалог – 2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т.1. Теоретические проблемы. – Протвино, 2002. – С. 114- 127.

41. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. – Москва: Метатекст, 1998. – 447 с.

42. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое описание / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. – Москва: Азбуковник, 2003. – 207 с.

43. Дмитровская М.А. Знание и мнение, образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – С. 6-18.

44. Добровольский Д.О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное употребление) / Д.О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 161-178.

45. Добровольский Д.О. Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус / Д.О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – 2005. – №10 (2). – С. 43-86.

46. Добровольский Д.О. Тимиологический компонент в семантике русских дискурсивных слов / Д.О. Добровольский, И.Б. Левонтина // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2014. – № 2-1. – С. 334-343.

47. Добровольский Д.О. Модальные частицы и идея актуализации забытого (на материале параллельных корпусов) / Д.О. Добровольский, И.Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. – Москва: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 104-117.

48. Добровольский Д.О. Дискурсивные частицы и способы их перевода: «ну» в романе Владимира Сорокина «Очередь» / Д.О. Добровольский, И.Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 16 (23). – Москва: Изд-во РГГУ, 2017. – С. 106-117.

49. Доронина С.В. Средства выражения эпистемического значения и методологические основы лингвистической экспертизы / С.В. Доронина // Филология и человек. – 2009. – № 3. – С. 45-55.

50. Доронина С.В. Способы выражения эпистемического значения достоверности и его оттенков / С.В. Доронина // Сибирский филологический журнал. – 2011. – №3. – С. 172-178.

51. Доронина С.В. Коммуникативы как средство выражения эпистемического смысла высказывания / С.В. Доронина // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 76-81.

52. Евсюкова Т.В. Вводные слова как средство выражения эпистемической модальности в интернет-комментарии / Т.В. Евсюкова, С.М. Карпоян // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 100-104.

53. Егорова М.А. Английские «маркеры дискурса» в гносеологическом и онтологическом аспектах / М.А. Егорова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №1. – С. 18-22.

54. Егорова М.А. Дискурсивный маркер *типа* по данным Национального корпуса русского языка: происхождение, семантика и прагматика / М.А. Егорова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 30 мая – 2 июня 2018 г.). Вып. 17 (24). – Москва: Изд-во РГГУ, 2018. – С. 185-199.

55. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 280 с.

56. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13-25.

57. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 637 с.

58. Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода / Анна А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог – 2009», Бекасово 27-31 мая 2009 г. Москва, 2009. – С. 107-112.

59. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 32-51.

60. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – Москва: Мир, 1976. – 165 с.

61. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

62. Исаченко О.М. Дискурсивные маркеры реальности: семантика достоверности / О.М. Исаченко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т.11, вып. 2: Филология. – С. 25-33.

63. Каменский М.В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров (на примере английского языка) / М.В. Каменский // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. – 2012. – Т.1., № 3. – С. 148-156.

64. Каменский М.В. Экспериментальная верификация когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров на материале английского языка / М.В. Каменский // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. - № 1 (112). – С. 116-121.

65. Каменский М.В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров / М.В. Каменский. – Дисс… докт. филол. наук. – Ставрополь, 2015. – 548 с.

66. Каменский М.В. Когнитивно-дискурсивное маркирование новой и уточняющей информации с использованием дискурсного маркера «скажем так» / М.В. Каменский // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 2. – С. 217-221.

67. Карасик В.И. Дискурсивные слова как эмблемы личности / В.И. Карасик // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – №1. – С. 26-34.

68. Карпова О.С. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов

в качественных прилагательных и наречиях) / О.С. Карпова, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Д.А. Рыжова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 10 (17). – Москва: Изд-во РГГУ, 2011. – С. 292-304.

69. Киселева К.Л. Инвариантное и вариативное в семантике дискурсивных слов: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Москва, 1996. – 24 с.

70. Кобозева И.М. Опыт прагматического анализа *-то* и *-нибудь* местоимений / И.М. Кобозева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 2. – С. 165-172.

71. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

72. Кобозева И.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка / И.М. Кобозева, Л.М. Захаров // Материалы Международной научной конференции «Диалог». – Москва, 2004. – С.292-297.

73. Кобозева И.М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) / И.М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». – Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г. – С 250-255.

74. Кобозева И.М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка / И.М. Кобозева, Л.М. Захаров // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – Москва: Изд-во МГУ, 2007. – С. 466-467.

75. Козинцева Н.А. Типология категории засвидетельствованности / Н.А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник

статей памяти Н.А. Козинцевой / Отв. ред. В.С. Храковский. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – С. 13-36.

76. Кожухова И.В. Маркер «actually» в английском (EFL) конверсационном дискурсе / И.В. Кожухова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 6 (717). – С. 295-303.

77. Козловский Д.В. Дискурсивное пространство категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Козловский. – Уфа, 2013. – 22 с.

78. Колмогорова А.В. «Скажи, Серега!..»: «Скажи» как дискурсивный маркер чужого слова / А.В. Колмогорова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – С. 95-106.

79. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – Москва: КомКнига, 2005. – 152 с.

80. Копотев М.В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? / М.В. Копотев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2014. – Т.10. №2. – С. 712-740.

81. Кубрякова Е.С. Прагматика и когнитивная лингвистика / Е.С. Кубрякова // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. Тезисы докладов и выступлений на совещании. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 1991. – С. 5-6.

82. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г.И. Кустова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

83. Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. – Москва: Языки славянской культуры, 2012. – С. 349-366.

84. Кустова Г.И Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь / Г.И. Кустова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2015. – № 1 (78). – С. 144-153.

85. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.

86. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. – Москва: Азбуковник, 2010. – 583.

87. Ляшевская О.Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О.Н. Ляшевская. – Москва: Издательский Дом ЯСК: Рукописные памятники древней Руси, 2016. – 520 с.

88. Манаенко С.А. Дискурсивные слова как средство обеспечения достоверности и модальности текста / С.А. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С.504-512.

89. Межерицкая М.И. К вопросу о соотношении эпистемической модальности и категории эвиденциальности / М.И. Межерицкая // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2009. – Вып. 4. – С. 105-108.

90. Мурашковская Е.М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров / Е.М. Мурашковская // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 5. – С. 53-59.

91. Никитина О.А. Лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инновацай / О.А. Никитина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4. – С. 206-215.

92. Николаева Е.В. Дискурсивные слова и особенности их функционирования в среднеанглийском диалогическом дискурсе / Е.В. Николаева // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2014. – № 2. – С. 122-128.

93. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т.М. Николаева. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.

94. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – Москва: Наука, 1985. – 272 с.

95. Падучева Е.В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* / Е.В. Падучева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, № 3. – С. 13-19.

96. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 607 с.

97. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

98. Падучева Е.В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? / Е.В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2013. - № 2(26). – С. 9-29.

99. Падучева Е.В. Модальность / Е.В. Падучева // Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс], 2016. – URL: http://rusgram.ru/Модальность (Дата обращения 05.01.2018).

100. Пайар Д. О двух аспектах истинности в высказываниях с дискурсивными словами / Д. Пайар // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – Москва: Наука, 1995. – С. 133-139.

101. Пальшина Д.А. От десемантизации – к прагматикализации (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи) / Д.А. Пальшина // Вестник Пермского университета. – 2015. – Вып. 3(31). – С. 34-38.

102. Панченко Н.Н. Вариативность достоверности в различных типах дискурса / Н.Н. Панченко // Актуальные направления современной лингвистики. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008а. – С. 126-131.

103. Панченко Н.Н. Достоверность в научном и медийном дискурсе / Н.Н. Панченко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып.6. / Отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2008. – С. 145-151.

104. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория / Н.Н. Панченко. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 322 с.

105. Паршина О.Н. Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте / О.Н. Паршина // Rhema. Рема. – 2012. – № 3. – С. 83-90.

106. Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – Москва: Индрик, 1995. – С. 36-40.

107. Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) / В.А. Плунгян // Семиотика и информатика. – 1998. – Т. 36. – С. 324-386.

108. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В.А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008а. – № 2(16). – С. 7-20.

109. Плунгян В.А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие / В.А. Плунгян // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Под ред. B. Wiemer, В.А. Плунгяна. – Verlag Otto Sagner, 2008б. – С. 285-311.

110. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. – Москва: Изд-во РГГУ, 2011. – 672 с.

111. Плунгян В.А. Дискурсивные слова [Электронный ресурс]. – 2012. – URL: https://postnauka.ru/video/2961 (дата обращения 15.05.2015).

112. Подлесская В.И. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования / В.И. Подлесская, А.А. Кибрик // Русский язык в научном освещении. – 2006. - № 2 (12). – С. 7-55.

113. Подлесская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования / В.И. Подлесская, А.А. Кибрик // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам

ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). – Москва: РГГУ, 2009. – С. 390-395.

114. Попова Е.С. Маркеры ирреальности во французском языке. Дисс. … канд. филол. наук. – Воронеж, Воронежский государственный университет, 2010. – 259 с.

115. Радбиль Т.Б. Национальные модели коммуникации в лингвистическом освещении: к постановке проблемы / Т.Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 1. – С. 41-50.

116. Разлогова Е.Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов / Е.Э. Разлогова. – Дисс. … докт. филол. наук. – Москва, 2005. – 294 с.

117. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

118. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1998. - № 36. – С. 274-323.

119. Русская грамматика. Т.2: Синтаксис / Гл.ред. Н.Ю. Шведова. – Москва: Наука, 1980. – 709 с.

120. Рябцева Н.К. Истинность в субъективно-модальном контексте / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – Москва: Наука, 1995. – С. 139-151.

121. Сарафанникова Е.В. Дискурсивные маркеры соотнесения сообщаемого с действительностью: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.В. Сарафанникова. – Воронеж, 2006. – 21 с.

122. Сиротинина О.Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка / О.Б. Сиротинина // Исследования по семантике. Вып. 24. – Уфа, 2008. – С. 476-480.

123. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс] / Стародумова Е.А. и др. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – 377 с.

124. Смирнова В.В. Особенности использования дискурсивного маркера «видимо» по данным параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка / В.В. Смирнова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 20-24.

125. Смурова О.В. Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов / О.В. Смурова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 27 (633). – С. 67-78.

126. Смурова О.В. Средства выражения эксплицитного модуса и его функции в эпистемическом высказывании (на материале The British National Corpus) / О.В. Смурова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 27 (660). – С. 22-44.

127. Соколова О.В. Функционирование дискурсивных слов, связанных с идеей «реальности», в рекламных и PR-текстах / О.В. Соколова // Армия и общество. Научно-информационный журнал. – 2014. – № 2 (39). – С. 138-142.

128. Томмола Х. Прямо прямо идёт, а с нею не разминёшься (о статусе дискурсивных слов и частиц) // С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday / Ed. by J. Lindstedt. – Helsinki, 2008. – С. 410-420.

129. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания / Е.В. Урысон. – Москва: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.

130. Харитонова К.В. Дискурсивные маркеры в санскрите: результат прагматикализации наречий и самостоятельный класс слов / К.В. Харитонова

// Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т.157, кн. 5. – С. 68-78.

131. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность / В.С. Храковский // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / Отв. ред. В.С. Храковский. – Санкт-Петербург, Наука, 2007. – С. 600-632.

132. Шалимова П.А. К вопросу о функциях дискурсивов в устной речи / П.А. Шалимова // Язык и культура. – 2016. – № 23. – С. 73-78.

133. Шаронов И. А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Отв. ред. В. И. Заботкина. – Москва: Языки славянских культур, 2015. – С. 145-187.

134. Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы / И.А. Шаронов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). – Москва: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 605-615.

135. Шаронов И.А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов / И.А. Шаронов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 51. – С. 58-68.

136. Шатуновский И.Б. Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – Москва: Наука, 1995. – С. 158-165.

137. Шведова Н.Ю. 1980. Построения с модальными частицами // *Русская грамматика*. Т. II. М.: Наука, 224-226.

138. Швец В.М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи / В.М. Швец // Семантические категории в детской речи / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. – С. 161-180.

139. Шерстяных И.В. Дискурсивное слово «хорошо» и его функции в современном русском языке / И.В. Шерстяных // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 68. – С. 146-152.

140. Шилихина К.М. Дискурсивные слова как маркеры иронии / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 11. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013а. – С. 103-124.

141. Шилихина К.М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора / К.М. Шилихина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» в 2-х томах. Т.1. – Москва: РГГУ, 2013б. – С. 625-633.

142. Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К.М. Шилихина. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 304 с.

143. Шилихина К.М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики / К.М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 120-125.

144. Шилихина К.М. Историческая динамика семантики и сфера действия дискурсивного маркера «видимо» / К.М. Шилихина, В.В. Смирнова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017а. – № 2. – С. 107-112.

145. Шилихина К.М. Прагматикализация языковых единиц как средство обеспечения когерентности дискурса / К.М. Шилихина // Когнитивные исследования языка. Вып. 30. – 2017б. – С. 733-736.

146. Шмелев А.Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали» / А.Д. Шмелев // Язык как материя смысла. Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. – Москва: ИЦ Азбуковник, 2007. – С. 208-218.

147. Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни»,

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, (2015), с. 584–594.

148. Шмелев А.Д. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов / А.Д. Шмелев, Зализняк Анна А. // // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 16 (23). – Москва: Изд-во РГГУ, 2017. – С. 394-406.

149. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – Москва: Гнозис, 1994. – 344 с.

150. Яковлева Е.С. О семантике экспрессивных модификаторов утверждения / Е.С. Яковлева // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – Москва: Наука, 1995. – С. 165-172.

151. Aijmer K. Why is *actually* so popular in spoken English? / K. Aijmer // English in speech and writing. Studia Anglistics Upsaliensia. 1986. – No. 60. – P. 119-129

152. Aijmer K. Pragmatic markers in translation: a methodological proposal / K. Aijmer, A. Foolen, A.-M. Simon-Vandenbergen // Approaches to Discourse Particles / Ed. By K. Fischer. – Elsevier, 2006. – P. 101-114.

153. Aijmer K. English Discourse Particles: Evidence from a Corpus / K. Aijmer. – Amsterdam/New York: John Benjamins, 2012. – 298 p.

154. Alm M. As useful as 25 years ago: Foolen’s four-level model of particle meanings / M. Alm, H. Larsen, K. Fischer // Addenda. Artikelen voor Ad Foolen / Ed. by S. Lestrade, L. Hogeweg. – Nijmegen: Radboud University, 2015. – P. 13-24.

155. Ariel M. Discoruse Markers and Form-function Correlation / M. Ariel. – Pragmatics and beyond New Series, 1998. – P. 223-260.

156. Barbaresi L.M. “Obviously” and “certainly”: two different functions in argumentative discourse / L.M. Barbaresi // Folia Linguistica. – 1987. – No. 21. – P. 3-24.

157. Biber D. Corpus Linguistics. Investigating Language Structure and Use / D. Biber, S. Conrad, R. Reppen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998a. – 300 p.

158. Biber D. The Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – London: Longman, 1999. – 1204 p.

159. Biber D. Adverbial stance types in English / D. Biber, E. Finegan // Discourse Processes. – 1998. – No. 11. – P. 1-34.

160. Biber D. Styles of stance in English: lexical and grammatical marking of evidentiality and affect / D. Biber, E. Finegan // Text. – 1999. – No.9. – P. 93-124.

161. Blakemore D. Understanding utterances / D. Blakmore. – Oxford: Blackwell, 1992. – 204 p.

162. Blakemore D. Releavnce and linguistic meaning: The Semantics and pragmatics of discourse markers / D. Blakemore. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 200 p.

163. Brinton L.J. Pragmatic Markers in English. Grammaticalization and Discourse Functions / L.J. Brinton. – Berlin: Mouton de Gryuter, 1996. – 428 p.

164. Chafe W.L. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing / W.L. Chafe // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / Ed. by W.L. Chafe & J. Nichols. – Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation, 1986. – P. 261-274.

165. Chafe W.L. Cognitive constraints on information flow / W.L. Chafe // Coherence and Grounding in Discourse / Ed. by R.S. Tomlin. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1987. – P. 21-51.

166. Chafe W.L. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing / W.L. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 327 p.

167. Cuyckens H. Introduction / H. Cuyckens, K. Davidse, L. Vandelanotte // Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization / Ed. by K.

Davidse. L. Vandelanotte, H, Cuyckens. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2010. – P. 1-28.

168. Degand L. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? / L. Degand, J. Evers-Vermeul // Journal of Historical Pragmatics. – 2015. – No. 16:1. – P. 59-85.

169. Dobrovol'skij D. Pragmatic Potential of Russian Discursive Units: A Constructional Approach / D. Dobrovol'skij, L. Pöppel // Zeitschrift für Slawistik. – 2015. – Vol. 60, No 4. – P. 613-628

170. Dobrovol'skij D. Corpus Perspectives on Russian Discursive Units: Semantics, Pragmatica, and Contrastive Analysis / D. Dobrovol'skij, L. Pöppel // Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2015. Current Approaches to Discourse and Translation Studies / Ed. by J. Romero-Trillo. – New York: Springer, 2015. – P. 223-242.

171. Fedriani C. Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: What do we know and where do we go from here? / C. Fedriani, A. Sansó // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New Perspectives / Ed. by C. Fedriani, A. Sansò. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 1-36.

172. Fischer K. From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles / K. Fischer. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2000. – 383 p.

173. Fischer K. Approaches to Discourse Particles / K. Fischer. –

174. Fischer K. Grounding and Common Ground: Modal Particles and Their Translation Equivalents // Lexical Markers of Common Grounds / Ed. by A. Fetzer, K. Fischer. – Amsterdam: Elsevier, 2007. – P. 47-66.

175. Fischer K. Beyond the sentence: Constructions, frames and spoken interaction / K. Fischer // Constructions and Frames. – 2010. – № 2(2). – P. 185-207.

176. Fleischman S. Discourse markers across languages / S. Fleischman, M. Yaguello // Discourse Across Languages and Cultures / Ed. by C.L. Moder, A. Martinovic-Zic. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2004. – P. 129-148.

177. Francis G. Analysing everyday conversation / G. Francis, F. Hunston // Advances in spoken discourse analysis / Ed. by M. Coulthard. – London: Routledge, 1992. – P. 123-161.

178. Fraser B. An approach to discourse markers / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1990. – Vol.14, No.3. – P. 383-398.

179. Fraser B. Pragmatic markers / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – 6.2. – P.167-190.

180. Fraser B. What are discourse markers? / B. Fraser // Journal of Pragmatics, 1999. – № 31. – P. 931-952.

181. Fraser B. An Account of Discourse Markers / B. Fraser // International Review of Pragmatics. – 2009. – № 1. – P. 293-320.

182. Fuller J.M. The influence of speaker roles on discourse marker use / J.M. Fuller // Journal of Pragmatics. – 2003. – No. 35. – P.23-45.

183. Goutsos D. A corpus-based approach to functional markers in Greek: Exploring the role of position / D. Goutsos // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New Perspectives / Ed. by C. Fedriani, A. Sansò. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 125-150.

184. Grice H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts / Ed. by P. Cole and J. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.

185. Halliday M.A.K. 1970. Language structure and language function / M.A.K. Halliday // New Horizons in Linguistics / Ed. by J. Lyons. – Harmondsworth: Penguin Books, 1970. – P. 140-165.

186. Heine B. Grammaticalization / B. Heine // The Handbook of Historical Linguistics / Ed. by B.D. Joseph & R.D. Janda. – Oxford: Blackwell Publishing, 2003. – P. 575-601.

187. Hopper P. Grammaticalization / P. Hopper, E. Traugott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 276 p.

188. Huddleston R. The Cambridge Grammar of the English Language / R. Huddleston, G.K. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1842 p.

189. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing / K. Hyland. – London / New York: Continuum, 2005a. – 230 p.

190. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse / K. Hyland // Discourse Studes. – 2005b. – Vol. 7(2). – P. 173-192.

191. Hyland K. Applying a Gloss: Exemplifying and Reformulating in Academic Discourse / K. Hyland // Applied Linguistics. – 2007. – No. 28/2. – P. 266-285.

192. Iomdin B. Combinations of Probability Qualifiers in Russian / B. Iomdin, A. Berdichevsky // Wiener Slawistuscher Almanach. – 2007. – Sonderband 69. – URL: http://meaningtext.net/mtt2007/proceedings/17Iomdin_BerdichevskyFinal.pdf (дата обращения 02.03.2018 г.).

193. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb / R. Jakobson // Selected Writings of Roman Jakobson. Vol. II. Word and Language. – The Hague / Paris: Mouton, 1971. – 770 p.

194. Jones L.K. In Pursuit of Discourse Particles / L.K. Jones // Language in Context: Essays for Robert E. Longacre / Ed. by S.J.J. Hwang & W.R. Merrifield. – Arlington, TX: University of Texas at Arlington, 1992. – P. 127-136.

195. Jucker A.H. Discourse markers: Introduction / A.H. Jucker, Y. Ziv // Discourse Markers. Descriptions and Theory. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1998a. – P.1-12.

196. Jucker A.H. And people just you know like “wow”: Discourse markers as negotiating strategies / A.H. Jucker, S.W. Smith // Discourse Markers. Descriptions and Theory. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1998b. – P. 171-202.

197. Jucker A.H. Discourse markers in Early Modern English / A.H. Jucker // Alternative Histories of English / Ed. by R. Watts & P. Trudgill. – London and New York: Routledge, 2002. – P. 210-230.

198. Kiparsky P. New perspectives in historical linguistics / P. Kiparsky // The Routladge Handbook of Historical Linguistics / Ed. by C. Brown & B. Evans. – London / New York: Routledge, 2014. – P. 64-102.

199. Kresić M. A format for the description of German modal particles and their functional equivalents in Croatian and English / M. Kresić, M.B. Angster, G. Diewald // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New Perspectives / Ed. by C. Fedriani, A. Sansò. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 229-256.

200. Kroeger P. Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics / P. Kroeger. – Berlin: Language Science Press, 2018. – 502 p.

201. Langacker R. Investigations in Cognitive Grammar / R. Langacker. – New York: Mouton de Gruyter, 2009. – 410 p.

202. Lehmann C. Thoughts on grammaticalization. 3rd Edition / C. Lehmann. – Berlin: Language Science Press, 2015. – 231 p.

203. Lenk U. Discourse markers and global coherence in conversation / U. Lenk // Journal of Pragmatics. – 1998a. – Vol. 30, No. 2. – P. 245-257.

204. Lenk U. Marking discourse coherence: Functions of discourse markers in spoken English / U. Lenk. – Berlin: Gunter Narr Verlag, 1998b. – 235 p.

205. Levontina I. False Emptiness: Are So-called “Parasitical Words” Really Semantically Void? / I. Levontina, A. Shmelev // Wiener Slawistuscher Almanach. – 2007. – Sonderband 69. – URL: http://meaningtext.net/mtt2007/proceedings/24Levontina_ShmelevFinal.pdf (дата обращения 02.03.2018 г.).

206. Levontina I.B. Lexicalized prosody and the polysemy of discourse markers / I.B. Levontina // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции

«Диалог» (Москва, 1-4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). – Москва: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 369-381.

207. Lewis D.M. A discourse-constructional approach to the emergence of discourse markers in English / D.M. Lewis // Linguistics. – 2011. – Vol. 49, No.2. – P. 415-443.

208. Lopes A. Towards Using Machine Translation Techniques ti Induce Multilingual Lexica of Discourse Markers / A. Lopes, D.M. de Matos, V. Cabarrão, R. Ribeiro, H. Moniz, I. Trancoso, A.I. Mata // arXiv preprint arXiv: 1503.09144, (2015). – URL: https://arxiv.org/pdf/1503.09144.pdf

209. Louwerse M. Towards a Taxonomy of a Set of Discourse Markers in Dialogue: A Theoretical and Computational Account / M. Louwerse, H.H. Mitchell // Discourse Processes. – 2003. – No. 35 (3). – P. 199-239.

210. Lutzky U. Discourse Markers in Early Modern English / U. Lutzky. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2012. – 304 p.

211. Lyons J. Linguistic Semantics. An Introduction / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 394 p.

212. Maschler Y. Metalanguage in interaction: Hebrew discourse markers / Y. Maschler. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2009. – 280 p.

213. Maschler Y. Discourse Markers: Language, Meaning and Context / Y. Maschler, D. Schiffrin // The Handbook of Discourse Analysis. 2nd Ed. / Ed. by D. Tannen, H. Hamilton and D. Schiffrin. – Vol.1. – Oxford: Wiley Blackwell, 2015. – P. 189-221.

214. Maschler Y. The emergence of Hebrew *loydea/ loydat* (‘I dunno MASC/FEM’) from interaction: Blurring the boundaries between discourse marker, pragmatic marker, and modal particle / Y. Maschler // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New Perspectives / Ed. by C. Fedriani, A. Sansò. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 37-70.

215. McEnery T. Corpus Linguistics: An Introduction / T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 235 p.

216. Meyer T. Implicitation of discourse connectives in (machine) translation / T. Meyer, B. Webber // Proceedings of the Workshop on Discourse in Machine Translation, 2013. – P. 19-26.

217. Naya B.M. Adjunct, modifier, discourse marker: On the various functions of *right* in the history of English / B.M. Naya // Folia Linguistica Historica. – 2006. – № 27/1-2. – P. 141-195.

218. Oh S.-Y. *Actually* and *in fact* in American English: a data-based analysis / S.-Y. Oh // English Language and Linguistics. – 2000. – No. 4. – P. 243-68.

219. Pittner K. Common Ground in Interaction: The Functions of Medial *Doch* in German // Lexical Markers of Common Grounds / Ed. by A. Fetzer, K. Fischer. – Amsterdam: Elsevier, 2007. – P. 67-88.

220. Plungian V.A. The place of evidentiality within the universal grammatical space / V.A. Plungian // Journal of Pragmatics. – 2001. – No. 33. – P. 349-357.

221. Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. New Perspectives / Ed. by C. Fedriani, A. Sansò. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – 504 p.

222. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, G. Leech, J. Svartvick. – London: Longman, 1985. – 1779 p.

223. Redeker G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure / G. Redeker // Journal of Pragmatics. – 1990. – No. 14. – P. 367-381.

224. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure / G. Redeker // Linguistics. – 1991. – № 29 (6). – P. 1139-1172.

225. Redeker G. Introduction: The pragmatics of discourse coherence / G. Redeker, H. Gruber // The Pragmatics of Discourse Coherence: Theories and Applications / Ed. by H. Gruber, G. Redeker. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014. – P. 1-22.

226. Schiffrin D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 364 p.

227. Schourup L. Discourse markers / L. Schourup // Lingua. – 1999. – № 107. – P. 227-265.

228. Schwenter S.A. Invoking scalarity: The development of *in fact* / S.A. Schwenter, E.C. Traugott // Journal of Historical Pragmatics. – 2000. – Vol. 1(1). – P. 7-25.

229. Simon-Vandenbergen A.-M. The Semantic field of Modal Certainty: A Corpus-Based Study of English Adverbs / A.-M. Simon-Vandenbergen, K. Aijmer. – Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2007. – 408 p.

230. Söderqvist E.B. Evidentiality across age and gender: a corpus-based study of variation in spoken British English / E.B. Söderqvist // Research in Corpus Linguistics. – 2017. – Vol. 5. – P. 17-33.

231. Stede M. Discourse particles and routine formulas in spoken language translation / M. Stede, B. Schmitz // Proceedings of the ACL/EACL Workshop on Spoken Language Translation. – Madrid, 1997. – P. 3-9.

232. Stede M. Discourse Particles and Discourse Functions / M. Stede, B. Schmitz // Machine Translation. – 2000. – № 15. – P. 125-147.

233. Squartini M. Italian non-canonical negations as modal particles: Information state, polarity and mirativity / M. Squartini // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New Perspectives / Ed. by C. Fedriani, A. Sansò. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 203-228.

234. Sweetser E. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure / E. Sweetser. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 174 p.

235. Taboada M. Discourse markers as signals (or not) of rhetorical relations / M. Taboada // Journal of Pragmatics. – 2006. – № 38. – P. 567-592.

236. Taglicht J. *Actually*, there's more to it than meets the eye / Taglicht J. // English Language and Linguistics. – 2001. – No. 5.1. – P. 1-16.

237. Traugott E.C. From propositional to textual and expressive meanings: some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization / E.C. Traugott //

Perspectives on Historical Linguistics / Ed. by W.P. Lehmann & Y. Malkiel. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1982. – P. 245-271.

238. Traugott E.C. On the rise of epistemic meanings in English: An example of subjectification in semantic change / E.C. Traugott // Language. – 1989. – No. 57. – P. 33-65.

239. Traugott E.C. Regularity in Semantic Change / E.C. Traugott, R.B. Dasher. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 363 p.

240. Traugott E.C. Constructions in grammaticalization / E.C. Traugott // The Handbook of Historical Linguistics / Ed. by B. Joseph & R. Janda. – Oxford: Blackwell, 2006. – P. 624-647.

241. Traugott E.C. (Inter)subjectivity and (inter)subjectification: A reassessment / E.C. Traugott // Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization / Ed. by K. Davidse. L. Vandelanotte, H, Cuyckens. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2010. – P. 29-74.

242. Urgelles-Coll M. The Syntax and Semantics of Discourse Markers / M. Urgelles-Coll. – Liverpool: Continuum, 2010. – 179 p.

243. Zavala V. Borrowing evidential functions from Quechua: The role of *pues* as a discourse marker in Andean Spanish / V. Zavala // Journal of Pragmatics. – 2001. – No.33. – P. 999-1023.

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва, 1999. – 939 с.

3. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; гл.ред. А.П. Евгеньева. – Электронный ресурс. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/

4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

5. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой [электронный ресурс], 2000. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/

6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова [электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/

7. ABBYY Lingvo Live. Англо-русский словарь. – URL: https://www.lingvolive.com/

8. Collins English Dictionary. – URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/ (дата обращения 14.05.2018).

9. Macmillan English Dictionary. – URL: http://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения 14.08.2017).

10. Merriam-Webster English Dictionary. – URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения 14.08.2017).

11. Online Etymology Dictionary. – URL: https://www.etymonline.com (дата обращения 22.02.2018).

12. The Cambridge English Dictionary – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения 22.02.2018).